



А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко



ИСТОРИЧЕСКИЕ
КЛАДБИЩА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА



ЦЕНТРОАМГРАФ

Юрий Пирютко

**Исторические кладбища
Санкт-Петербурга**

«Центрполиграф»

2011

Пирютко Ю. М.

Исторические кладбища Санкт-Петербурга / Ю. М. Пирютко —
«Центрполиграф», 2011

Это уникальное издание – плод совместной работы коллектива влюбленных в город на Неве авторов. Перед ними стояла очень непростая задача: необходимо было показать, что старые кладбища являются важной и неотъемлемой частью культурного наследия города. В книге комплексно рассматриваются все факторы, повлиявшие на формирование городского некрополя: дана топографическая и историко-культурная характеристика отдельных кладбищ; приведены общие сведения о жизни разных конфессий; описаны особенности быта и культуры этнических и социальных групп населения Северной столицы. Предыдущее издание, в 1996 г., было отмечено первой Анциферовской премией, присуждаемой за лучшие современные работы по истории Санкт-Петербурга. Но за время, прошедшее после него, ситуация существенно изменилась. Библиография петербургского некрополя пополнилась рядом монографических исследований, и возникла необходимость в серьезном дополнении и обновлении информации, что и было профессионально исполнено авторским коллективом. В основу книги легли новые данные натурных обследований, а также материалы литературных и архивных источников, большинство из которых обобщено впервые. Издание 2-е, доработанное и исправленное.

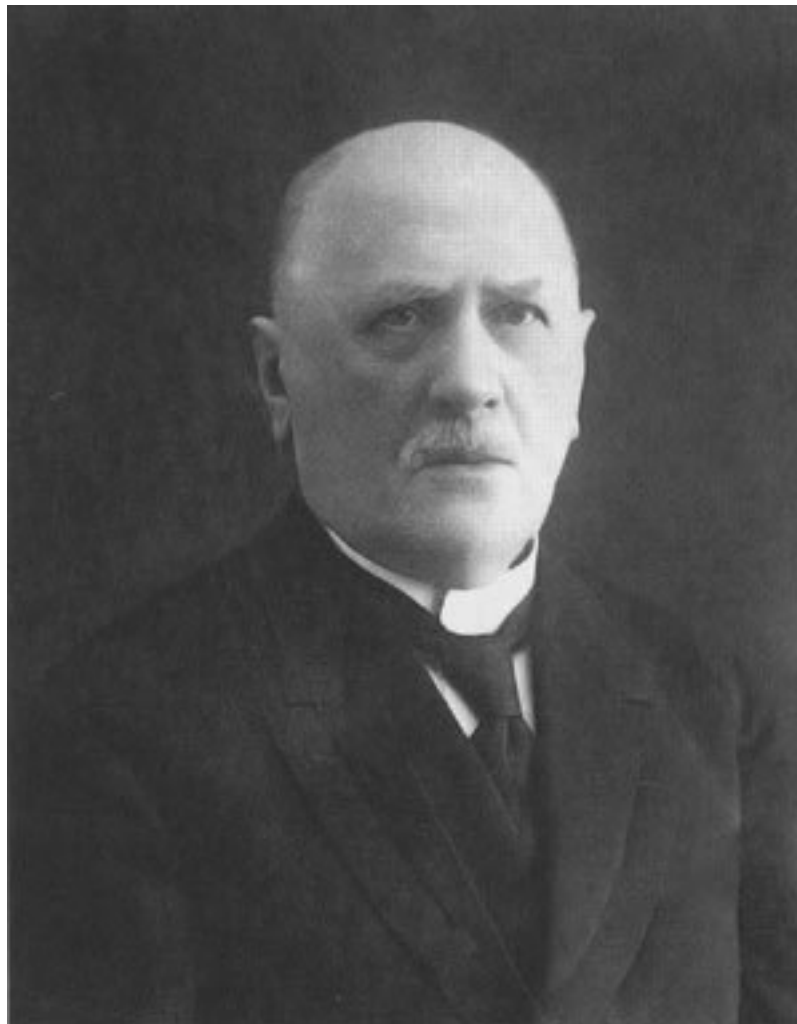
© Пирютко Ю. М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко	7
А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко	20
Ю. М. Пирютко	75
В. В. Антонов	144
Т. С. Царькова, С. И. Николаев	175
Ю. М. Пирютко	201
Ю. М. Пирютко	203
Исторические захоронения на Лазаревском кладбище	210
Ю. М. Пирютко	239
Исторические захоронения в Лазаревской усыпальнице	242
Конец ознакомительного фрагмента.	243

Александр Валерьевич Кобак, Юрий Минаевич Пирютко Исторические кладбища Санкт-Петербурга



В. И. Сайтов

Авторы и составители считают своим долгом посвятить эту книгу памяти Владимира Ивановича Сайтова (1849–1938), без работ которого немислимо изучение петербургских кладбищ. Его трудами создан свод Петербургского некрополя – списки с десятков тысяч эпитафий, содержащих массу исторических, биографических, генеалогических сведений. Подобные издания при его участии осуществлялись по Москве и провинции.

В. И. Сайтов принадлежал к тем подвижникам русской исторической науки рубежа веков, которые подвели своеобразный монументальный итог петербургскому периоду отечественной культуры. При его участии были изданы Русский биографический словарь и пять томов «Русских портретов» – настольные справочники каждого исследователя истории России XVIII и XIX вв.

Ученик академика Л. Н. Майкова, Сайтов обратил на себя внимание специалистов как автор обстоятельных примечаний к трехтомному изданию сочинений К. Н. Батюшкова (1885–1887) и к «Остафьевскому архиву» кн. Вяземского. Сайтов издал собранные его учителем

«Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина», подготовил основательную трехтомную «Переписку Пушкина» (1906–1911).

Сорок пять лет, с 1883 по 1928 г., В. И. Саитов работал в Русском отделе Публичной библиотеки. Член-корреспондент Академии наук (с 1906 г.), почетный член семи научных обществ и десяти архивных комиссий, он был хорошо известен собратям по науке.

В. И. Саитов не покинул Родину в послереволюционные годы, его не коснулась мрачная полоса террора. Он умер в Петербурге 27 января 1938 г., приближаясь к своему девяностолетию. Похоронили Саитова на Смоленском кладбище, но позже его могила оказалась потеряна...

А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА В ЛИТЕРАТУРЕ О ПЕТЕРБУРГЕ

Старые кладбища Петербурга являются ценнейшей частью историко-культурного наследия города.

Упоминание о городских кладбищах имелось в большинстве описаний Петербурга, начиная с первого из них, составленного А. И. Богдановым к пятидесятилетию города, но увидевшего свет лишь в 1779 г. Подготовивший рукопись к изданию В. Г. Рубан дополнил раздел об Александро-Невском монастыре списком ста девяноста шести эпитафий на надгробиях Лазаревского кладбища и в церквах-усыпальницах. Многие из отмеченных Рубаном надгробных плит были позднее утрачены, и это первое в литературе описание некрополя Александро-Невского монастыря до сих пор сохраняет значение исторического первоисточника.¹

Уже в «Рассуждении о свободных художествах» П. П. Чекалевского (1792) дается описание художественных надгробий работы И. П. Мартоса и Ф. Г. Гордеева.² Значительные лаврские памятники упомянуты в «Собрании достопримечательностей Санкт-Петербургской губернии» Б. Кампенгаузена, изданном в 1797 г.³

В «Истории Российской Иерархии» (1810) архимандрита Амвросия (Орнатского) помещены планы Благовещенской и Лазаревской усыпальниц с указанием мест погребения.⁴ П. П. Свиньин во 2-й тетради своих «Достопамятностей Санкт-Петербурга», изданной в 1817 г., перечислил наиболее интересные памятники Лавры и некоторые эпитафии.⁵ Этим источником воспользовался И. И. Пушкирев в «Описании Санкт-Петербурга» 1839 г. Дословно воспроизведя ряд характеристик Свиньиного, Пушкирев дополнил перечень памятников всего лишь двумя – с основанного в 1823 г. Ново-Лазаревского кладбища: «Карамзина и Гнедича, людей, которые умом и трудами своими пролагали стезю просвещения в нашем отечестве». ⁶ Хронологические списки «особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских», приведены в изданном в 1842 г. «Описании Свято-Троицкой Александро-Невской лавры» А. Павлова.⁷

Значительное место отводится петербургским кладбищам в трехтомной «Прогулке с детьми по Петербургу и его окрестностям» В. П. Бурнашева, который писал под псевдонимом Виктор Бурьянов. В этом своеобразном путеводителе упомянуты не только лаврские некрополи. Описания носят по преимуществу лирический характер, автор рассказал о связанных с городскими кладбищами народных традициях. О церкви Иоанна Предтечи в Ямской слободе Бурьянов, например, сообщает, что «в ограде ее было некогда кладбище, которого гробницы, когда-то великолепные, теперь полуразвалившиеся, заросли тернием», но что 24 июня,

¹ Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 г., сочиненное г. Богдановым... дополненное и изданное... Василием Рубаном. СПб., 1779. С. 374–446.

² Чекалевский П. П. Рассуждение о свободных художествах с описанием некоторых произведений российских художников. СПб., 1792. С. 98–99.

³ Campenhausen B. Auswahl topografischer Merkwürdigkeiten des St.-Peterburgschen Gouvernements. Th. 1. Riga, 1797. S. 111–113.

⁴ История Российской Иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором... архимандритом Амвросием. М., 1810. Ч. 2. С. 219.

⁵ Свиньин П. П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Тетр. 2. СПб., 1817 [репринт: Свиньин П. П. Достопамятности Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 66–71].

⁶ Пушкирев И. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1839 [репринт: Пушкирев И. И. Николаевский Петербург. СПб., 2000. С. 112–117].

⁷ Павлов А. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских. СПб., 1842.

на Рождество Иоанна Предтечи, «в семик» на этом заброшенном кладбище происходят гуляния. На Смоленском кладбище гулянием отмечали 28 июля, день иконы Смоленской Божией Матери: «...под сению густых дерев, на надгробных памятниках совершается поминовение об усопших... простолудины стонут, воют и, в знак воспоминания, едят, пьют на могилах кровных и друзей».⁸ Краткие сведения о кладбищах Троице-Сергиевой пустыни, Смоленском, Волковском, Тентелевском (Митрофаниевском) даны в упоминавшемся выше «Описании Санкт-Петербурга» Пушкарева.

В опубликованных в 1860 г. в «Современнике» очерках академика П. П. Пекарского «Петербургская старина», на основании записок В. Берггольца и Х. Вебера, иностранных дипломатов при дворе Петра I, рассказывается о погребении первых строителей Петербурга. Во второй части очерков среди сведений о застройке города упомянуты кладбища у Сампсониевской и Вознесенской церквей.⁹

Подробный обзор возникновения и развития петербургских кладбищ впервые появился в 1866–1867 гг. в журнале «Странник» в очерке истории Санкт-Петербургской епархии священника Михаила Архангельского.¹⁰ Труд о. Михаила посвящен преимущественно строительству церквей в Петербурге – от основания города до учреждения в 1742 г. самостоятельной петербургской епархии. Использованные в очерке материалы Синодского архива и в дальнейшем служили главным источником в исторических обзорах об устройстве городских кладбищ.

Важнейшим сводом материалов по церковному строительству в Петербурге и фундаментом для дальнейших исследований стали «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии», выходившие отдельными выпусками (1–10) с 1869 по 1885 г.¹¹ Это издание было предпринято Петербургским епархиальным историко-статистическим комитетом, официально учрежденным в 1854 г., хотя работа его началась четырьмя годами раньше. Предполагалось, собрав материалы по всем епархиям Российской Империи, дать исторические очерки обо всех действующих церквях и о текущей жизни приходов. Статьи для так и не законченного издания предоставляли священники приходских церквей на основании церковных архивов. В 1859 г. секретарь Историко-статистического комитета священник А. В. Гумилевский составил новую подробную программу по сбору материалов, в которую включил и сведения о кладбищах.

Во втором выпуске этого издания подробно излагается обсуждение вопроса о петербургских кладбищах, начало которому положено в 1732 г. В других выпусках есть сведения о Смоленском (вып. 4), Митрофаниевском (вып. 6), Большеохтинском (вып. 7) кладбищах, а также о ряде петербургских церквей, близ которых проходили погребения.

В 1854 г. в Петербурге была учреждена «Комиссия о распространении некоторых существующих в здешней столице кладбищ и об отводе места для новых». Однако дело ограничилось незначительным расширением старых территорий. Через четырнадцать лет была создана новая комиссия. Ее секретарь В. Беляев в 1872 г. издал книгу «О кладбищах в Санкт-Петербурге», содержащую исторические очерки о двадцати четырех городских некрополях. Сведения о них кратки, но дают представление о времени основания, размерах, наличии разрядов, общем числе погребений. Беляева интересовало, главным образом, санитарно-гигиеническое состояние петербургских кладбищ. Большая часть его книги посвящена техническим вопросам устройства нового Преображенского кладбища.¹²

⁸ Бурьянов В. Прогулка с детьми по Петербургу и его окрестностям. СПб., Ч. 1–3.

⁹ Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник, 1869. Т. 81. № 5/6. С. 311–338.

¹⁰ Архангельский М. Ф. Санкт-Петербургская епархия от основания Петербурга. до учреждения в Петербурге епископской кафедры // Странник, 1866. Апр. С. 1–58; Июль. С. 44–174.

¹¹ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 1–10. СПб., 1869–1885.

¹² Беляев В. О кладбищах в Санкт-Петербурге. СПб., 1872.

В фундаментальном труде П. Н. Петрова по истории Санкт-Петербурга со времени основания до учреждения в 1782 г. выборного Городского управления заметное место уделено формированию городских кладбищ. Почти четверть книги составляют примечания, основанные на многочисленных рукописных и архивных материалах. Подробный предметный указатель помогает выбрать в этом насыщенном информацией своде нужные исследователю факты. Впрочем, известно, что, владея колоссальным по объему материалом, П. Н. Петров не всегда делал бесспорные выводы.¹³

В 1870—1880-е гг. появился ряд изданий по отдельным петербургским некрополям. Большой очерк о Смоленском православном кладбище опубликовал в журнале «Русская старина» священник Стефан Оpatович. Автор подробно изложил обстоятельства устройства и расширения кладбища, строительства на нем церквей, статистику погребений. В статье приводится список более чем сотни имен похороненных на кладбище государственных деятелей, лиц духовного звания, ученых, художников.¹⁴ Ряд брошюр, вышедших в конце XIX – начале XX вв., посвящен жизнеописанию и захоронению святой блаженной Ксении Петербургской.¹⁵

О Волковском православном кладбище рассказывает небольшая книга Е. В. Аладына, изданная в 1847 г. Основательное историко-статистическое описание кладбища позднее было составлено священником Н. П. Вишняковым (1885). В нем излагается история сооружения кладбищенских церквей, приводится список примечательных памятников, занимающий тридцать страниц.¹⁶

Обстоятельное исследование о Новодевичьем монастыре и кладбище вышло в 1887 г. Его автор С. И. Снегосорова подробно описывает устройство монастырского кладбища, дает полный список погребенных с 1849 по 1887 г. (почти три с половиной тысячи имен). Приложен подробный план некрополя.¹⁷

Брошюры об истории и наиболее примечательных захоронениях изданы также по кладбищам Троице-Сергиевой пустыни,¹⁸ Митрофаниевскому,¹⁹ Серафимовскому.²⁰ Ряд статей о петербургских старообрядческих кладбищах опубликовал в 1870-е гг. священник Василий Нильский.²¹ В 1916 г. вышла основательная книга А. И. Простосердова о Волковском единоверческом кладбище.²² Описанию лютеранских Смоленского и Волковского кладбищ посвящено специальное издание 1906 г.²³

¹³ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга со времени основания до учреждения выборного городского управления. СПб., 1885 [репринт: М., 2004].

¹⁴ Оpatович С. Смоленское кладбище в Петербурге: Ист. очерк // Рус. старина. 1873. С. 168–200.

¹⁵ Смоленское кладбище: Памятник рабе Божией Ксении. СПб., 1890; Булгаковский Д. Г. Раба Божия Ксения. СПб., 1891; Он же. Могила рабы Божией Ксении на Смоленском кладбище. СПб., 1904; Белорус Ф. Юродивый Андрей Федорович, или Раба Божия Ксения. СПб., 1894; Раба Божия Ксения. СПб., 1905; Храм Светлого Христова Воскресения на Смоленском кладбище. СПб., 1904; Смоленское православное кладбище. СПб., 1906.

¹⁶ Аладын Е. В. Православное Волковское кладбище. СПб., 1847; Вишняков Н. П. Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885.

¹⁷ Снегосорова С. И. Санкт-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный женский монастырь. СПб., 1887.

¹⁸ Яковлев П. Исторический очерк первоклассной Троицко-Сергиевой Приморской пустыни. СПб., 1884.

¹⁹ Ветвеницкий Н. А. Описание Митрофаньевского Петербургского православного кладбища, с добавлением о новом сподвижнике, страннике Александре Михайловиче Крайневе. СПб., 1890.

²⁰ Паицкий П. В. Описание устройства Серафимовского в Новой деревне кладбища. СПб., 1907.

²¹ Краткий исторический очерк Громовского раскольничьего поповского кладбища в Петербурге // Церковно-обществ. вестн. 1874. № 19; Волковское Федосеевское беспоповское кладбище в Петербурге // Там же. 1874, № 107–109; Малоохтинское поморское кладбище в Петербурге // Там же. 1875, № 67–69. Эти же статьи в расширенном виде см.: Истина. 1875, кн. 42. № 9/10. С. 29–88.

²² Простосердов А. И. Волковское единоверческое кладбище. Пг., 1916.

²³ Verzeichnis der vom Kirchenrate des St.-Petri-Kirche auf den Friedhofen Volkovo und Smolensk zum Instandhaltung bernommenden Familienplatze. SPb., 1906.

Немало страниц уделил кладбищам Лавры, Троице-Сергиевой пустыни, пригородному некрополю летописец старого Петербурга М. И. Пыляев в своих «Рассказах из былой жизни столицы» и «Забытом прошлом окрестностей Петербурга».²⁴

Огромный материал для изучения всех сторон церковной жизни Петербурга за двести лет дает книга «Александр-Невская лавра. 1713–1913», подготовленная к юбилею профессором церковной истории С. Г. Рункевичем. Этот капитальный труд основан на материалах богатейшего лаврского архива. Сведения о лаврских некрополях содержатся как в основном тексте, так и в многочисленных примечаниях и приложениях.²⁵

Со второй половины XIX в. старейшие петербургские кладбища воспринимаются как хранилища уникальной исторической информации – эпитафий. В 1870 г. в журнале «Всемирный труд» историк С. Н. Шубинский опубликовал статью «Кладбищенская литература», где указал, что эпитафия «может служить отчасти источником для характеристики современного ей общества». В подтверждение своей мысли он привел списки пятнадцати эпитафий Лазаревского кладбища (не все они сохранились до нашего времени).²⁶ В 1885 г. в журнале «Исторический вестник» П. Н. Полевой описал несколько памятников близ церкви Иоанна Предтечи.²⁷

С начала XX в. открывается новый интересный аспект изучения петербургских кладбищ. Талантливый искусствовед Н. Н. Врангель в статье «Забытые могилы», опубликованной в журнале «Старые годы» в 1907 г., обратил внимание на художественные особенности надгробий петербургских некрополей, прежде всего Лазаревского и Смоленского.²⁸ Врангель в своей статье упомянул более чем о пятидесяти памятниках и впервые поднял вопрос об авторстве и стилевых особенностях художественных надгробий. Заслуга исследователя в том, что он обратил внимание читающей публики на удручающее состояние кладбищ, где гибнут художественные ценности. Журнал «Старые годы» и в дальнейшем извещал о «вандализмах», ведущих к гибели памятников.

В 1913 г. вышла книга В. Я. Курбатова «Петербург». Этот «художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы» включал материалы о памятниках Лазаревского, Тихвинского, Волковских, Смоленских, Новодевичьего и Митрофаниевского кладбищ. В богато иллюстрированной книге Курбатова есть фотографии памятников и их деталей.²⁹

Венцом изучения петербургского некрополя в дореволюционный период стали труды В. И. Саитова. Еще в 1883 г. тридцатичетырехлетний исследователь опубликовал в приложении к журналу «Русский архив» «Справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях». Список был составлен по надгробным надписям Александр-Невской лавры и упраздненных петербургских кладбищ – Благовещенского на Васильевском острове, Ямского при Крестовоздвиженской церкви, Преображенского в Колтовской слободе, Сампсониевского на Выборгской стороне и Холерного у Куликова поля. В свод, насчитывающий около двух тысяч имен, Саитов ввел и не сохранившиеся к тому времени эпитафии, извлеченные им из литературных источников.³⁰

²⁴ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. 2-е изд. СПб., 1889 [репринт: М., 1990. С. 22–51]; *Он же*. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889 [комментированное издание: Сост. Витязева В. А., Миллер О. В. СПб., 1996].

²⁵ Рункевич С. Г. Александр-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913 [репринт: СПб., 2003].

²⁶ Шубинский С. Н. Кладбищенская литература // *Всемирный труд*. 1870. № 11. С. 794–806; *Он же*. Исторические очерки и рассказы. 5-е изд. СПб., 1908. С. 691–696.

²⁷ Полевой П. Н. Забытые могилы // *Ист. вестн.* 1885. Т. 20. С. 676.

²⁸ Врангель Н. Н. Забытые могилы // *Старые годы*. 1907. Февр. С. 35–51 [переиздание: Врангель Н. барон. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 252–283].

²⁹ Курбатов В. Я. Петербург: Худож. – ист. очерк и обзор худож. богатства столицы. СПб., 1913 [переиздание: СПб., 1993].

³⁰ Саитов В. И. Петербургский некрополь, или Справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях, по надгробным надписям Александр-Невской лавры и упраздненных петербургских кладбищ. М., 1883.

Следующим крупным шагом в изучении русских кладбищ было издание в 1907–1908 гг. «Московского некрополя».³¹ Покровителем этой работы, как и последующих «некрополей», был великий князь Николай Михайлович (1859–1919) – историк, автор монографий о времени Александра I, издатель монументального свода Русских портретов XVIII–XIX вв.

В 1912–1913 гг. выходит четырехтомный «Петербургский некрополь». В основе этого издания – материалы натурных обследований кладбищ, которые В. И. Саитов с помощниками проводил в 1907–1911 гг. Свыше сорока тысяч эпитафий с надгробных памятников пятидесяти семи кладбищ Петербурга и его окрестностей собраны в этом грандиозном труде.³² В первом томе «Петербургского некрополя» содержатся: краткие исторические справки о всех обследованных кладбищах, перечень шестнадцати упраздненных в XVIII–XIX вв. кладбищ, обширная библиография.

В «Петербургском некрополе» даны полные тексты лишь оригинальных эпитафий, чаще всего стихотворных. Традиционные формулы «здесь погребен», «покойся тело» и т. п. опускались. Приведены сведения о захоронениях вплоть до начала XX в. Объясняя принцип отбора имен, Саитов отметил во вступлении к изданию «сословную точку зрения». Большинство имен – это представители дворянства, которое, по словам исследователя, «имело наибольшее значение в политической и общественной жизни России». Избирательно включены лица духовного звания, «члены именитых фамилий и представители крупных торговых фирм» из купеческого сословия. Из прочих сословий отбирались «только выдающиеся по своей деятельности лица».

Все имена размещены в алфавитном порядке, с пометкой, на каком кладбище находится тот или иной памятник. Таким образом, для того, чтобы выяснить, например, кто был похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе, надо перелистать все четыре тома «некрополя». Разумеется, по этому справочнику невозможно выяснить, в какой части кладбища находилось то или иное захоронение.

В 1910-е гг. было начато издание «Русского провинциального некрополя» и заграничных русских некрополей, прерванное в 1917 г.³³

В 1906–1910 гг. фотограф Н.Г. Матвеев проводил фотосъемку памятников выдающихся лиц, связанных с Академией художеств, на Смоленском и других исторических кладбищах. Альбом этих фотографий, хранящийся в библиотеке Академии художеств, представляет исключительный интерес, поскольку многие памятники позднее были утрачены или изменили местоположение.³⁴

В 1894–1917 гг. издавались адресно-справочные книги «Весь Петербург» (с 1915 – «Весь Петроград»). Начиная с 1913 г. в приложениях к справочникам помещались схематические планы городских кладбищ: лаврских, Смоленских, Волковских, Митрофаниевского, Большеохтинского, Выборгского католического – с указанием мест захоронения ряда известных деятелей.³⁵

³¹ Николай Михайлович, вел. кн. [Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь. Т. 1–3. СПб., 1907–1908.

³² Николай Михайлович, вел. кн. [Саитов В. И.] Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.

³³ Николай Михайлович, вел. кн. [Шереметевский В. В.] Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914; Он же [Андерсон В. М.] Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. Пг., 1915; Чернопятов В. И. Русский некрополь за границей. Вып. 1–3. М., 1908–1913.

³⁴ Подробнее см.: Пириутко Ю. М. Забытые памятники // Музеи России. 1992, № 1. С. 18–20.

³⁵ Весь Петербург на. [1913–1917] год: Адрес. и справ. кн. г. Петербурга. СПб., 1913–1917.



Великий князь Николай Михайлович

Многие ценные материалы исследователь некрополей может найти в периодической печати. Это и описания отдельных памятников, и краткие справки о некоторых кладбищах, и заметки о текущих событиях кладбищенского быта, и многочисленные некрологи. В газетах 1909-1920-х гг. довольно часто сообщали и о различных актах вандализма, разрушении кладбищенских памятников. Много материалов о петербургских некрополях помещали журналы «Иллюстрация», «Русский художественный листок», «Нива», «Родина», «Живописное обозрение», «Исторический вестник», «Зодчий», «Известия С.-Петербургской городской думы».³⁶

Тесная связь между кладбищенским и церковным строительством объясняет, почему многие материалы по истории кладбищ можно найти в литературе, посвященной петербургским храмам. В XIX – начале XX вв. подобных книг издавалось довольно много: от общих справочников и исследований до монографий по отдельным церквям.³⁷

³⁶ Примером тематического разнообразия публикаций могут служить названия некоторых статей: Кораблинский А. Кладбище св. Митрофания // Лит. прибав. к Рус. Инвалиду. 1836. № 83; Смоленское кладбище // Иллюстрация. 1846. Т. 3, № 27; Надгробия русских писателей // Рус. худож. листок. 1853; Городское Преображенское кладбище // Изв. Санкт-Петерб. Гор. думы. 1875, № 1; Преображенское кладбище близ Петербурга // Родина. 1886. № 39; Могила Я. Б. Княжнина // Живописное обозрение. 1891, № 2; О воровстве на Новодевичьем кладбище // Новое время. 1905, 1 мая (№ 10473); Кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря // Ведомости Санкт-Петерб. Градоначальства. 1911, № 82.

³⁷ Тихомиров Н.А. Путеводитель по церквам Санкт-Петербурга и ближайших его окрестностей. СПб., 1906; Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Вып. 1–6 (Петербург). СПб., 1909; Цитович Г. Г. Храмы армии и флота. Ист. – стат. описание. Пятигорск, 1913; Флоринский Д.И. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского кафедр.

* * *

В первые послереволюционные годы изучение городского некрополя было одним из направлений краеведческих исследований, которые велись тогда с небывалой интенсивностью. Особый интерес представляет «экскурсионный метод» изучения города И. М. Гревса, а также программа изучения кладбищ, предложенная Н. П. Анциферовым в книге «Пути изучения города как социального организма».³⁸

Этот период закончился к концу 1920-х гг., с разгромом петербургской краеведческой школы. В советское время старые могилы были вычеркнуты из числа городских достопримечательностей. Упоминание о могилах выдающихся деятелей отечественной науки и культуры, похороненных на Смоленских, Лаврских, Волковских, Новодевичьем и других знаменитых кладбищах Петербурга, не считалось обязательным в путеводителях. Тем более не шло речи об издании отдельных описаний городских некрополей.

Проведение в Ленинграде единственного в своем роде эксперимента – создания Музея некрополя – очень скупо освещалось в тогдашней периодике. Некрополь мастеров искусств был открыт в 1937 г., но путеводитель по нему появился лишь четверть века спустя.³⁹ Массовые путеводители по Ленинграду, издававшиеся в 1959–1970-е гг., как правило, содержали лишь беглое упоминание о музейных некрополях. Только в путеводителе 1986 г. можно найти сведения и о других городских кладбищах – впрочем, весьма скудные.⁴⁰

В конце 1970-х гг. появились первые монографические исследования Г. Д. Нетунахиной, Т. Ф. Поповой, В. В. Ермонской о русской и советской мемориальной скульптуре, в которых значительное место заняли памятники ленинградского некрополя.⁴¹ Вопросам типологической характеристики надгробий посвятил свою работу, вышедшую в 1990 г., С. Е. Компанец.⁴² Содержательный анализ ряда памятников некрополя Александро-Невской лавры дан в книге А. И. Кудрявцева и Г. Н. Шкода, вышедшей в 1986 г.⁴³

При изучении исторического некрополя Петербурга целесообразно пользоваться архивными источниками. В архивах можно найти сведения об отводе мест, планировке и расширении территории городских кладбищ, порядке погребений, проектировании и установке надгробных памятников, сооружении кладбищенских церквей и часовен. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) такие материалы находятся в фондах Синода (ф. 796, 797, 834, 835 и др.), Александро-Невской лавры (ф. 815). Церемониалы погребений царствующих особ освещаются в материалах фонда Петропавловского собора (ф. 816), церемониальной части (ф. 473). Сведения по кладбищенской архитектуре можно обнаружить в фондах Академии художеств (ф. 789), конторы от строений (ф. 467), Министерства императорского двора (ф. 485) и многих других. Значительный материал хранится в Центральном государ-

рального собора. СПб., 1857; *Владимирский А.* Краткое описание Санкт-Петербургской Сампсониевской церкви. СПб., 1890; *Аплаксин А.П.* Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге. СПб., 1909; *Томилиш А. А.* Историко-статистическое описание Екатерингофской Екатерининской церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 1905; *Корольков М.Я.* Андреевский собор. СПб., 1905; *Аплаксин А.П.* Казанский собор. СПб., 1911.

³⁸ *Гревс И. М.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсион. дело. 1921, № 1. С. 21–34; *Анциферов Н.П.* Пути изучения города, как социального организма: Опыт комплекс. подхода. 2-е изд. Л., 1926. С. 115–118.

³⁹ *Нетунахина Г.Д., Удимова Н.И.* Музей городской скульптуры. Путеводитель. Л., 1963.

⁴⁰ Ленинград: Путеводитель / Сост. Витязева В. А., Кириков Б. М. Л., 1986.

⁴¹ *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф.* Русская мемориальная скульптура: К истории худож. надгробия в России XI-начала XX вв. М., 1978; *Ермонская В. В.* Советская мемориальная скульптура. К истории становления и развития рус. сов. худож. надгробия. М., 1979.

⁴² *Компанец С. Е.* Надгробные памятники XVI-первой половины XIX вв.: Практ. пособие по выявлению и науч. описанию. М., 1990.

⁴³ *Кудрявцев А. И., Шкода Г.Н.* Александро-Невская лавра: Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986.

ственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Это, в частности, фонды Петроградской духовной консистории (ф. 19), губернских духовных правлений и благочиния, духовных академий и семинарий. В этом же архиве – фонды восьми монастырей, 19 соборов, 137 православных церквей Петербургской епархии, ряда иноверческих церквей, девяти кладбищ. Материалы по строительству имеются в фондах городской управы (ф. 513), строительного отделения Петроградского губернского правления (ф. 256), комитета городских строений (ф. 823) и др. Организация кладбищенского дела в послереволюционные годы отражена в ряде материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) (ф. 142, 1000, 7384 и др.).

Материалы краеведческих исследований 1929–1930-х гг. остались по большей части неопубликованными. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) находится фонд общества «Старый Петербург—новый Ленинград» (ф. 32). Часть материалов сохранилась в личных фондах активистов этого общества (например, фонд В. М. Лосева в отделе рукописей Российской национальной библиотеки). Там же хранится историческая справка П. П. Юрьевича о Новодевичьем кладбище с аннотированным списком захоронений. В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся рукописные некрополи и картотеки: Б. Л. Модзалевского, В. Н. Чувакова, А. И. Никольского, И. М. Картавцева; коллекции некрологов А. Ф. Кони, О. С. Гушиной.

Важный источник – материалы архива Государственного музея городской скульптуры, в основе которого картотеки и выписки первого хранителя музея Н. В. Успенского. Здесь собраны подлинные документы, подробно освещающие процесс формирования Ленинградского музея-некрополя. Долгое время этот музей, единственный такого рода в стране, был основным хранителем материалов по историческому некрополю Петербурга.

Исторические захоронения и художественные надгробия входят в число памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, находящихся под государственной охраной. В основном это памятники музейных некрополей. Лазаревское кладбище (Некрополь XVIII века), Тихвинское кладбище (Некрополь мастеров искусств), Благовещенская и Лазаревская усыпальницы, Некрополь «Литераторские мостки» считаются в целом памятниками истории и культуры федерального значения. Среди подохраненных надгробий на других кладбищах города – преимущественно памятники на братских могилах периода блокады Ленинграда, могилы Героев Советского Союза и Социалистического труда, участников революции и Гражданской войны.

Основным документом, по которому учитываются петербургские надгробия, является «Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в Санкт-Петербурге», утвержденный постановлением № 527 Правительства РФ от 10 июля 2001 г. Часть памятников поставлена на учет более ранними документами: решениями Исполкома Ленгорсовета № 328 от 3 мая 1976 г., № 757 от 24 октября 1977 г., № 124 от 27 февраля 1989 г. и др.⁴⁴

По состоянию на 2005 г. Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) в двадцати одном административном районе Санкт-Петербурга учтено около 770 надгробий на кладбищах и отдельных захоронений, находящихся под государственной охраной. В соответствии с Законом Санкт-Петербурга от 15 ноября 1999 г. «О погребении и похоронном деле» КГИОП и Комитет экономического развития, промышленной политики и торговли получили 11 июля 2005 г. поручение городского Правительства об инвентаризации дополнительно еще 574 мест захоронений «известных граждан, внесших значительный вклад в историю России и Санкт-Петербурга». Этот перечень

⁴⁴ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. [Издание Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры]. СПб., 2005.

охватывает 27 петербургских кладбищ. Таким образом, свыше 1300 могил Петербурга признаны достойными государственной охраны.

* * *

За 15 лет, прошедших с момента первого издания книги «Исторические кладбища Петербурга», городской некрополь вновь стал полноправной темой краеведческих исследований. Начало систематическому изучению исторических кладбищ было положено в Ленинградском отделении Советского фонда культуры, созданного по инициативе академика Д. С. Лихачева.

Осенью 1987 г. при Фонде культуры родилась общественная комиссия «Некрополь». Инициатором ее создания был один из лидеров группы «Спасение» Михаил Талалай. В формировании программы по изучению старых кладбищ деятельное участие принял московский историк А. Б. Рогинский. Имя Арсения Борисовича тесно связано с обществом «Мемориал», которое впервые начало работу по выявлению мест захоронения жертв массовых репрессий советского периода. Его методические указания послужили основой для разработки концепции книги «Исторические кладбища Петербурга».

Работу комиссии «Некрополь» поддержали два выдающихся ученых – академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) и академик Владимир Николаевич Топоров (1928–2005), который стал рецензентом этой книги. И если первый не раз подчеркивал в своих работах, что кладбища – ценнейшая часть культурного наследия, то второй еще в 1960-е г. начал составление свода эпитафий петербургского некрополя.

Для авторов книги существенным было показать кладбища как составную часть городского организма. Отсюда комплексный подход, включающий как топографическую и историко-культурную характеристику отдельных кладбищ, так и общие сведения о жизни отдельных конфессий, особенностях быта и культуры этнических и социальных групп населения старого Петербурга, влиявших на формирование городского некрополя. В основу статей об отдельных кладбищах легли данные натурных обследований, а также материалы различных литературных и архивных источников, большинство которых обобщено впервые.

Среди двадцати двух авторов многие обратились к теме некрополя в процессе изучения различных смежных областей петербурговедения. Особо надо отметить участие в этой книге Г. В. Пирожкова, неутомимого исследователя Смоленских кладбищ. Не будучи профессиональным историком, кандидат биологических наук Г. В. Пирожков с 1970-х гг. занимается детальным изучением старейшего из действующих некрополей Петербурга. Тысячи описаний памятников, зарисовок и фотографий, биографических справок составляют уникальный архив ученого. В настоящее время Геннадий Васильевич продолжает работу в информационном отделе ГУП «Ритуальные услуги».

В авторский коллектив вошли научные сотрудники Государственного музея истории Санкт-Петербурга: Г. Г. Приамурский, знаток правобережья и Охты; Р. Е. Крупова, работавшая тогда в Петропавловской крепости; Л. Я. Лурье – ныне популярный телеведущий, журналист и педагог. Работавшие в Государственном музее городской скульптуры Г. Н. Шкода и А. И. Кудрявцев – авторы статьи о «Литераторских мостках», ставшей, к сожалению, их последней работой. А. И. Андреев, автор трех статей сборника, хранитель мемориального музея исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Хранитель Рукописного отдела Пушкинского Дома Т. С. Царькова и сотрудник Института русской литературы С. И. Николаев написали статью об эпитафиях петербургского некрополя.

Священник Александр Берташ, работавший в Государственной инспекции охраны памятников, известен как автор исследований о церковной жизни Петербурга. В государственных архивах работали Н. В. Громов и А. С. Дубин, книги которого о петербургских улицах и домах хорошо известны читателям. Журналист И. А. Богданов – автор различных по темам

книг: от петербургских адресов Г. Шлимана до городских ресторанов, бань и гостиниц. Тщательность работы с источниками отличает публикации В. Н. Амадуни, В. В. Валдина, В. Н. Муллина. В. М. Лукин, автор основательной статьи о Еврейском кладбище, позже занимался изучением старых еврейских кладбищ на Украине, сейчас работает в Центральном архиве еврейского народа в Иерусалиме.

К работе над книгой подключился выдающийся исследователь петербургской архитектуры В. В. Антонов. В начале 1980-х гг. Виктор Васильевич, вместе с одним из составителей этой книги А. В. Кобаком, подготовил к изданию уникальную историко-церковную энциклопедию «Святыни Петербурга».⁴⁵ Готовый труд, включивший сведения обо всех православных храмах Петербурга и церквях других христианских конфессий за 300 лет существования Невской столицы, пролежал в рукописи больше 10 лет. Издать его удалось лишь после перемены социально-экономического строя в нашей стране.

Александр Валерьевич Кобак, работая в конце 1980-х гг. в Ленинградском отделении Советского фонда культуры, курировал комиссию «Некрополь». К числу запоминающихся проектов комиссии можно отнести подготовку публикации в журнале «Наше наследие» под названием «Как спасти наш некрополь». Была составлена анкета с вопросами о значении и современном состоянии исторических кладбищ тогдашнего Ленинграда. Ответы давали известные деятели культуры и науки: академик В. Н. Топоров, историки Р. Г. Скрынников, Д. И. Раскин, кинорежиссеры И. Е. Хейфиц, А. Н. Сокуров, архитектор-реставратор А. А. Кедринский, публицист П. М. Карп, литераторы Н. С. Катерли, А. Ю. Арьев, Б. В. Останин и др. Обзор материалов анкеты в сопровождался очерком по истории петербургского некрополя и впервые публикуемыми дореволюционными фотографиями старых кладбищ из архива Института истории материальной культуры (ИИМК).⁴⁶

В Центральной лектории на Литейном проспекте и Доме журналиста на Невском в 1988–1990 гг. прошли циклы лекций А. В. Кобака и Ю. М. Пирютко о храмах и кладбищах Петербурга, привлечшие внимание многих слушателей. Тема некрополя прозвучала на организованных Фондом культуры в 1989 г. первых Анциферовских чтениях.⁴⁷ В 1993 г. Фонд культуры начал издание историко-краеведческого сборника «Невский архив», в первом же выпуске которого были опубликованы материалы А. С. Дубина о Новодевичьем кладбище и Ю. М. Пирютко о мастерской А. Трискорни, специализировавшейся на надгробных памятниках.⁴⁸

Немало статей для книги «Исторические кладбища Петербурга» подготовил Ю. М. Пирютко. С 1977 г. Юрий Минаевич хранит музейные некрополи Александро-Невской лавры. Статья историка «Трагедия петербургского некрополя» в журнале «Искусство Ленинграда» впервые подняла тему, считавшуюся неуместной на страницах прессы.⁴⁹ Библиография работ Ю. М. Пирютко насчитывает свыше полутора ста публикаций, значительная часть которых посвящена мемориальной скульптуре.⁵⁰

Даже в начале 1990-х гг. выход в свет книги, посвященной историческим кладбищам, оказался проблематичным. Местных книгоиздателей эта тема не интересовала, и подготовку тома вело московское издательство «Книга» (редактор Л. С. Еремина). В непростых условиях

⁴⁵ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. Т. 1–3. СПб., 1994–1996; 2-е изд.: СПб., 2003.

⁴⁶ Кобак А., Пирютко Ю., Чудиновская Т. Как спасти наш некрополь? По материалам анкеты Ленинградского отделения Советского фонда культуры // Наше наследие. 1990. № 2 (14). С. 123–138.

⁴⁷ Пирютко Ю. М. Ленинградский пантон // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции ЛО Советского Фона культуры. Л., 1989. С. 162–166.

⁴⁸ Дубин А. С. Новодевичье кладбище // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. I. М.–СПб., 1993. С. 350–386; Пирютко Ю. М. Братья Трискорни // Там же. С. 159–172.

⁴⁹ Пирютко Ю. Трагедия петербургского некрополя // Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 54–67.

⁵⁰ Материалы к библиографии петербургских краеведов: Ю. М. Пирютко // Невский архив. Вып. V. СПб., 2001. С. 581–589.

того времени уже готовая книга чуть не стала жертвой краха издательства. К счастью, ею заинтересовалось частное «Издательство Чернышева», благодаря чему труд авторов и составителей не пропал втуне.

Книга «Исторические кладбища Петербурга» была в 1996 г. отмечена первой Анциферовской премией. Эта премия, которую присуждают за лучшие работы о Петербурге, со времени своего учреждения завоевала авторитет и признание далеко за пределами нашего города. Ее лауреатами стали многие известные российские и зарубежные исследователи.

* * *

За время, прошедшее после первого издания книги в 1993 г., ситуация заметно изменилась. Библиография петербургского некрополя пополнилась рядом монографических исследований. К сожалению, до сих пор отсутствует популярный путеводитель по основным петербургским кладбищам, однако серьезные заделы в этом направлении уже осуществлены. Достаточно подробные справки об истории петербургского некрополя и отдельных кладбищах города включены в энциклопедию «Санкт-Петербург», выпущенную Фондом имени Д. С. Лихачева.⁵¹

Единственный в стране музей, в ведении которого находятся кладбища и усыпальницы Александро-Невской лавры и «Литераторские мостки», в 2004–2006 гг. издал три тома научного каталога «Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры».⁵² К этому надо добавить не имеющее прецедентов издание в 2005–2006 гг. полных аннотированных планов музейных некрополей. К плану Некрополя мастеров искусств прилагаются биографические справки по всем сохранившимся здесь 182 памятникам. На планах участков Лазаревского кладбища (Некрополя XVIII века) отмечено местонахождение 1 126 памятников этого музея под открытым небом.⁵³ В третий том с планами участков некрополя «Литераторские мостки» включены биографические справки о 516 деятелях литературы, искусства и науки.⁵⁴

Серьезным вкладом в изучение иноверческого некрополя Петербурга стали труды историков В. Бёма и Р. Лейнонена. Материалы натурных обследований и систематизация архивных источников позволили создать многотомное полное описание Волковского немецкого кладбища, в которое включены как все сохранившиеся надгробия, так и утраченные, но упоминающиеся в старых описаниях некрополя.⁵⁵ В книге о Смоленском немецком кладбище, к сожалению, не переведенной на русский язык, даны описания и зарисовки памятников, которые Лейнонен изучал в течение десятка лет.⁵⁶ Краткое, но содержательное описание этого же некрополя было издано Г. В. Пирожковым.⁵⁷

⁵¹ Санкт-Петербург. Энциклопедия. Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева. СПб.-М., 2004.

⁵² Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Сост. А. А. Алексеев, Ю. М. Пирютко, В. В. Рытикова. Т. 1. Благовещенская и Лазаревская усыпальницы. СПб., 2004; Т. 2. Некрополь мастеров искусств. СПб., 2005; Т. 3. Некрополь XVIII века. СПб., 2006.

⁵³ Государственный музей городской скульптуры. Некрополь мастеров искусств. План-путеводитель. СПб.: Центр «Севзапгеоинформ», 2006; Государственный музей городской скульптуры. Некрополь XVIII века (Лазаревское кладбище). Лазаревская усыпальница. План-путеводитель. СПб.: Центр «Севзапгеоинформ», 2006.

⁵⁴ Федеральное государственное унитарное предприятие Северо-Западный региональный центр геоинформации и маркетинга. Государственный музей городской скульптуры. Некрополь «Литераторские мостки». План-путеводитель. СПб., 2008.

⁵⁵ Бём В.Г. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга. Справочник-путеводитель. Т. 1–3 (издание продолжается). СПб., 1998–2004.

⁵⁶ Leinonen R., Voigt E. Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen Evangelisch-Lutherischen Smolenski Friedhof und die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg, 1998.

⁵⁷ Пирожков Г.В., Пирожков Е.Г. Смоленское лютеранское кладбище в С.-Петербурге. СПб., 1996.

Никольскому кладбищу Александро-Невской лавры посвящена книга Л. И. Соколовой «Когда горит свеча», включающая перечень сохранившихся могил и краткие биографические справки о некоторых погребенных.⁵⁸ В результате совместных исследований КГИОП и центра «Севзапгеоинформ» издан свод захоронений на петербургском Новодевичьем кладбище.⁵⁹ КГИОП подготовил также свод захоронений на Чесменском воинском кладбище.⁶⁰

В Петербурге, колыбели морской славы России, на разных кладбищах похоронено немало выдающихся флотоводцев, строителей кораблей, мореплавателей. За последнее время издано два «Морских некрополя»: историка-любителя М. Р. Федорова и подохранных памятников по спискам КГИОП.⁶¹

Появился ряд книг и публикаций по отдельным кладбищам, не включенным в состав книги «Исторические кладбища». Во второй половине XX в. важное значение для истории ленинградской интеллигенции приобрело скромное поселковое кладбище в Комарово. Полное описание и план этого некрополя по состоянию на 1997 г. содержится в сборнике КГИОП «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга».⁶² Появились печатные описания Казанского кладбища в г. Пушкине, Свято-Троицкого кладбища в Петергофе, Ораниенбаумских кладбищ.⁶³ Представляет интерес книга настоятеля костела св. Станислава о. Кшиштофа Пожарского, посвященная уничтоженному римско-католическому кладбищу на Выборгской стороне.⁶⁴

Фотоэкспозиция, посвященная музейным некрополям Петербурга, вошла в состав выставки «Некрополь-2002», показанной на территории Всероссийского выставочного центра (бывшая ВДНХ) в Москве. Организатор выставки, президент выставочного общества «Сибирская ярмарка» С. Б. Якушин с 2003 г. начал издание в Новосибирске российского информационно-аналитического журнала «Похоронное дело». В апреле того же года выставка похоронного искусства «Пантеон» прошла в Петербурге, во дворце спорта «Юбилейный». Ритуально-духовный журнал «Реквием», на страницах которого помещаются материалы о современном состоянии петербургских кладбищ, издается с 1996 г. Его издатель – журналист А. П. Сазанов, учредитель и директор редакционно-издательской фирмы «Роза мира», автор содержательной книги «Похоронное дело в России: история и современность».⁶⁵ Им создан и поддерживается тематический сайт www.requiem.ru.

Надо отметить также сайты www.funeral.spb.ru, www.kladbis4a.int2000.ru, www.petergen.com. Последний сайт (Петербургский генеалогический портал) поддерживается Русским генеалогическим обществом, которое издало на компакт-диске «Петербургский некрополь» и другие «некрополи», выходившие под покровительством великого князя Николая Михайловича. Одно из справочных изданий этого общества, подготовленное В. Н. Рыхля-

⁵⁸ Соколова Л. И. Когда горит свеча: Из истории захоронений Никольского кладбища Александро-Невской лавры. Вып. 1. СПб., 2003.

⁵⁹ Маркина Н. Л., Рогулина Н. В., Савинская Л. П., Шмелева О. А. Новодевичье кладбище. СПб., 2003.

⁶⁰ Савинская Л. П., Виноградов Ф. В. Чесменское воинское кладбище 1941–1944. СПб., 1995.

⁶¹ Федоров М. Р. Морской некрополь Петербурга. СПб., 2003; Маркина Н. Л., Рогулина Н. В., Савинская Л. П., Шмелева О. А. Морской некрополь. СПб., 2000.

⁶² Кобак А. В., Нырклов А. А., Пирютко Ю. М. Комаровский некрополь: материалы к историческому описанию // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1997. С. 405–461. См. также: Мельников В. А., Моженов Э. С. Комаровский некрополь. План-путеводитель. СПб., 2000.

⁶³ Гуцин В. Петергофский некрополь: Свято-Троицкое кладбище. СПб., 1997; Казанское кладбище в Царском Селе. Сост. Егоров А. Ю., Давыдова Н. А. Царское Село, 2003; Панов В. Царскосельский некрополь. СПб., 2005; Парахуда В. А., Панов В. А. Ораниенбаумский некрополь: Опыт исторической реконструкции // Невский архив. Вып. VII. СПб., 2006. С. 349–392.

⁶⁴ Пожарский К. Бывшее Выборгское римско-католическое кладбище в Санкт-Петербурге (1856–1950). Книга памяти. СПб. – Варшава, 2003.

⁶⁵ Сазанов А. П. Похоронное дело в России: история и современность. СПб., 2001.

ковым, представляет собой первую на русском языке библиографию отечественной некрополистики.⁶⁶

В организации «ритуальных услуг» за последние годы произошли определенные положительные изменения. Однако пафос книги «Исторические кладбища» сохраняет свою актуальность. Послереволюционный вандализм, разрушение традиций, агрессивный атеизм 1920-1960-х гг., планы широкомасштабной реконструкции города, в результате которой были безвозвратно утрачены многие кладбища, погибли десятки тысяч памятников – все это, к сожалению, часть нашей истории.

Чтобы уберечь исторические кладбища от полной гибели, необходимо заново осмыслить место и значение некрополя в нашей духовной жизни. Некрополь – город мертвых – это пространство особого порядка, сохранение которого в его целостности имеет непреходящее социально-нравственное значение. Упадок некрополя – симптом духовной болезни всего общества, болезни очень опасной. Надо не только совершенствовать законодательство об охране памятников, но возродить в современном обществе уважительное отношение к самому месту кладбища, выражающему идею связи поколений и исторической преемственности.

⁶⁶ Рыхлаков В.Н. Избранная библиография отечественной некрополистики. СПб., 2003.

А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Книга, которую вы держите в руках, посвящена историческим кладбищам Санкт-Петербурга. Понятие *историческое кладбище* мы относим к тем городским некрополям, которые возникли и сформировались в XVIII-начале XX вв. Этот рубеж не случаен. В XX столетии во многом изменилось само сущностное понимание кладбища.

На протяжении многих веков кладбища были объектом раздумий историков и философов, поэтов и богословов. Древнейшие известные нам памятники материальной культуры связаны с погребениями мертвых и отражают представление людей о загробной жизни. Достаточно вспомнить египетские пирамиды, скифские курганы, могильники Алтая и Сибири. С кладбищами связаны многочисленные легенды, сказки, предания. В фольклоре – это место, внушающее суеверный ужас. Согласно христианскому вероучению, кладбище – священная земля, нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда.

В России, вплоть до отделения церкви от государства, кладбища были прежде всего церковными учреждениями. Все особенности их повседневной жизни и устройства определялись религиозными понятиями. Многовековая церковная традиция придавала духовный смысл всему кругу обрядов, связанных с тайной смерти, погребением и поминовением умерших, уходом за могилами. Как и в большинстве европейских государств, русские кладбища XVIII-начала XX вв. находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер (православные, католические, лютеранские, магометанские, еврейские и т. д.).

После революции потеряла смысл социальная топография кладбищ, их разделение на «богатые» и «бедные», как и существование внутри них особых участков – «разрядов», различавшихся по стоимости погребения. Наконец, изменилось отношение к надгробию как художественному произведению, сочетающему выразительные средства архитектуры, скульптуры, геральдики, эпитафии.

Петербург в течение двух столетий был столицей Российской Империи, средоточием ее политической, экономической, культурной жизни. Петербургский некрополь – это летопись города, хранящая тысячи имен государственных деятелей, военных, ученых, артистов, писателей, художников, музыкантов – цвет духовной и политической жизни России.

«Надгробный камень петербургского кладбища, пролежавший на могиле около 150 лет, – это для молодого Петербурга уже весьма почтенная старина, заслуживающая полного уважения»⁶⁷. Так писал 130 лет назад исследователь в статье, посвященной «забытым могилам». Ущерб, нанесенный историческим некрополям города после революции, не сравним по своим масштабам с предшествующей эпохой. Безвозвратно погибли тысячи исторических захоронений и художественных надгробий. Многие кладбища уничтожены целиком; те, что сохранились, – разорены и запущены. Сейчас невозможно еще в полной мере оценить исторические, культурные и нравственные последствия этого явления.

Там, где живут люди, – там есть кладбища. Веками люди хоронят на них своих близких, приходят на могилы. Но иногда, в периоды исторических потрясений, традиционный уклад рушится. Меняется общественное сознание, становится иным состав населения – и связь поколений ослабляется. Потомки перестают посещать могилы предков. Такие кладбища есть (или недавно еще были) в каждом городе. Как правило, их судьба складывалась трагично.

⁶⁷ Полевой П. Н. Забытые могилы // Ист. вестн. 1885. Т. 20. С. 676.

Лишь в последние годы стала сознаться глубокая общественная потребность в бережном и уважительном отношении к кладбищам, как важнейшему хранителю исторической памяти народа. Изучение их представляет огромный интерес в самых различных аспектах социально-экономической, общественной, политической, духовной истории не только Петербурга, но и всей России.

История Города и Некрополя неразделимы. «Кладбище, – отмечал Д. С. Лихачев, – это элемент города, своеобразная и очень ценная часть городской архитектуры». Как бы продолжая эту мысль, академик В. Н. Топоров писал: «Для города такого уникального культурно-исторического значения, как Ленинград, любое нарушение исторически сложившихся «культурных» объектов или чисто «природных» урочищ (кладбища сочетают в себе и то и другое) – от физического разрушения или своевольного изменения до переименования – преступление, которое не имеет оправданий»⁶⁸.

* * *

Санкт-Петербург был основан 16 (27) мая 1703 г., в праздник Святой Троицы, день почитания важнейшего символа христианского единения и любви. Обстоятельство это имело глубокий смысл при основании города, которому суждено было стать столицей великого государства.

Примечательно, что праздник Троицы по православной традиции связан с поминовением мертвых. Наверное, и в тот майский день в памяти свидетелей закладки нового города были те, кто погиб в боях Северной войны, в огне которой родился Петербург. Война эта была начата с целью возвращения земель русского северо-запада – Верхней Руси, в течение восьмидесяти шести лет находившихся под шведским владычеством. Приневские земли издавна входили в состав владений Великого Новгорода.

На территории современного Петербурга уже в XVI в. было несколько десятков деревень, состоявших из тысячи восьмидесяти двух дворов. Местное население включало как славян, так и ижору, чудь, весь, карелов – коренных жителей этих земель. Их образ жизни, предания, традиции оказывали влияние и на обычаи, связанные с погребением. Разумеется, на этих землях были кладбища. Обычно они размещались к западу от села, за околицей. Характерной особенностью невских земель было то, что часто место погребения выбиралось вблизи реки. Можно предполагать, что старейшие из известных нам петербургских кладбищ располагались на месте древних скуделен. Так, было кладбище у деревни Калинкиной, известной с новгородских времен. Место для Александро-Невского монастыря с кладбищем при нем выбрали у деревни Вихтула. Охтинское кладбище находилось первоначально на берегу Невы, к западу от шведского города с крепостью Ниеншанц. Кладбище в западной части Васильевского острова было вблизи финских деревушек, известных до основания Петербурга, и т. д.

В первые годы существования Петербург обходился без регулярных городских кладбищ. Быт молодого города, возводимого фактически на пустом месте, еще не налачился, строители в большинстве надеялись, отработав повинность, вернуться в родные места. К осени 1703 г. на строительстве было уже занято около двадцати тысяч человек. «Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются», – писал Петру I князь А. Д. Меншиков. Ежегодно в Петербург должно было являться сорок тысяч рабочих, однако такого количества не набиралось. На строительстве трудилось примерно двенадцать—восемнадцать тысяч людей. Крестьяне и посадские люди приходили на одну смену, продолжавшуюся два месяца, после чего отправлялись по своим селам и городам. Лишь через десять лет трудовую повинность

⁶⁸ Наше наследие. 1990. № 2. С. 128.

полностью отменили и строительные работы стали проводиться людьми, привлеченными по вольному найму.

Кроме рабочих (так называемых «подкопщиков»), город нуждался в мастерах строительного дела, которые по указу Петра направлялись в Петербург на вечное житье в принудительном порядке. Это были переведенцы – кузнецы, кирпичники, каменщики, гончары, столяры, плотники, ямщики. Они селились слободами и составили первоначальное ядро коренного населения Петербурга.

Недоедание, непривычный климат, болезни делали свое дело: смертность среди рабочих была высока. Иностранцы определяли число погибших на строительстве Петербурга в шестьдесят, восемьдесят, даже в сто тысяч человек. Эти цифры, вероятно, преувеличены, но нет сомнения в том, что земля будущей столицы упокоила не один десяток тысяч ее устроителей.

Как хоронили первых строителей Петербурга? По словам В. Берггольца, «крестьян, которые умирали на работах в петербургской крепости, тотчас же там и зарывали». Х. Вебер сообщал, что к 1718 г. в Петербурге «были запрещены вой и приговаривания над умершими и вообще весь обряд погребения рабочих был самый немногосложный: если умирал крестьянин, то его клали где-нибудь на видное место и зажигали восковую свечу, чтобы вызвать у проходящих подаяние на погребение; сострадательные прохожие клали деньги у свечи, и когда близкие покойного и те, кто взялся похоронить его, считали сбор достаточным на покрытие издержек, то завертывали тело в рогожу, завязывали его кругом веревками, как мешок, и клали на носилки, которые двое носильщиков на плечах относили к могиле»⁶⁹.

27 июня 1709 г., в день святого Сампсония Странноприимца, русские войска одержали победу под Полтавой, обозначившую решительный перелом в Северной войне. Реальная опасность более не угрожала Петербургу. Появилась уверенность, что, по слову Петра, «от малой хижины возрастет город».

С Полтавской победой связано возникновение первого исторически известного кладбища Петербурга — *Сампсониевского*. Через пять месяцев после «баталии» в память об этом событии на Выборгской стороне заложили бревенчатую церковь, освященную в 1710 г. К этому времени относится упоминание о существовании при ней кладбища. Через четыре года при церкви была открыта первая в городе богадельня.

Деревянная церковь вскоре обветшала, и в 1728–1740 гг. рядом был возведен каменный храм с шатровой колокольной над воротами. Старую церковь разобрали, на месте ее алтаря устроили часовню. При жизни Петра и вплоть до середины XVIII в. день Полтавской битвы отмечался торжественным богослужением и парадом в высочайшем присутствии. Позже в этот день в Сампсониевской церкви (с 1909 г. – соборе) ежегодно служился молебен и панихида с провозглашением вечной памяти Петру Великому.

В XVIII в. правый берег Большой Невки, близ которого находится Сампсониевский храм, считался предместьем. Отсюда начиналась дорога на Выборг – одно из важных стратегических направлений в годы Северной войны. Хотя переправа с берега на берег до устройства во второй половине XVIII в. плашкоутного Сампсониевского моста осуществлялась лишь через перевоз, а зимой – по льду, Выборгская дорога была достаточно оживленной.

Старая традиция размещать кладбище за городской чертой, зримо выражавшейся рекой, удобно сочеталась здесь с близостью к проезжей дороге. Так выбиралось место и в дальнейшем: для Ямского кладбища близ Новгородской дороги, для Калининского – у Нарвского тракта.

Вряд ли случайно посвящение Полтавской победе храма, стоящего в начале дороги, что вела к владениям шведского короля. Символика названия, как всегда в петровское время, многозначна: имя святого Сампсония, покровительствующего путникам, придает особый смысл кладбищу при храме – последнему приюту земных странников.

⁶⁹ Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 81. С. 336.

Сампсониевское кладбище было городским. Здесь хоронили дворян, мещан, купцов, ремесленников – простой люд и «благородных». Различным был и характер погребений: от «князь-папы» П. И. Бутурлина, похороненного в присутствии Петра I, до умершего в 1726 г. в Петропавловской крепости И. Т. Посошкова, автора известной «Книги о скудости и богатстве». В 1721 г. здесь похоронили сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, повешенного за казнокрадство, в 1740 г. были преданы земле останки казненных А. П. Волынского, П. М. Еропкина, А. В. Хрущева.

С первых лет существования Петербурга появилась необходимость в особых кладбищах для жителей иностранного вероисповедания. Военные специалисты, инженеры, механики, архитекторы, ученые, медики, мастера адмиралтейской верфи – множество людей родом из Голландии, Франции, Швейцарии, Дании, германских княжеств оказались в это время в России, внося заметный вклад в строительство города на берегах Невы.

В допетровской православной Руси не только место погребения, но и само место жительства иностранцев было строго изолировано (как, например, «Немецкая слобода» в Москве). То же, кстати, было и в других европейских странах: в католических Испании и Италии иноверцы не могли быть похоронены в ограде «священной земли» церковного кладбища.

В Петербурге веротерпимость с самого начала была важной чертой городского быта. С 1706 г. близ Главной аптеки на левом берегу Невы существовал католический приход со своей церковью. Протестанты молились в церкви на дворе адмирала К. И. Крюйса. Шведы и финны, переехавшие в Петербург из разоренного Ниеншанца, совершали богослужения в наемном доме в районе «финских шхер» близ Мойки. Безразличие основателя города к тонкостям церковного исповедания доходило до того, что по его повелению иноверцев Р. Арескина и А. Вейде похоронили в православном Невском монастыре. Но, как правило, иностранцев погребали в специально отведенных местах вблизи городских православных кладбищ.

Недалеко от Сампсониевского православного кладбища, выше по течению Большой Невки, появилось иноверческое («немецкое») кладбище. Известно, что на нем были похоронены братья Блументросты: архиатер Иван Лаврентьевич (1676–1756) и лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755), первый президент Санкт-Петербургской Академии наук. Среди первых петербургских академиков, погребенных на Сампсониевском: филолог и историк Готлиб Байер (1694–1738), математик Кристиан Гольдбах (1690–1764). Сампсониевское немецкое кладбище памятно в истории петербургского искусства. Здесь были похоронены зодчие Жан Леблон (1679–1719), Николаус Гербель (ум. 1724), Доменико Трезини (1670–1734), живописец Георг Гроот (1716–1749), скульптор Бартоломео Растрелли (1675–1744), а возможно, и сын последнего, архитектор Франческо Растрелли (1700–1771).

В ограде Сампсониевского храма недалеко от руководителя «Комиссии о Санкт-Петербургском строении» П. М. Еропкина (1698–1740) был погребен строитель здания Академии художеств А. Ф. Кокоринов (1726–1772)⁷⁰.

Упразднение Сампсониевских кладбищ – православного и иноверческого – произошло в 1770-е гг., но территория долгое время не была застроена; отдельные надгробные плиты во дворе церкви и в стенах храма сохраняются до настоящего времени.

В 1710-е гг. Сампсониевское кладбище не было единственным на правом берегу Невы. По указу Петра I, в 1715 г. на Выборгской стороне «в мазанках» были открыты морской, а четырьмя годами позже – сухопутный госпитали. При них упоминается особое «*госпитальное кладбище*» с церковью святого Иоанна Богослова, приписанной к Сампсониевской. Кроме того, в восточной части Аптекарского острова, рядом с Ботаническим садом, находилось еще одно инославное *Аптекарское кладбище*. Оно возникло раньше Сампсониевского, после открытия

⁷⁰ Александр Филиппович Кокоринов // Нива. 1870. № 52.

которого на Аптекарском хоронили главным образом весной и осенью, когда ледоход или шторм нарушал связь с Выборгской стороной.

Вторым городским кладбищем стало *Ямское*. По указу 1713 г., в Петербург переселили «ямщиков лучших и семьянистых», которые составили население Ямской слободы, располагавшейся по Московскому (Новгородскому) тракту. В 1718–1719 гг. ямщики выстроили в слободе деревянную приходскую церковь Рождества Иоанна Предтечи. Позднее, в 1748–1749 гг., здесь была сооружена каменная церковь во имя Воздвиженья Животворящего Креста Господня (перестроенная в середине XIX в.).

19 июля 1719 г. Петр I послал архимандриту Невского монастыря Феодосию указ: «... в ямской слободе от церкви в длину до Черной речки и в ширину от церкви по обе стороны [отмерить] по пятидесяти сажень для погребения в том месте умерших тел всякого чина людей здешней стороны, сделать ограду деревянную по обыкновению... из бедных умерших не имая никакой платы погребать, а кроме вышеозначенного места нигде не погребать»⁷¹. Наблюдение за порядком на устраиваемом кладбище поручалось «ямской слободы почтмейстеру». В указе отмечалось: «...а ежели кроме вышеозначенного места близ того в рощицах как где инде станут хоронить, так и в указанном месте в погребении кто какое препятствие будет чинить, и то взыщется на оном почтмейстере». Судя по этому указанию, в окрестных «рощицах» хоронили и до официального устройства Ямского кладбища. Как и Сампсониевское, это кладбище перестало существовать в 1770-е гг.

Старейшим кладбищем Петербурга, сохранившимся до наших дней, является *Лазаревское* в Александро-Невской лавре (музейный Некрополь XVIII века). Формирование этого некрополя началось вскоре после освящения в 1713 г. первой в монастыре деревянной Благовещенской церкви. Рядом с ней в 1717 г. построили каменную Лазаревскую часовню для погребения сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны.



⁷¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 7.



Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры



Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры

Лазаревское кладбище не было приходским. На нем хоронили лишь знатных особ, по повелению, а часто и в личном присутствии Петра I. Так, в 1719 г. здесь был похоронен гене-

рал-фельдмаршал граф Б. П. Шереметев, что открыло традицию погребения в Невском монастыре выдающихся военачальников⁷².

Петербург в течение всего исторического существования Российской Империи был столицей государства. В Петропавловской крепости, основание которой стало днем рождения города, находилась *императорская усыпальница* – придворный Петропавловский собор. Царский двор переехал в новую столицу в 1712 г., и с этого времени почти всех представителей царствующей династии хоронили в Петербурге. До этого в течение трех с половиной веков усыпальницей русских царей был Архангельский собор в Московском Кремле.

Петропавловский собор в крепости сооружался в 1712–1733 гг., но первое погребение в нем относится к 1715 г. Под недостроенной еще колокольной была похоронена жена царевича Алексея Петровича, принцесса Брауншвейг-Люнебургская Шарлотта, скончавшаяся вскоре после родов сына, будущего императора Петра II. Вечером 30 июня 1718 г. в присутствии Петра I рядом было предано земле тело ее мужа, замученного царевича Алексея.

Ранг императорской усыпальницы Петропавловский собор приобрел лишь после смерти Петра Великого. Он скончался 28 января 1725 г., рано утром. В течение сорока дней происходило прощание с покойным императором. Между тем 4 марта умерла любимая младшая дочь Петра, царевна Наталья Петровна. 10 марта под звон церковных колоколов и пушечную пальбу тела Петра I и его дочери были перенесены по льду Невы из старого Зимнего дворца в Петропавловскую крепость. Гробы установили в специальной деревянной часовне посреди недостроенного собора. После отпевания архиепископ Новгородский Феофан Прокопович произнес знаменитую проповедь, которая считается лучшим образцом его ораторского искусства. В 1727 г. в часовне установили гроб императрицы Екатерины I. Лишь в 1731 г. соорудили постоянную усыпальницу Петра, а через два года, 26 июня 1733 г., архиепископ Феофан освятил оконченный Петропавловский собор.

На территории крепости существует небольшое *Комендантское кладбище*. В 1720 г. у алтаря собора похоронили коменданта крепости графа Р. В. Брюса, и затем по традиции здесь погребали всех начальников крепости.

К концу царствования Петра I сложилась определенная система петербургского некрополя. В центре города возвышался Петропавловский собор – символ и архитектурная доминанта столицы, усыпальница ее основателя и членов императорской фамилии. За пределами Петербурга находились городские кладбища: на севере – Сампсониевское; на юге, на левом берегу Невы, – Ямское. Особое место занимало аристократическое Лазаревское кладбище Невского монастыря, закрытое для рядовых погребений.

Одновременно делались попытки прекратить захоронения у городских приходских церквей. Указ 1725 г. предписывал «мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутри городов не погребать, а погребать их в монастырях и приходских церквях вне городов»⁷³. Однако при большинстве приходских церквей Петербурга в первой половине XVIII в. все же появились кладбища, захоронения на которых продолжались на протяжении нескольких десятилетий.

В Великий пост 1722 г. начались службы во временной церкви, расположенной в западной части Петербургского острова, где квартировал Невский гарнизонный полк под командой П. Колтовского. По его имени называлась Колтовская слобода, жители которой были прихожанами нового храма, как и служащие «зелевых» (пороховых) заводов и жители соседних Крестовского и Аптекарского островов. При церкви появилось *Колтовское кладбище*, где хоронили, кроме местных жителей, жертв расположенной поблизости Тайной канцелярии. Среди них был восьмидесятидвулетний иеросхимонах Иоанн, первый настоятель Саровской оби-

⁷² Более подробные сведения о сохранившихся до нашего времени некрополях см. во второй части настоящего издания.

⁷³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. 1725. № 4322. С. 130.

тели. В 1726–1727 гг. взамен временной в Колтовской возвели деревянную приходскую церковь во имя Преображения Господня. С устройством дорог, соединивших отрезанную болотами Колтовскую слободу с центральной частью Петербургского острова, кладбищем стали пользоваться и другие его жители. Погребали здесь до конца 1770-х гг. Преображенская церковь, перестроенная в камне в 1860-е гг., снесена в 1932 г.⁷⁴



Вознесенская церковь

Еще при Петре I для рабочих Адмиралтейства поставили в Переведенских слободах на берегу Глухой речки походную церковь. (Это место на пересечении Екатерининского канала с Вознесенским проспектом.) В 1728–1729 гг. по проекту И. К. Коробова был построен деревянный храм Вознесения Господня. Через три месяца после освящения, 8 мая 1729 г., последовало разрешение «при оной церкви быть погребению мертвых телес, понеже та церковь состоит от жилья не в близости; и погребать те телеса на порожних местах, где берез не имеется, чтоб тех берез повреждения не было отныне»⁷⁵. *Вознесенское кладбище*, «по прешпективной от Адмиралтейства чрез Синий мост дороге за Глухой речкой, где места к Фонтанной речке», считалось действующим наряду с Сампсониевским и Ямским⁷⁶. Уже после упразднения этого кладбища, в 1755–1769 гг., по проекту А. Виста и А. Ринальди был построен пятиглавый храм Вознесения Господня с высокой колокольной (взорван в 1936 г.).

Еще одно кладбище, история которого восходит к 1720-м гг., находилось близ Калинкиной деревни, по дороге на Екатерингоф. Здесь, на левом берегу Фонтанки, в петровские времена существовала шпалерная мануфактура, при которой в 1721 г. была построена деревянная

⁷⁴ Многие сведения о снесенных церквях были впервые опубликованы В. В. Антоновым и А. В. Кобаком в каталоге выставки «Утраченные памятники архитектуры Петербурга-Ленинграда» в 1988. Подробные сведения см.: Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. Т. 1–3. СПб., 1994–1996; 2-е изд.: СПб, 2003.

⁷⁵ ЦГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 581. Л. 100.

⁷⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 4.

церковь святой Екатерины. Кладбище называли *Калинкинским*, или *Екатерингофским*. Рядом находилось и небольшое лютеранское кладбище.

В 1729–1732 гг. на Преображенском (Васильевском) острове по просьбе местных жителей был построен бревенчатый храм во имя св. апостола Андрея Первозванного. *Кладбище при Андреевской церкви* появилось самовольно, с 1738 г. захоронения на нем были запрещены.

Не о всех приходских кладбищах первой половины XVIII в. сохранились документальные свидетельства. Судить об их существовании часто приходится по косвенным данным. Так, в 1710-е гг. на Выборгской стороне возникли Компанейская и Бочарная слободы, где жили работавшие для армии пивовары и бондари. Церковь во имя Спаса Происхождения Честных Древ, называвшаяся в народе *Спасо-Бочаринской*, упоминается с 1714 г.; в 1749–1752 гг. ее заменили каменной. Документов об учреждении и закрытии при ней кладбища не обнаружено, но могильные плиты 1770-х гг. сохранялись на этом месте до начала XX в.⁷⁷

После недолгого затишья в строительстве Петербурга, когда в 1728–1730 гг. двор переехал в Москву, с воцарением Анны Иоанновны столица вернулась на берега Невы. Новый этап строительства города коснулся и петербургского некрополя.

Осенью 1732 г. императрица утвердила особый доклад Синода о «погребальных местах» в Петербурге. В нем указывалось, что «чинилось и поныне чинится погребение усопших» при Сампсониевской церкви «в батальоне», Предтеченской – в Ямской слободе, и, с недавнего времени, при Вознесенской – в Переведенских слободах. «А понеже при вышепоказанных двух Сампсониевской и Предтеченской церквях, где чинятся погребения, места весьма низкие и водяные, а затем могилы копать глубоко никак невозможно. И тако тела в землю кладутся недалеко, которых уж там положено число великое, отчего (для известных резонов) имеется и опасение»⁷⁸. Поэтому указ предписывал Сампсониевское и Ямское кладбища из городских превратить в приходские – «погребение чинить бы токмо их прихода жителям, а при других бы в Санкт Питер Бурхе церквях того погребения не чинить».

Указ 1732 г. определил четыре кладбищенских места, а практически законодательно утвердил ранее возникшие кладбища. Учитывая, что «от штурмов на реке Неве и в разлитии внешней воды жителям в перевозах усопших телес бывает немалая трудность», место для погребения назначалось на Петербургском острове *при Матфиевской церкви* в слободе Бело-зерского пехотного полка (освящена в 1720 г.). Однако уже весной следующего года место это признали «низким и водяным», и вновь было велено хоронить при церкви Преображения Господня в Колтовской слободе. «Кладбищное место» на Васильевском острове намечалось близ Галерной гавани. Указано было также место при церкви на Большой Охте, «а когда штурмы и наводнения прислучатся, тогда оное погребение чинить против охтенских слобод на Московской стороне».

Местоположение последнего кладбища историки Петербурга не смогли с достоверностью определить. Согласно протоколу Синода от 25 октября 1732 г., *на Московской стороне напротив Охты* отводился участок длиной и шириной по сто сажень. Предписывалось построить там «каменную длиной в пять, а в ширину по третьи сажени часовню и покрыть тесом по рисунку данному ей архитектором и в ней святыне образа поставить и вокруг той часовни учинить ограду деревянную какую пристойно»⁷⁹. Неизвестно, были ли эти работы осуществлены. П. Н. Петров считал, что кладбище находилось в Рождественской части, там, где позднее был построен храм Рождества Христова (в районе современной 6-й Советской ул.)⁸⁰. Между тем по смыслу указа

⁷⁷ Петербургский некрополь. Т. 1. С. 10.

⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 14–15.

⁷⁹ Там же. Л. 18–19.

⁸⁰ Петров П. Н. Указ. соч. С. 281.

место определялось напротив существовавшего кладбища на Большой Охте. Таким образом, оно могло находиться там, где с 1744 г. приступили к строительству Смольного монастыря.

В 1737 г. при Кабинете императрицы Анны Иоанновны «для основательного определения обо всем строении здесь в Санктпетербурге... и для учинения о том твердого плана» была образована Комиссия о Санкт-Петербургском строении, которой предписывалось разработать проект реконструкции и дальнейшего развития столицы, сильно пострадавшей от катастрофических пожаров 1736 и 1737 гг. В ведение Комиссии вошел и вопрос о столичных кладбищах, постоянно занимавший и светскую, и церковную власть.

Архитекторы Комиссии обследовали все петербургские кладбища, и на основе их рекомендаций в 1738 г. последовало новое распоряжение Синода о «местах, где надлежит быть погребениям». Таких мест утверждено было пять: «1. На Московской стороне Ямской слободы. 2. На Адмиралтейской стороне позади Калинкиной. 3. На Васильевском острове у Черной речки. 4. На Аптекарском острове близ Малой Невки. 5. На Выборгской стороне у церкви святого Сампсона странноприимца»⁸¹. Кладбища у Вознесенской церкви в Переведенских слободах и у Преображенской в Колтовских были упразднены, а Сампсониевское, Ямское и Калинкинское вновь стали городскими. В указе 1738 г. впервые было упомянуто будущее Смоленское кладбище («у Черной речки») на Васильевском острове. Кладбище в западной части Аптекарского острова, которое позднее стали называть *Карповским*, предполагали устроить вместо Колтовского. Однако устройство растянулось на много лет, о чем будет упомянуто ниже.

В 1739 г. пять определенных указом кладбищенских мест были приняты в духовное ведомство. В следующем году к каждому из них был определен штат могильщиков «из отставных солдат в богадельнях, которые покрепче здоровьем», в количестве четырех человек. Приходским священникам было велено записывать отпеваемых в метрические книги, а кладбищенским причтам – вести особые записи погребенных.

Императрица Анна Иоанновна, правление которой было отмечено серьезными мерами по устройству петербургских кладбищ, незадолго до кончины дала еще одно распоряжение. Увидев из окон Зимнего дворца похоронную процессию, она нашла это «весьма непристойным», ибо «для таких случаев, чтобы мертвые тела и прочее тому подобное проносить или провозить, много иных дорог сыскать можно»⁸².

Указы 1730-х гг. несколько упорядочили кладбищенское дело в Петербурге, однако зачастую они противоречили друг другу и выполнялись медленно. Размещение городских кладбищ шло в значительной степени стихийно. Старая русская традиция устройства погостов – церквей, в ограде которых находится небольшое кладбище, – продолжалась в первые десятилетия и в Петербурге. Этому способствовало заселение многих частей города слободами, образовывавшими отдельный приход со своей церковью.

В 1740 г. в северной части Васильевского острова, «за второю перспективою» (Средним проспектом), была выстроена деревянная *Благовещенская церковь*. Спустя десять лет заложили высокую пятиглавую церковь с трехъярусной колокольной, строительство которой растянулось до 1765 г. При церкви разрешено было хоронить при условии десятирублевого вклада на ее строительство. На кладбище, существовавшем до начала 1770-х гг., были похоронены, в частности, академик С. П. Крашенинников, механик и изобретатель А. К. Нартов, гравер М. И. Махаев.

Еще одно небольшое кладбище появилось вблизи казарм морских служителей около 1743 г., когда при них была освящена деревянная *церковь святого Николая Чудотворца*. В 1752–1760 гг. неподалеку возвели по проекту С. И. Чевакинского величественный Никольский морской собор, но кладбище при нем ни в одном источнике не упоминается.

⁸¹ РГИА. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 33.

⁸² ПСЗ. Собр. 1. Т. 11. 1740. № 8060. С. 77.

В апреле 1746 г. императрица Елизавета Петровна издала указ о закрытии Калинкинского и Вознесенского кладбищ (последнее было упразднено еще указом 1738 г.). Причиной стало то, что веселая императрица «во время высочайшего своего шествия в Екатерингоф оные кладбища усмотреть изволила». Велено было засыпать их землей, а «погребать впредь мертвые тела в Ямской Московской слободе, на Охте и на Выборгской стороне, а окромя оных в других местах... мертвых тел не погребать»⁸³. Фактически в царствование Елизаветы Петровны предполагалось ликвидировать все кладбища в тогдашних границах города, но с этим задержались на несколько десятилетий.

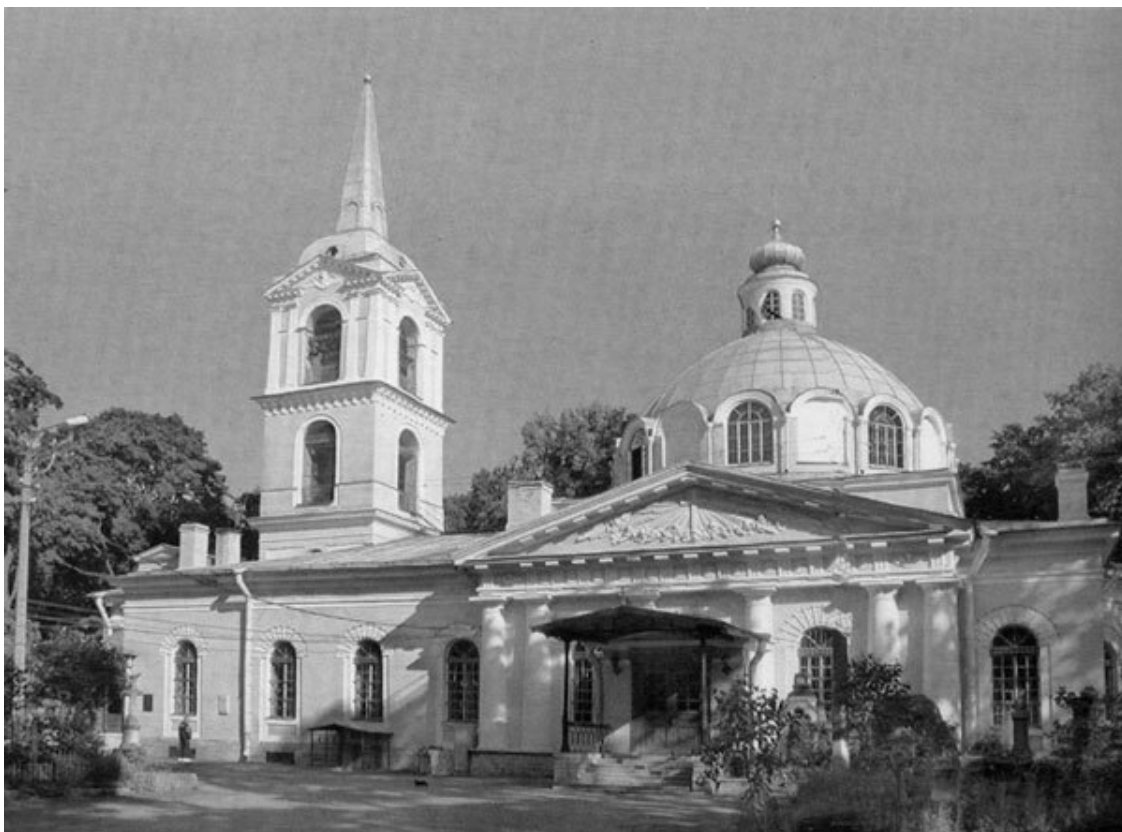
Указом от 11 мая 1756 г. в Петербурге были учреждены три новых кладбищенских места. Для жителей Адмиралтейской части кладбище было назначено «по сю сторону Волковой деревни», второе место указывалось на Васильевском острове «в сторону от Галерной гавани» и, наконец, третье – на Выборгской дороге. Последний участок примыкал, по-видимому, к старому Сампсониевскому кладбищу, где по-прежнему хоронили как православных, так и иноверцев.

Места для православных кладбищ назначались длиной в сто двадцать и шириной в восемьдесят сажень. Архитектор Х. Кнобель составил смету «на строение на местах кладбищ часовен, на городьбу и на засыпку прежних кладбищ, на покупку материалов и на наем вольных работных людей». Все работы велено было «исправлять не продолжая ни малого времени». Предполагалось, что как только на новых кладбищах будут построены часовни, на старых хоронить прекратят⁸⁴.

Указ 1756 г. положил начало существованию двух наиболее известных некрополей старого Петербурга, сохранившихся до нашего времени, – Смоленских и Волковских кладбищ. Правда, в отношении *Смоленского кладбища* указ фактически лишь подтвердил уже сложившуюся к тому времени традицию погребений в северо-западной части Васильевского острова у Черной речки, между 18-й и 23-й линиями. Деревянная церковь Смоленской иконы Божией Матери была освящена осенью 1760 г. Кладбищенское место обнесли забором, с западной стороны прорыли канал для осушения заболоченной местности. По Смоленской церкви получила новое название и река Смоленка («Черная речка»). Через два года при кладбище появились две богадельни – мужская и женская.

⁸³ Там же. Т. 12. 1746. № 9276. С. 542.

⁸⁴ Там же. Т. 14. 1756. № 10553. С. 566.



Церковь Смоленской Божией Матери



Надгробие А. П. Захарова на Смоленском православном кладбище

Обветшавшая деревянная церковь была в 1772 г. перестроена и освящена во имя Михаила Архангела. На месте старых богаделен в 1786–1788 гг. возвели каменный Смоленский храм, сохранившийся до нашего времени.

Смоленское кладбище, серьезно пострадавшее во время катастрофических наводнений 1777 и 1824 гг., осталось, в числе наиболее крупных и известных петербургских некрополей. С 1820-х гг. начались паломничества к месту погребения на Смоленском кладбище блаженной Ксении Петербургской, народное почитание которой было подтверждено в 1988 г. актом церковной канонизации.

Уже к концу XIX в. число похороненных на Смоленском православном кладбище доходило до четырехсот тысяч человек. Территория несколько раз расширялась и достигла к 1860-м гг. ста восьмидесяти тысяч квадратных саженей (около 82 га).

Хоронили на Смоленском, в первую очередь, жителей Васильевского острова, но часто погребальные процессии направлялись сюда и из других частей города. По традиции здесь хоронили интеллигенцию: университетских профессоров, академиков, художников, артистов, писателей. Навсегда история этого кладбища связана с днем 10 августа 1921 г., когда Петроград провожал в последний путь Александра Блока... В грозном 1942 г. в далекой эвакуации Анна Ахматова вспоминала о Смоленском:

А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!

Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.

Близ другого берега Смоленки, на острове Голодай, с 1747 г. существовало кладбище «для разных вер чужестранных» жителей Петербурга, коих было в то время пять тысяч пятьсот шестьдесят два, т. е. около восьми процентов столичного населения⁸⁵. Значительная часть иностранцев проживала на Васильевском острове. Кладбище называли *Смоленским лютеранским евангелическим*, но хоронили здесь и католиков, не имевших до середины XIX в. особого места погребения. В 1791 г. было учреждено поблизости *Армянское кладбище*, «на коем коллежский советник Лазарев желает построить для помещения и призрения бедных каменное жилище, а для погребения умирающих армян каменную небольшую церковь»⁸⁶.

⁸⁵ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 22.

⁸⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 23. 1791. № 16945. С. 215.



Надгробие на Волковском православном кладбище

Кладбище у Волковой деревни было учреждено взамен закрытого Ямского. Место для него назначили на левом берегу Черной речки, в устье которой находился Невский монастырь. В начале XIX в. был прорыт Обводный канал, разорвавший эту речку; нижняя ее часть стала называться Монастыркой, а верхняя – Волковкой. *Волковское кладбище* было открыто к концу лета 1756 г. в том же году здесь похоронили почти девятьсот человек. К 1880-м гг. протяженность кладбищенских дорожек – «мостков» (их мостили от сырости досками) – достигала двенадцати верст, а численность погребенных приближалась к шестистам тысячам.

Первая деревянная церковь во имя Спаса Нерукотворного появилась на кладбище в 1759 г. Вместо нее в 1837–1842 гг. соорудили большой пятикупольный храм по проекту В. И. Беретти и Ф. И. Руска. В северо-западной части кладбища в 1777 г. освятили деревянную церковь Воскресения Христова, но через пять лет она сгорела. Каменную Воскресенскую церковь закончили к 1785 г. В начале XX в. на Волковском православном кладбище было пять церквей, богадельня для вдов и сирот придворного духовенства, начальная школа. Участок за

Воскресенской церковью был известен как место погребения писателей, журналистов и общественных деятелей либерально-демократического направления. Дорожка, ведущая к могиле В. Г. Белинского (ум. 1848), в конце XIX в. получила вошедшее в историю русской интеллигенции название *Литераторские мостки*.

В 1772 г. на другом берегу р. Волковки появилось лютеранское кладбище, приписанное к Петропавловской кирхе на Невском проспекте. Тут же была и католическая дорожка. Как и на Смоленском, на *Волковском лютеранском кладбище* похоронено немало выдающихся людей: военных деятелей, путешественников, ученых, литераторов, творчество которых стало неотъемлемой частью отечественной культуры.



Волковское лютеранское кладбище

Через пять лет вблизи лютеранского кладбища получили место для погребения *федосеевцы* – наиболее многочисленная и богатая в столице община старообрядцев-беспоповцев. Еще одно отделение Волковского кладбища образовалось в 1799 г., когда часть старообрядческого кладбища перешла к *единоверцам*, которых активно поддерживал Павел I. Две церкви действовали на единоверческом отделении, федосеевский храм с богадельней – на старообрядческом. Наконец, в 1802 г. лютеранская община выделила небольшой участок земли для устройства *еврейского* кладбища. Таким образом, Волковское кладбище превратилось в огромный массив, включавший некрополи разных исповеданий.



Склеп М. Руска на Волковском лютеранском кладбище

По мере развития Волковских и Смоленских кладбищ, ставших основными для всего города, были окончательно закрыты старые кладбища при приходских церквях. В 1756 г. вновь поступило распоряжение старые кладбища «засыпать землей и песком и утрамбовать на поларшина»⁸⁷. К концу столетия некоторые участки старых кладбищ (Сампсониевского, Вознесенского) продали в частное владение.

⁸⁷ Там же. Т. 14. 1756. № 10537. С. 3.



Дом омовения и отпевания на Еврейском кладбище

Среди петербургских кладбищ XVIII в. есть такие, о существовании которых известно лишь по отдельным упоминаниям. Близ Сампсониевской церкви находилось основанное в 1738 г. *греческое кладбище*, время упразднения которого неизвестно. *Карповское кладбище* на Аптекарском острове, около впадения р. Карповки в Малую Невку, собирались устроить в 1738 г. Однако часовня на нем была возведена лишь в 1794 г., и позже кладбище приписали к Петропавловскому собору. В начале XX в. это место стало застраиваться жилыми домами.



Надгробие М. М. Антокольского на Еврейском кладбище

В 1799 г. около церкви Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове по повелению Павла I было устроено небольшое кладбище *рыцарей Мальтийского ордена*, гроссмейстером которого он был. 18 августа 1807 г. прах погребенных здесь рыцарей тайно, ночью, перезахоронили на Смоленском кладбище. О дальнейшей судьбе этого захоронения ничего не известно⁸⁸.

* * *

Вокруг больших динамично растущих городов обычно формируется система разнообразных поселений. В XVIII в. близ столицы появилось немало усадеб и загородных имений петербургской знати. Больше всего их было вдоль Петергофской дороги и к северу: на остро-

⁸⁸ Оpatович С. Смоленское кладбище в Петербурге: Исторический очерк // Русская старина. 1873. С. 193.

вах, по берегам Большой Невки, в Коломягах и Шувалове. Неподалеку от города разрастались переведенские слободы, такие как Охта, Рыбацкое, Вологодская ямская и др. Стали складываться первые промышленные зоны: Пороховые, Фарфоровская, поселки при многочисленных кирпичных заводах и т. д.

В большинстве исторических пригородов Петербурга кладбища появились еще в XVIII в. Однако по мере расширения города многие из них фактически становились городскими. В истории этих небольших периферийных кладбищ, в большинстве своем погибших в 1930-е гг., немало белых пятен. Разумеется, по размерам и значению их нельзя сопоставить со Смоленскими или Волковскими, но и они – своеобразная и важная часть петербургского некрополя, утраченная память об отдельных исторически сложившихся местностях города и их обитателях.

В начале XVIII в. на левом берегу Невы, у Шлиссельбургского тракта возникла слобода, где жили рабочие казенных кирпичных заводов. Первая деревянная церковь появилась в слободе в 1711 г., а двадцать лет спустя ее сменил каменный Преображенский храм. При Елизавете Петровне здесь была основана Невская порцелиновая мануфактура, переименованная в 1765 г. в Императорский фарфоровый завод, изделия которого получили мировую известность. С самого основания при Преображенской церкви существовало приходское кладбище с деревянной часовней Спаса Нерукотворного. Кладбище называли *Спасо-Преображенским*, или *Фарфоровским*. Хоронили на нем не только работников завода, но и столичных жителей и окрестных помещиков. Сохранялось здесь немало памятников конца XVIII-начала XIX вв., представлявших значительную художественную и историческую ценность. Лишь немногие из них, перенесенные в музейные некрополи Александро-Невской лавры, уцелели. Остальные погибли при полном уничтожении кладбища в 1930-е гг.



Спасо-Преображенское (Фарфоровское) кладбище

Дальше по Шлиссельбургскому тракту, в пятнадцати верстах от столицы, лежало село Большое Рыбацкое. Первые жители появились здесь в 1716 г. Это были рыбаки, переведенные Петром I с Оки для поставки рыбы ко двору. Время постройки в Рыбацком первой деревян-

ной церкви в точности не известно. В 1744 г. рыбаки возвели каменный храм Преображения Господня, освященный протоиереем Федором Дубянским, духовником императрицы Елизаветы. Рядом появилось *Рыбацкое кладбище*, на котором хоронили местных жителей. К началу XIX в., когда население Рыбацкого перевалило за полторы тысячи, кладбище в церковной ограде оказалось тесным и на окраине села отвели место для нового. В 1834 г. на нем появилась часовня, а в 1882 г. – деревянный храм, по которому кладбище стали называть *Казанским*. На другом берегу Невы, в Малой Рыбацкой слободе, при казенных кирпичных заводах, с середины прошлого века существовало еще одно небольшое кладбище с часовней, приписанной к Преображенской церкви Фарфорового завода.

Жилой район в восточной части города, на правом берегу Невы, и ныне по традиции называют Охтой. В XVIII в. тут находились две слободы, разделенные рекой Охтой. На ее правом берегу лежала Большая Охтинская слобода, на левом – Малая.



Надгробия П. Н. Савенко и Я. К. Кайданова на старом Большеохтинском кладбище у Троицкой церкви

Охтинские слободы возникли в 1721 г., когда по указу Петра I в окрестности столицы переселили вольных плотников, собранных преимущественно из северного края. Двумя годами позже в Большой Охтинской слободе была построена деревянная церковь во имя святого Иосифа Древодела, покровителя плотников, при которой еще через четыре года появилось кладбище. В 1731 г. взамен деревянного освятили каменный трехпридельный Троицкий храм. Так как храм этот был холодным, восточнее построили из дерева теплую Покровскую церковь, в которой служили зимой. Таким образом, к середине XVIII в. на Большой Охте образовалось обширное *Троицкое кладбище* с двумя церквями. Располагалось оно в устье Охты, недалеко от места впадения в нее небольшой речки Чернавки (засыпана в конце XIX в.).

Во второй половине XVIII в. кладбище при Троицкой и Покровской церквях было переполнено, и в 1773 г. восточнее охтинского селения, выше по течению Чернавки, было учреждено новое, которое сразу обрело статус городского. Спустя два года на нем была построена

церковь святого Георгия, а кладбище стали называть *Георгиевским* (или *Большеохтинским*). В 1803 г. рядом с ним возникло *единоверческое отделение*. Обширный комплекс захоронений на Большой Охте, расширявшийся неоднократно прирезками в прошлом и нынешнем веке, и сейчас является действующим городским кладбищем.

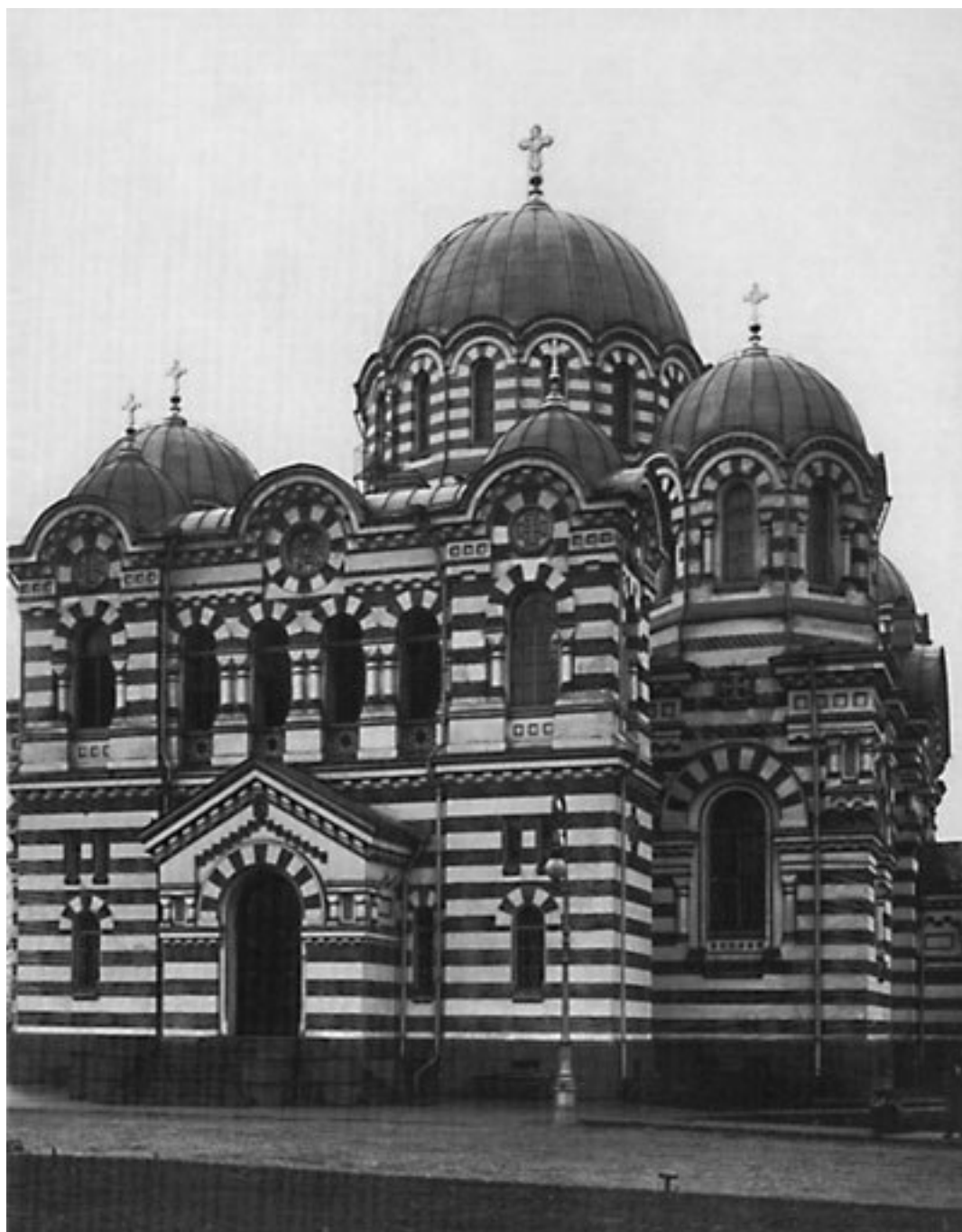
Время основания *Малоохтинского православного кладбища* в точности не известно. Судя по документам, деревянная церковь на кладбище Малой Охты существовала уже в 1762 г., а спустя двадцать лет вместо нее была построена каменная во имя преподобной Марии Магдалины. В середине XIX в. храм был основательно перестроен, а кладбище расширено. Малоохтинское кладбище и церковь описал в романе «Поречане» Н. Г. Помяловский, родившийся в семье дьячка этой церкви и похороненный около нее. Кладбище полностью уничтожили в 1930-е гг., только захоронения Н. Г. Помяловского, живописца А. П. Боголюбова и поэта Е. Ф. Розена перенесли в музейные некрополи.

На Малой Охте сохранилось небольшое *старообрядческое кладбище*. История его восходит к середине XVIII в. Среди населявших Охту плотников, потомков олончан и архангелогородцев, было немало старообрядцев. Старейшим среди беспоповских толков старообрядчества было поморское согласие. Первые документальные упоминания поморского кладбища в Охтинской верхней слободе, как называли тогда Малую Охту, встречаются с 1760 г., но скорее всего оно существовало и ранее. До сих пор на нем сохранилось несколько каменных плит и саркофагов XVIII-начала XIX вв.

Восточнее Охтинских слобод, в междуречье рек Охты и Луппы, в 1715 г. по указу Петра I был основан Охтинский пороховой завод. *Пороховское кладбище* возникло первоначально в ограде деревянной церкви Ильи Пророка, освященной в 1722 г. Новая каменная Ильинская церковь во время переустройства завода и рабочих слобод была возведена в 1781–1785 гг. В начале XIX в. Пороховское кладбище было перенесено на то место, где оно находится и ныне.

Юго-западнее столицы, неподалеку от финских деревень Ульянка и Автова, Петр I поселил ямщиков, которые образовали Вологодскую ямскую слободу.

В этих местах селились также крестьяне-садовники, переведенные из Москвы и занимавшиеся благоустройством усадеб вдоль Петергофской дороги. Для них на мызе П. И. Бутурлина в 1722 г. была построена деревянная *церковь святого Петра Митрополита*. В середине XVIII в. на ее месте была возведена каменная, в ограде которой существовало небольшое приходское кладбище. На нем хоронили вологодских ямщиков, крестьян окрестных деревень и священников местной церкви.





Церковь-усыпальница Елисеевых возле Большеохтинского кладбища

В 1776 г., после того как хоронить при церкви было запрещено, в двух верстах от нее, на берегу реки Красной, устроили новое кладбище, получившее название *Красненькое*. Здесь стояла деревянная часовня Казанской Божией Матери с особо почитаемой у местных жителей иконой. В XIX в. на Красненьком хоронили главным образом обитателей Нарвской заставы – рабочей окраины Петербурга.

Неподалеку от железнодорожной платформы Лигово находится небольшое *Старо-Пановское кладбище*. На нем не сохранилось ни одной старой могилы, хотя его история насчитывает два столетия. Во второй половине XVIII в. мыза Лигово принадлежала известному екатерининскому фавориту графу Г. Г. Орлову. После его смерти имение унаследовала его племянница Н. А. Алексеева, внебрачная дочь Екатерины II, вышедшая замуж за графа Ф. Ф. Буксгевдена, адъютанта Орлова. В конце XVIII в. Буксгевдены выстроили на небольшом крестьянском кладбище близ деревни Старо-Паново изящную круглую часовню, напоминавшую надгробный мавзолей. В 1808 г. в этой часовне похоронили хозяйку мызы. Годом позже к часовне пристроили алтарь и освятили как церковь святых Адриана и Наталии, в честь небесной покровительницы хозяйки имения. В 1811 г. рядом с женой был погребен граф Буксгевден, а позже и их дети. Церковь стала семейной усыпальницей. В 1900–1901 гг. ее расширили пристройкой паперти и двухъярусной колокольни (архитектор А. А. Зограф), и она получила свой приход – деревни Старое и Новое Паново, жителей которых хоронили на этом скромном пригородном кладбище⁸⁹. В годы Великой Отечественной войны здесь проходил передний край обороны Ленинграда, и все старые сооружения на кладбище были уничтожены.

За Ульянкой и Лигово, на девятнадцатой версте Петергофской дороги находилась *Троице-Сергиева приморская пустынь*. Этот монастырь был заложен на высоком берегу Финского

⁸⁹ Черновский А. И. Историческое описание бывшей гр. Буксгевдена церкви во имя св. мучеников Адриана и Наталии. Спб., 1909.

залива в 1732 г. Основал его настоятель Троице-Сергиевой лавры под Москвой архимандрит Варлаам (Высоцкий), духовник императрицы Анны Иоанновны. В 1735 г. в пустыни освятили первую деревянную церковь, построили ограду и кельи. В 1756–1763 гг. по проекту П. А. Трезини был возведен величественный пятиглавый храм Святой Троицы и перестроены в камне монастырские корпуса. Наиболее заметным периодом в истории монастыря было время правления архимандрита Игнатия (Брянчанинова), ставшего наместником пустыни в 1834 г. Епископ Игнатий, автор знаменитых «Аскетических опытов», был в 1988 г. приобщен к лику святых Русской православной церкви.

С самого основания при пустыни существовало кладбище, ставшее к концу XVIII в. местом захоронения петербургской аристократии. Здесь покоились Ольденбургские, Горчаковы, Апраксины, Зубовы, Строгановы, Потемкины, Шереметевы, Нарышкины и др. В XIX в. кладбище считалось одним из красивейших в Европе и отличалось множеством исторических захоронений и чрезвычайно высоким художественным уровнем надгробий. Во время Великой Отечественной войны ансамбль пустыни сильно пострадал, однако монастырский некрополь был razoren еще до ее начала. Опустошение произошло в 1930-х гг.

Земли на правом берегу Большой Невки, к северу от Петербурга, в середине XVIII в. принадлежали канцлеру князю А. П. Бестужеву-Рюмину. Для крестьян, трудившихся на постройке каменноостровской усадьбы князя, в 1764–1765 гг. была построена деревянная Благовещенская церковь, приход которой составили жители трех деревень – Новой, Старой и Коломяг. В полуверсте от церкви была отведена земля для приходского *Новодеревенского кладбища*. Внутри церковной ограды вскоре появилось кладбище для обеспеченной новодеревенской публики (военных, купцов, артистов), тогда как на приходском хоронили крестьян. Оба кладбища до наших дней не сохранились.

В северной части современного Петербурга расположено *Шуваловское кладбище*, возникшее в середине XVIII в. В 1726 г. Екатерина I пожаловала Выборгскому обер-коменданту Ивану Шувалову обширные земли, расположенные по дороге на Выборг. Находившиеся здесь слободы и деревни составили Парголовскую мызу Шуваловых. В 1754 г. гр. П. И. Шувалов поставил для своих крепостных, переведенных из Средней России, деревянную церковь. Место было выбрано на вершине песчаной, поросшей соснами горы на берегу Суздальского озера. При церкви появилось приходское кладбище, один из самых живописных погостов в черте Петербурга.

Особую тему составляет судьба *лютеранских кладбищ*, существовавших в немецких колониях под Петербургом. После манифеста 1763 г. о приглашении иностранных колонистов в окрестностях столицы поселились выходцы из Средней Германии, занимавшиеся огородничеством и молочным хозяйством. Одна из первых колоний находилась на правом берегу Невы, в тринадцати верстах от столицы и называлась Новая Саратовка. В 1766 г. колонисты выстроили деревянный храм (позднее перестроенный в камне), возле которого образовалось немецкое кладбище. Оно существует и сейчас, хотя старых могил сохранились считанные единицы. Такие же кладбища были и в других немецких колониях: Средне-Рогатской, Веселом поселке, Немецкой Гражданке. Сейчас все эти районы застроены новыми домами и не сохранили никаких следов старины.

* * *

В XIX столетии Петербург стал одним из крупнейших городов Европы и самым большим в стране. Границы его значительно расширились. Ряд бывших пригородных кладбищ попал внутрь городской черты, возникли новые некрополи.

В XIX в. завершилось формирование обширного некрополя *Алекса́ндро-Невской лавры*. К уже существовавшим Благовещенской, Златоустовской (Федоровской) и Лазаревской церк-

вам-усыпальницам и Лазаревскому кладбищу прибавились *Тихвинское* (1823) и *Никольское* (1863) кладбища, Духовская (1821) и Исидоровская (1891) церкви-усыпальницы. В лаврском некрополе за два века его существования было погребено свыше двенадцати тысяч человек. Это значительно меньше, чем на других крупных исторических кладбищах Петербурга, но надо помнить, что здесь, помимо лиц духовного звания, хоронили только самых знатных и состоятельных людей.



Волковское православное кладбище

К ведению лавры относилось *Киновиевское кладбище*, возникшее в 1848 г. при небольшом общежительном монастыре – Киновии, устроенной при загородном доме митрополита Серафима на правом берегу Невы. Киновия предназначалась в основном для престарелых и больных монахов, однако на кладбище хоронили и жителей окрестных деревень.

Несколько петербургских кладбищ возникли в связи с эпидемией холеры на рубеже 1820-1830-х гг. Первые слухи об этой болезни, прежде в России не известной, проникли в Петербург в 1829 г. Несмотря на карантинные меры, болезнь неуклонно приближалась к столице. Для борьбы с эпидемией был создан медицинский совет, опубликовавший в 1830 г. специальные карантинные правила. Среди прочего предписывалось устройство отдельных холерных кладбищ. В начале лета 1831 г. холера обрушилась на Петербург. К августу, когда эпидемия пошла на спад, в столице, по официальным данным, умерло четыре тысячи пятьсот двадцать шесть человек.

Первое холерное кладбище в Петербурге было устроено «близ Тентелевой Удельного ведомства деревни». Сходные места захоронения возникли на Волковом поле, вблизи Смоленского кладбища, на Куликовом поле, на Малой Охте. Все они находились в ведении городской полиции, и в разгар эпидемии хоронили на них без церковного отпевания, соблюдая лишь определенные санитарные правила. По окончании эпидемии родственники похороненных на Тентелевском холерном кладбище подали ходатайство об устройстве там каменной церкви и богадельни. Разрешение было получено при условии, что кладбищенская территория будет

расширена и обращена в новое городское кладбище. В 1835 г. возведенную всего за пять месяцев на средства горожан деревянную церковь освятили во имя новопрославленного св. Митрофана Воронежского. *Митрофаниевское кладбище* несколько раз расширялось и стало одним из самых больших в Петербурге. В 1870-е гг. его территория занимала свыше шестидесяти тысяч квадратных саженей (более двадцати четырех гектаров).



Надгробие Н. И. Селявина на Тихвинском кладбище

С востока к Митрофаниевскому примыкало *финское кладбище*, возникшее в 1845 г. Хоронили на нем прихожан финской церкви святой Марии на Конюшенной улице. Южной границей Митрофаниевского кладбища была Старообрядческая улица, отделявшая его от *Громовского*, основанного старообрядцами-поповцами Белокриницкого согласия в 1835 г. Весь комплекс некрополей, за исключением небольшой части старообрядческого, был уничтожен в 1930-1940-е гг. вместе с находившимися здесь храмами.

Близ той же Тентелевой деревни, по другую сторону Балтийской железной дороги, находилось *лютеранское кладбище*, точную дату основания которого установить не удалось (место кладбища, между улицей Трефолева и Химическим переулком, ныне занимает промышленная застройка).

Современное *Ново-Волковское кладбище*, между улицами Салова, Бухарестской и линией железной дороги, включило в себя *татарское* и *персидское*, появившиеся в 1827 г. Поначалу они предназначались для «воинских чинов, исповедующих мусульманскую религию», но позднее там стали хоронить мусульман всех сословий.



Надгробие Комовского на Митрофаниевском кладбище

Поблизости от магометанских в эпидемию 1831 г. было основано холерное кладбище на Волковом поле. От этого некрополя, где, в частности, был похоронен известный театральный декоратор и садовод Пьетро Гонзага (1751–1831), не осталось и следа.

Стоит отметить так называемые «указанные места», где хоронили «умерших без церковного покаяния» (главным образом самоубийц). Одно такое кладбище было на том же Волковом поле, другое – на острове Голодай, к северу от армянского.

Два новых кладбища появились в середине XIX в. на Выборгской стороне. В 1841 г. на Муринской дороге был куплен участок земли и утвержден проект каменной церкви, но средств оказалось недостаточно и вместо церкви выстроили лишь кладбищенскую часовню, приписанную к Спасо-Бочаринскому храму. Вначале здесь хоронили умерших в Военно-сухо-

путном госпитале и Медико-хирургической академии, находившихся на Выборгской стороне. Вскоре *Богословское кладбище* превратилось в место погребения «всех без исключения воинских чинов, а также и частных лиц». Деревянная трехпрестольная церковь Иоанна Богослова, освященная епископом Ямбургским Анастасием в ноябре 1916 г., просуществовала до 1940-х гг. Погребения на Богословском кладбище не прекращаются и в наше время.

В отличие от Богословского *Выборгское римско-католическое кладбище* оказалось в 1930-е гг. полностью уничтоженным. К середине XIX в. в Петербурге проживало свыше тридцати тысяч католиков, и совет кафедрального костела святой Екатерины на Невском проспекте ходатайствовал об открытии в столице отдельного католического кладбища. В 1856 г. для него отвели место на Куликовом поле, к югу от холерного участка, где через три года освятили построенную по проекту Н. Л. Бенуа часовню. Позднее этот же архитектор перестроил ее в костел Посещения Пресвятой Девы Марии, заверченный в 1879 г. Сам зодчий, как и многие другие представители семейств Бенуа, Шарлеманей, Бруни, прославившиеся в истории русского искусства, был похоронен на этом кладбище.



Надгробие И. П. Мержеевского на Выборгском римско-католическом кладбище

На богатом и известном *Новодевичьем кладбище* хоронили представителей известных дворянских фамилий, видных ученых, известных писателей, адмиралов. Кладбище существовало при Воскресенском Новодевичьем женском монастыре, для которого первоначально предназначался грандиозный архитектурный ансамбль по проекту Ф. Б. Растрелли. К началу XIX в. Смольный монастырь прекратил существование, но в 1845 г. для восстановленной по указу Николая I обители было отведено место у Московской заставы. Строительство монастырского комплекса по проекту Н. Е. Ефимова вели с 1849 г., тогда же возникло и кладбище. На нем всегда поддерживали образцовый порядок, памятники, выполненные лучшими русскими и европейскими мастерами, отличал высокий художественный вкус.



Воскресенский Новодевичий монастырь

Ряд кладбищ располагался вблизи Шлиссельбургского тракта. Здесь к середине прошлого века некогда тихие селения превратились в оживленную промышленную окраину, прозванную «русским Манчестером».

Коренными жителями небольшого *села Смоленского* были ямщики, переселенные в XVIII в. из Смоленской губернии. Жизнь поселка преобразилась после постройки чугунолитейного завода, за которым по имени одного из владельцев закрепилось название Семянниковского. В 1869 г. завод был куплен и расширен Русским обществом горных и механических заводов. В следующем десятилетии архитектор М. А. Шурупов возвел у Шлиссельбургского тракта каменный храм Смоленской Божией Матери. К нему приписали небольшое сельское кладбище, землю для которого отвели в холерном 1848 г.

С селом Смоленским граничил поселок *Александровского механического завода*, переведенного вместе с рабочими от Нарвской заставы после наводнения 1824 г. Жители слободы вначале были прихожанами Фарфоровской церкви. В конце 1820-х гг. директор завода М. Е. Кларк просил разрешения построить в слободе церковь и учредить кладбище, но получил отказ. Лишь в 1842 г. было освящено небольшое кладбище «в заводском селении за домами мастеровых». Церковь Михаила Архангела соорудили по проекту Б. Ф. Лорберга в 1860-х гг. Ежегодно в шестое воскресенье после Пасхи из церкви устраивали крестный ход на местное кладбище, где перед часовней служилась вселенская панихида.



Надгробие архитектора Н. Е. Ефимова на Новодевичьм кладбище

С Фарфоровым заводом соседствовала село Александровское, принадлежавшее в конце XVIII в. генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому. Здесь в 1785–1790 гг. по проекту Н. А. Львова была построена Троицкая церковь, известная в городе под названием «Кулич и Пасха». Первое время кладбища при церкви не было, появилось оно в начале XIX в. близ соседней деревни Мурзинка, а в 1834 г. на нем возвели каменную часовню. В 1911 г. часовню расширили и освятили как церковь Успения Богородицы. Поначалу Успенское кладбище предназначалось для прихожан Троицкой церкви, но после постройки в 1863 г. П. М. Обуховым знаменитого сталелитейного завода здесь стали хоронить и рабочих.

Из пригородных кладбищ следует упомянуть небольшое место погребения при Чесменской богадельне. Путевой Чесменский дворец близ Царскосельской дороги и изящная логготическая церковь Рождества Иоанна Предтечи были построены в 1770-е гг. по проекту Ю. М. Фельтена. Спустя полвека дворец передали под богадельню военных инвалидов. После основательной перестройки Чесменский инвалидный дом императора Николая I в 1836 г. был торжественно освящен. Близ церкви отвели место для *Чесменского инвалидного кладбища*.

Во второй половине XIX в. перед городом остро стал вопрос о создании новых мест погребения. В 1870-е гг. число умиравших достигало в год двадцати четырех тысяч. Главные городские кладбища – Смоленское, Волковское, Митрофаниевское и Большеохтинское – оказались переполненными, а расширять их было некуда, особенно Смоленское: «места низки и при морском ветре постоянно заливаются водой». Речь шла, в первую очередь, о тех участках, где хоронили неимущих людей.

Кладбища, предназначенные для городских обывателей, имели довольно четкое разделение на разряды, в зависимости от стоимости места для погребения. Если в дорогих разрядах свободные места еще были, то в беднейших не существовало «положительно ни одного вершка незахороненного пространства»⁹⁰. В то же время нельзя было передать платные разряды под бесплатные погребения, ибо тогда «кладбище и существующие на нем храмы дойдут до совершенного оскудения в средствах». Ведь единственным их доходом оставалась продажа могильных мест и плата за церковные требы и погребальные услуги. Серьезную проблему представляло санитарное состояние кладбищ, которые из-за сырости и тесноты превращались в «резервуары вредного для здоровья воздуха»⁹¹.

Петербург не первый европейский город, который столкнулся с этой проблемой. В конце XVIII-начале XIX вв. закрыли старые городские кладбища в Париже, а захоронения перенесли в парижские катакомбы или на новые кладбища, вынесенные за пределы города. Подобную реформу решено было провести и в русской столице.

В 1854 г. учреждается Комиссия для устройства кладбищ, которая приступила к обследованию старых мест погребения, изучила состояние городских кладбищ и собрала о них исторические сведения. Первоначально имели в виду лишь расширить территорию некоторых некрополей, не устраивая новых. Через одиннадцать лет при Городской думе создали новую комиссию. Для нее по инициативе петербургского обер-полицмейстера Ф. Ф. Трепова была составлена записка о необходимости учреждения новых кладбищ. При Санитарной комиссии, состоящей при обер-полицмейстере, в 1868 г. была учреждена, по высочайшему повелению, новая комиссия по устройству кладбищ. На основании работ комиссии 20 октября 1871 г. был подписан именной царский указ «Об устройстве кладбищ в Санкт-Петербурге».

Первое загородное кладбище устроили в десяти верстах от Петербурга, по Николаевской железной дороге, близ платформы Александровская (Обухово). По проекту предполагалось разбить всю территорию площадью в тридцать тысяч квадратных саженей на шесть отделов-разрядов, разграниченных проезжими и пешеходными дорожками. Детальная планировка, однако, в натуре выполнена не была. Примечательная особенность нового кладбища заключалась в том, что оно непосредственно примыкало к железной дороге и покойных доставляли из Петербурга на специальных погребальных поездах. 6 августа 1872 г. на кладбище был заложен храм во имя Преображения Господня, и оно получило название *Преображенское*. В следующем году начались захоронения на католическом и лютеранском участках, а еще через два года – на еврейском. Неправославные отделения находились по другую сторону железной дороги.

⁹⁰ Подробнее о работе Комиссии и об устройстве Преображенского кладбища см.: *Беляев В. О кладбищах в Санкт-Петербурге*. СПб., 1872. С. 74–108.

⁹¹ *Беляев В. Указ. соч.* С. 109.

На Преображенском кладбище хоронили жертв «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. После открытия в 1931 г. памятника на братских могилах кладбище назвали «Памяти жертв 9 января».



Великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости



Великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости. Интерьер

В 1875 г. недалеко от станции Парголово Финляндской железной дороги открылось второе загородное кладбище — *Успенское*. В следующем десятилетии на обоих загородных кладбищах открыли воинские отделения с участками для гарнизонных полков. В начале XX в. появилось католическое отделение Успенского (ныне – Северного) кладбища, где перед революцией был построен деревянный костел.

Преображенское и Успенское кладбища стали первыми и единственными в Петербурге, которые подчинялись не епархиальному начальству, а Городской думе. Город вложил в их устройство около полумиллиона рублей и взял на себя все расходы по содержанию, включая жалование священникам. Интересно, что среди крупных государств Европы в то время лишь во Франции кладбища были изъяты из ведения церкви и переданы муниципалитетам. Предполагалось, что затраты, понесенные казной, окупятся через некоторое время за счет платных захоронений. В действительности загородные кладбища оказались убыточными. В первые десятилетия хоронили на них (особенно на Успенском) очень мало и только в бесплатных и дешевых разрядах. Главной причиной этого были резкие возражения Синода против закрытия городских кладбищ и перевода всех захоронений на загородные. Городская администрация выдвигала санитарные и экологические соображения, тогда как церковь настаивала на важности духовной традиции. Столкновение интересов на несколько десятилетий затянуло решение вопроса о закрытии старых кладбищ. В конце XIX в. научные исследования доказали безвредность кладбищ для города, и проблема утратила свою актуальность⁹².

Начало XX в. не внесло существенных изменений в топографию городского некрополя. Последним кладбищем дореволюционного Петербурга стало *Серафимовское* в Новой деревне, основанное в 1906 г. На некоторых старых кладбищах (Красненьком, Волковском, Смоленском и др.) были возведены новые храмы. В 1908 г. произошло освящение сооруженной рядом с Петропавловским собором *великокняжеской усыпальницы*.

Представление о петербургском некрополе будет неполным, если не упомянуть о захоронениях вне кладбищенских территорий. Еще в петровские времена в запрете хоронить при городских церквях была сделана оговорка: «кроме знатных особ». Каждое такое захоронение требовало особого разрешения. В XVIII в. исключения делались для богатых прихожан, жертвовавших большие суммы на ремонт и строительство храма, или для священников, долго служивших в данной церкви. В XIX в. возникла традиция погребения в городских храмах выдающихся общественных деятелей.

Гробница М. И. Кутузова в Казанском соборе известна каждому петербуржцу. Однако во многих полковых церквях Петербурга (почти все погибли в 1930-е гг.) существовали офицерские захоронения. С 1847 г. по специальному указу в полковых храмах устанавливали мемориальные доски с именами погибших и умерших от ран офицеров полка.

⁹² О санитарно-гигиенических аспектах устройства кладбищ см.: Эрисман Ф. Ф. Кладбища // Энцикл. словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 15. С. 278–282.



Храм Христа Спасителя («Спас на водах»)

Памятником русским морякам, погибшим в войне 1904–1905 гг., стал храм Христа Спасителя («Спас на водах»), воздвигнутый в 1911 г. на набережной Невы по проекту архитектора М. М. Перетятковича. Храм как бы объединил в себе походные судовые церкви погибших кораблей и стал «символом братской могилы для погибших без погребения героев-моряков»⁹³. На его стенах укрепили памятные доски с именами всех, кто погиб в морских сражениях Русско-японской войны. Стройный и легкий силуэт храма напоминал Дмитриевский собор во Вла-

⁹³ Смирнов С. Н. Храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией. Пг., 1915.

димире и жемчужину древнерусского зодчества – церковь Покрова на Нерли, поставленную «на лугу» святым князем Андреем Боголюбским в память о любимом сыне Изяславе. «Спас на водах», символизировавший нерушимость духовной традиции почитания мертвых, был разрушен в те же годы, когда происходило уничтожение исторического некрополя Петербурга.

* * *

Кладбища в России в XVIII–XIX вв., как и в других европейских государствах, находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер. Каждая вероисповедная община имела свое кладбище. Закон запрещал духовенству использовать кладбищенскую землю для иных целей, кроме погребения умерших и возведения храмов и часовен.

Для устройства столичного кладбища обычно, по представлении Синода, требовалось Высочайшее утверждение. Вот почему ряд таких распоряжений вошел в состав Законов Российской Империи. В Полном собрании Законов имеются и некоторые правила, общие для всех кладбищ. Так, в 1772 г. Сенат указал, чтобы «кладбища учреждались в удобных местах расстоянием от последнего городского жилья по крайней мере не ближе 100 сажень, а если место дозволяет, то хотя бы и за 300 сажень». Тем же указом рекомендовалось обносить кладбищенские места плетнем или земляным валом – не выше двух аршин, «дабы чрез то такие места воздухом скорее очищались», а также рыть вокруг кладбищ рвы «для удержания скотины, чтоб она не могла заходить на кладбище»⁹⁴.

Комиссия о строении Санкт-Петербурга, которой был направлен синодский указ 1738 г. об отводе кладбищенских мест, определила порядок планировочных работ: «...для возвышения указанных мест поделать вокруг и поперек каналы, в пристойных местах устроить пруды, вынутой землей засыпать низкие места, огородить кладбища деревянным забором, построить при них деревянные покои для житья караульных и могильщиков»⁹⁵.

Некоторые правила по устройству кладбищ вошли в «Устав врачебный» (или Устав медицинской полиции), который помещен в Своде законов. 701-я статья устава гласила: «Никаких построек на опустевших кладбищах возводить не дозволяется»⁹⁶. Это положение определялось еще указом по межеванию земель 1682 г.: «У которых помещиков и вотчинников на дачах объявятся (пустые) кладбища... велеть... те кладбища огородить и строения на них никакова строить не велеть»⁹⁷.

При устройстве новых кладбищ запрещалось переносить со старых какие-либо захоронения и «обращать прежние кладбища под пашню... или другим каким бы то ни было образом истреблять оставшиеся на оных могилы и повреждать надгробные памятники». Традиция оставлять места погребения неприкосновенными существовала задолго до того, как в начале XIX в. Александр I утверждал, что «по общему предубереждению прикасаться к праху мертвых погребенных вменяется за преступление»⁹⁸.

По словам историка Н. И. Костомарова, «издавна могилы родителей и предков были святыней русского народа, и князья наши, заключая договор между собой, считали лучшим знаменем его крепости, если он будет произнесен на отцовском гробе». Когда великий князь Иван III, пишет Костомаров, перестраивал Московский Кремль, при переносе храмов и монастырей

⁹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 19. 1772. № 13803. С. 500; № 13910. С. 658.

⁹⁵ Историко-статистические сведения... Вып. 2. С. 195.

⁹⁶ О православных приходских кладбищах: Собр. существующих узаконений и распоряжений Правительства касательно православ. церковно-приход. кладбищ. Житомир, 1899. С. 18–20.

⁹⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 2. 1682. № 911. С. 382; 1684. № 1074. С. 592.

⁹⁸ Там же. Т. 26. 1801. № 2090. С. 871.

хотели перезахоронить и останки прежде там погребенных. Архиепископ Геннадий возражал правителю: «А ведь того для, что будет воскресение мертвых, не велено их ни с места двинуть, опричь тех великих святых»⁹⁹.

При упразднении некоторых петербургских кладбищ, основанных в XVIII в., их было велено засыпать землей, выравнивать место, но ни о каких переносах могил не было речи. По прошествии нескольких (иногда и десятков) лет на месте забытых кладбищ иногда велась обывательская застройка. С расширением границ города, увеличением числа жителей это было неизбежным. От таких кладбищ, как Аптекарское, Карповское, Колтовское, Вознесенское, уже в XIX в. не осталось и следа. Однако иные старинные некрополи, давно числившиеся упраздненными, сохранялись в городе своеобразными оазисами. Отдельные памятники и надгробные плиты можно было встретить вплоть до начала XX столетия на месте Сампсониевского, Ямского, Благовещенского кладбищ. Окончательная гибель наступила лишь в 1930-е гг., когда были уничтожены многие храмы, при которых существовали первые петербургские некрополи.

Кладбищенское законодательство XIX в. предусматривало суровое наказание за осквернение могил, воровство и мародерство. По «Уложению о наказаниях» 1845 г. разрытие могилы каралось десятью—двенадцатью годами каторжных работ, истребление или повреждение надгробных памятников – заключением в тюрьму на срок от четырех до восьми лет, кража на кладбище – годом тюрьмы или ссылкой в Сибирь¹⁰⁰.

Но, к сожалению, несмотря на строгие охранительные меры, преступный промысел существовал. В. О. Михневич в книге «Язвы Петербурга» рассказывал, что существуют «специалисты по обкрадыванию кладбищ. Вор проникает на кладбище и снимает с наиболее богатых памятников металлические кресты, доски и разные украшения. Один из таких воров сознался на суде, что ему удавалось за один поход отвинчивать по 30-ти медных надгробных досок»¹⁰¹.

В 1841 г. были введены семь кладбищенских разрядов (после перераспределения 1871 г. их стало пять). Они отличались стоимостью места для погребения в зависимости от благоустройства и степени ухода за могилами. Собственно, введение разрядов лишь узаконило ранее существовавшую практику. Места внутри кладбищенской церкви и около нее в I и II разрядах были самыми дорогими. Различались по цене места близ проходных дорожек и в стороне от них, у входа на кладбище и на дальних участках. Последний разряд был бесплатным. В лавре, Новодевичьем монастыре и Сергиевой пустыни бесплатные разряды отсутствовали. Место в I разряде лаврского кладбища в 1840-е гг. стоило пятьсот рублей, а богатые похороны обходились примерно в тысячу триста рублей серебром (средний годовой доход хорошо оплачиваемого столичного чиновника)¹⁰².

Администрация внимательно следила за соблюдением порядка, соответствующего значению места. «Правила по устройству московских кладбищ», изданные в 1913 г., запрещали «ездить по кладбищу на велосипедах, ходить с собаками, петь песни, устраивать игры, а также производить другие неблагопристойности и нарушение благоговейной тишины»¹⁰³.

Забота о памятниках всегда была обязанностью родственников, которые вносили соответствующую плату в кассу кладбища. Можно было заказать ремонт памятника, высадку цветов, уборку могилы и даже «вечную очистку могилы» или «вечное тепление лампы». Если родственники переставали следить за могилой, памятник, по прошествии определенного вре-

⁹⁹ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Современник. 1860. Т. 1. XXXIII. С. 527.

¹⁰⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 20. 1845. № 19283. С. 643.

¹⁰¹ Михневич В. О. Язвы Петербурга: Опыт ист. – стат. исслед. нравственности столич. населения. СПб., 1886. С. 260.

¹⁰² Положение о предметах, требующихся при погребении усопших, и о вкладах и приношениях за оные, по кладбищам Александро-Невской лавры. СПб., 1840; Положение о взносах в пользу церквей и причтов при погребениях и поминаниях усопших и при устройстве могил на столичных кладбищах. СПб., 1907.

¹⁰³ Правила по устройству Московских православных кладбищ и содержанию их постоянно в должном порядке. М., 1913.

мени, сносили. Срок устройства новой могилы на непосещаемом участке в России был установлен в тридцать лет после предыдущего погребения.

Старые надгробия, без ремонта и починки, разрушались естественным образом, но бывали и случаи утилизации старых каменных плит. Так, в протоколах Комиссии по устройству кладбищ в 1870 г. отмечалось: «На Волковском кладбище ход между могилами устлан мостками не только из досок, но из надгробных плит, взятых с могил, на которых уцелели даже надписи, хотя, как видно, тщательно затертые»¹⁰⁴.

Первые попытки охраны надгробных памятников, представляющих историческую и художественную ценность, относятся к середине XIX в. В 1859 г. Комиссия по устройству кладбищ запрашивала причты кладбищенских церквей: «...буде имеются памятники прошлого столетия, то сколько именно таковых и поддерживаются ли они ремонтом»¹⁰⁵.

В мае 1891 г. на Литераторских мостках хоронили редактора газеты «Биржевые ведомости» П. С. Макарова. Присутствовавшие обратили внимание на плохое состояние могил: «памятники заросли, или зарыты, надписи стерты»¹⁰⁶. На поминках было решено учредить специальное общество, «на обязанности которого лежало бы охранение на петербургских кладбищах от разрушения памятников на могилах ученых и литераторов и содержание их в порядке»¹⁰⁷. Был даже опубликован проект устава, но дальше дело не двинулось. Иногда пресса сообщала о частных инициативах в этой области. Например, в 1896 г. «на средства В. Н. Викуловой были приведены в порядок могилы Л. А. Мея и А. А. Григорьева на Митрофаниевском кладбище»¹⁰⁸.

В 1910 г. Городская дума решила образовать особый капитал «для охранения могил известных деятелей на литературном и ученом поприщах» и поручила Комиссии по народному образованию составить их список. С 1911 г. выделяли пятьдесят рублей ежегодно на охрану могилы М. В. Ломоносова. Это были первые в Петербурге мероприятия по охране надгробных памятников¹⁰⁹.

Повышению внимания к старинным некрополям как историческим и художественным заповедникам способствовали работы Н. Н. Врангеля по петербургским и Ю. П. Шамурина по московским кладбищам, так же как и издание сайтовских «некрополей»¹¹⁰. Академия художеств в 1912 г. изготовила гипсовые модели с художественных памятников Александро-Невской лавры работы И. П. Мартоса, М. И. Козловского и др. Фотограф Н. Г. Матвеев по заказу Академии в 1906–1910 гг. сфотографировал около ста пятидесяти надгробий на лаврских, Смоленских, Волковских кладбищах, в Новодевичьем монастыре и Сергиевой пустыни¹¹¹.

* * *

Говоря о законах и правилах, регламентировавших кладбищенскую жизнь, следует иметь в виду, что они определяли только внешнюю – хозяйственную, экономическую, санитарно-гигиеническую сторону дела. Гораздо важнее другое. Мощным воспитателем почти-

¹⁰⁴ Беляев В. Указ. соч. С. 63.

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 800. Оп. 2. Д. 11. Л. 5.

¹⁰⁶ Петерб. листок. 1891. 27 мая.

¹⁰⁷ Об охране могил ученых и литераторов. СПб., 1892.

¹⁰⁸ Новое время. 1896. 12 окт.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10234. Л. 228 об.

¹¹⁰ Врангель Н.Н. Забытые могилы // Старые годы. 1907. Февр. С. 35–51; Сайтов В.И. Петербургский некрополь [...] по надгробным надписям [...]. М., 1883; Николай Михайлович, вел. кн. [Сайтов В. И.] Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1912–1913; Шамурин Ю. Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911.

¹¹¹ О снятии фотографий и гипсовых слепков с художественных памятников над могилами исторических лиц на кладбищах // РГИА. Ф. 789. Оп. 13, 1905. Д. 190.

тельного отношения к месту последнего упокоения была многовековая традиция церковного погребения. Она устанавливала и освящала все стороны погребального ритуала, придавала духовный смысл всему кругу обрядов и традиций, связанных с тайной смерти, приучала видеть в кладбищах места особого порядка.

Определение Синода от 6 февраля 1897 г. указывало: «...попечение о содержании кладбищ в благолепном виде является естественным выражением того, не только уместного, но даже обязательного в христианах чувства уважения к праху предков и вообще близких, в вере скончавшихся, которое, проистекая из обуславливаемого родственною и христианскою взаимною любовью долга почтительного отношения к их памяти, вместе с тем основывается на вере нашей в непреложную истину бессмертия и будущего всеобщего воскресения и в общение живых с прежде умершими»¹¹².

Уместно напомнить основные правила погребения и поминаения по православному христианскому обряду, неуклонно соблюдавшиеся в дореволюционном Петербурге. Над умирающим, которого следует исповедовать и причастить, читают отходную – «молитву на разлучение души от тела». Омывают мертвое тело под чтение псалмов и облачают в новую одежду. На тело кладут покров – саван, в напоминание о пеленах Иисуса Христа во гробе. В руки покойного вкладывают образ Спасителя, на голову помещают венчик с изображением Иисуса, Богоматери и Иоанна Предтечи – в знак надежды на посмертное воздаяние по милосердию Бога. Над гробом читается Псалтирь. Панихида обычно совершалась в доме покойного, после чего тело переносили в храм для отпевания. Священник шел впереди, перед гробом несли крест, все провожающие держали в руках зажженные свечи – символ радости о возвращении усопшего к Вечному Свету. В храме гроб ставят головой ко входу, чтобы лицо покойного было обращено к алтарю – «в знак того, что умерший идет от заката жизни к востоку вечности»¹¹³.

Отпевание происходит после обедни. Под чтение псалмов и стихир присутствующие прощаются с покойным последним целованием. Затем священник читает разрешительную молитву, текст которой вкладывает в правую руку покойного. После этого гроб закрывают крышкой и больше не открывают.

По окончании отпевания погребальная процессия направляется на кладбище. Гроб с молитвой опускают в могилу, священник крестовидно сыпет на крышку землю, льет елей, ссыпает пепел от кадила. На могиле ставится крест – «символ спасения христианина, умершего с верою и покаянием».

Церковь учит, что «для христианина смерть – первый день жизни, или день рождения, а гробница – место временного упокоения его земного праха до дня всеобщего воскресения и суда».

Для поминаения издавна установлены третий, девятый и сороковой дни по кончине христианина. По учению церкви, молитва за упокой души помогает умершему в его посмертной судьбе. Толкование дней поминаения дал один из первых христианских отшельников святой Макарий Египетский. Первые три дня душа пребывает рядом с телом, «как птица ищет себе гнезда», и лишь на третий день, благодаря молитвам, получает облегчение в скорби: ангел Божий возносит душу для поклонения Господу. Шесть следующих дней душа видит небесные обители и великолепие рая, а на девятый – вновь возносится к Богу. Далее тридцать дней душа созерцает адские муки – мытарства, и на сороковой день получает окончательное определение Божиего суда. Годовщина смерти отмечается как день рождения христианина к новой жизни.

¹¹² О православных приходских кладбищах... С. 24.

¹¹³ Тихомиров Е. Загробная жизнь, или Последняя участь человека. СПб., 1888. С. 257–372. См. также: Митрофан, мон. Как живут наши умершие. Т. 1–3. СПб., 1880; Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913; Долоцкий В. И. Об обрядах, совершаемых при погребении православных христиан // Христианское чтение. 1845. Т. 3. С. 363–440.

Для общего поминовения мертвых в Русской православной церкви установлены *Родительские субботы* (родителями для христиан являются все умершие вообще, и они молятся «о упокоении душ рабов Божиих праотцев, отец и братии zde лежащих и повсюду православных христиан»). Дни поминовения связаны с годовым Пасхальным циклом.

Пасхе – дню Воскресения Христова – предшествуют семь недель Великого поста. Последняя неделя перед постом – традиционная русская Масленица – по церковному календарю называется сырной седмицей. Суббота перед сырной седмицей – это Вселенская Родительская суббота. В этот день «память совершают всех от века усопших православных христиан». Поминовение мертвых совершают также во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста. Пятая Родительская суббота – Троицкая, накануне пятидесятого дня от Пасхи – дня Святой Троицы.

Кроме того, в Русской Православной Церкви поминовение усопших совершается в Радоницу: это вторник Фоминой недели, следующей за Пасхальной Светлой седмицей. По словам святого Иоанна Златоуста, в этот день «Господь Иисус Христос сошел к мертвым, потому здесь и собираемся мы».

Павших воинов православные поминают в Дмитриевскую Родительскую субботу, ближайшую к дню памяти святого Димитрия Солунского 26 октября (8 ноября). Это поминовение установлено в XVI в. в память Куликовской битвы 1380 г. В 1769 г. установили поминовение «православных воинов, за веру и отечество на брани убиенных» 29 августа (11 сентября), в день Усекновения главы Иоанна Предтечи. Примечательно, что живая православная традиция не иссякает и в наши дни. 8 сентября 1989 г. Ленинградская епархия установила День церковного поминовения жертв блокады города в период Великой Отечественной войны.

Надо иметь в виду, что каждое ежедневное богослужение включает в себя поминовение усопших, для чего в храме подаются записки о молитве за упокой души и ведется запись в специальные поминальные книги – синодики. Ежедневная молитва в течение сорока дней по кончине называется сорокоутом.

Выдающийся русский мыслитель XIX в. Н. Ф. Федоров вообще видел в церковном поминовении мертвых главный смысл христианской жизни. Он писал: «Кладбищенская церковь из последней должна сделаться первой, стать соборной для приходских церквей каждой части города, каждой местности, ибо и литургия, и пасха, как это сказано, имеют смысл лишь на кладбищах. И такое положение кладбищенских церквей будет началом восстановления религии; если же при городских церквях не может быть кладбищ, то это значит, что нужно отказаться или от религии, или от городов»¹¹⁴.

* * *

В истории Петербурга похоронные обряды были важными событиями городской и общественной жизни.

13 октября 1723 г. в Петербурге скончалась царица Прасковья Федоровна, вдова царя Иоанна Алексеевича, брата Петра I. Петр находился в это время на строительстве Ладожского канала, и распоряжения по организации похорон были получены лишь по его возвращении через три дня. Основатель города придавал особое значение разработке «печального церемониала», принимал личное участие во многих погребальных церемониях, шествуя за гробом своих сподвижников в Северной войне Б. П. Шереметева и А. А. Вейде, лейб-медика Р. Арескина и многих других. Известно, что погребение любимой сестры Петра царевны Натальи Алексеевны было отложено на год, чтобы царь, отсутствовавший в Петербурге, мог вернуться для прощания.

¹¹⁴ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 107.

Катафалк царицы Прасковьи был сооружен по проекту герольдмейстера графа Ф. де Санти. Фиолетовый бархат катафалка и гроба под балдахином эффектно сочетался с белизной покрывала. По сторонам постамента размещались царская корона на красной бархатной подушке и государственное знамя. В зале, где прощались с покойной, было установлено двенадцать больших свечей, охраняли тело двенадцать капитанов в черных кафтанах, длинных мантиях, с вызолоченными алебардами. Псалтирь читали двое священников. Прощание происходило чинно, без завываний и причитаний (Петр запретил эту традицию в 1716 г., при погребении царицы Марфы, вдовы царя Федора Алексеевича).

В три часа пополудни 22 октября в дом покойной, где уже находилась вся петербургская знать, оповещенная накануне А. И. Румянцевым – погребальным маршалом, приехали члены царской фамилии. В передней собравшихся обнесли глинтвейном, после чего все последовало в залу, отслужили панихиду. Погребальную процессию открывал гвардии поручик с восемнадцатью унтер-офицерами, державшими на плечах тесаки с траурным флером. Далее маршал Румянцев возглавлял шествие гражданских и военных чиновников, выстроенных по старшинству, по трое и четверо в ряд. Потом по регламенту следовали иностранные министры, находившиеся в Петербурге герцог Голштинский, принц Гессен Гомбургский, сенаторы П. И. Ягужинский и Б. Х. Миних. За ними шел хор императорских певчих, духовенство с зажженными свечами. В катафалк, перед которым несли царскую корону, была впряжена шестерка лошадей. Перед ним шли двенадцать полковников, шесть майоров несли балдахин, а за катафалком – двенадцать капитанов с алебардами и двенадцать поручиков со свечами. Третью часть процессии открывал еще один погребальный маршал с жезлом. Затем шел император, сопровождаемый Ф. М. Апраксиным и А. Д. Меншиковым. Далее в сопровождении офицеров и сановников – дочери покойной, Екатерина и Прасковья, и императрица со свитой. По сторонам процессии маршировали до полутораста солдат с зажженными факелами. Движение до Александро-Невского монастыря продолжалось больше двух часов. Гроб внесли в только что отстроенную Благовещенскую церковь и после отпевания и проповеди погребли у алтаря. Поминки в доме царицы Прасковьи продолжались до одиннадцати часов ночи¹¹⁵.

Столица Российского государства в течение двух веков видела множество подобных церемоний. Для погребения лиц императорской фамилии были разработаны специальные регламенты, для организации и оформления похоронного обряда создавались «печальные комиссии».

«Печальный церемониал» погребения представителей знатных дворянских фамилий был разработан не менее подробно. Сохранилось описание похорон в 1803 г. графини П. И. Шереметевой – знаменитой крепостной актрисы Параша Жемчуговой, ставшей женой графа Н. П. Шереметева. «Спустя два часа после кончины тело приличным образом одетое положено на стол, покрытый белыми простынями, а после обитый белым миткалем с фалборою; в головах тела поставлен налож, обитый черной фланелью и покрытый атласной пеленою с образами... Перед ним подсвечник с зажженными свечами, одетый черным крепом с белыми лентами. Вокруг тела поставлено 4 таковых же, трауром покрытых подсвечников... На другой день тело положено во гроб, сделанный из дубового дерева и обитый снаружи пунцовым бархатом, выложенным как должно серебряным гасом и внизу по борту серебряною бахромою, а внутри белым атласом... скобы у гроба посеребренные чрез огонь, а на крышке в головах на посеребренной доске изображен золоченый фамильный герб... гроб покрыт глазетовым покрывалом, обложенным во круг в два ряда серебряным позументом, с серебряным же шнуром, и по углам четырьмя серебряными пышными кистями».

Три дня утром и вечером в доме служили панихиды. 26 февраля 1803 г. днем происходило прощание, а в семь часов вечера прибыл митрополит Амвросий со своей свитой, и после

¹¹⁵ Семевский М. И. Царица Прасковья: Очерк из рус. истории XVIII в. М., 1989. С. 173–175.

литии (заупокойной молитвы) гроб вынесли из Фонтанного дома Шереметевых. «За воротами приготовлена была печальная колесница с балдахином, на которую поставили гроб, покрыли сказанным выше золотым глаzetовым покровом, и началось шествие...» Открывали его «офицер полицейский верхом и два полицейские офицера пешие». Затем следовали церковные служители, певчие, «двенадцать священников по два в ряд», митрополичий хор, духовные лица с образами, архимандриты, два архиепископа и сам митрополит, предшествовавший траурной колеснице, запряженной шестью лошадьми. Правилами было оговорено траурное одевание кучера, конюхов и официантов, так же как и число лиц, поддерживавших гроб и державших древки и шнуры балдахина. «По обеим сторонам колесницы, начиная от головы гроба, до самого начала кортежа шли в черных епанчах, распущенных шляпах с флером 24 человека с зажженными факелами по 12 на стороне... По сторонам всего кортежа оберегали полицейские офицеры от стеснения народа, которого, как пеших, так и в экипажах, было многочисленнейшее стечение». Среди домочадцев и прислуги, следовавших за гробом Прасковьи Ивановны, был и архитектор Джакомо Кваренги. В Троицком соборе Александро-Невской лавры гроб установили на катафалк. Отпевание и погребение в Лазаревской церкви произошло на следующий день¹¹⁶.

За три года до П. И. Шереметевой в лавре хоронили А. В. Суворова. Великий русский полководец умер 6 мая 1800 г. в доме своего зятя князя Д. И. Хвостова на Крюковом канале, близ Никольского морского собора. Известный писатель и историк Е. А. Болховитинов (впоследствии митрополит Евгений) оставил описание похорон, происшедших 12 мая.

«Князь лежал в маршальском мундире, в Андреевской ленте. Около гроба стояли табуреты числом восемнадцать, на них разложены были кавалерии, бриллиантовый бант, пожалованный Екатериной II за взятие Рымника, бриллиантовая шпага, фельдмаршальский жезл и прочее. Лицо покойного было спокойно и без морщин. Борода отросла на полдюйма и вся белая. В физиономии что-то благоговейное и спокойное... Улицы, все окна в домах, балконы и кровли преисполнены были народом. День был прекрасный. Народ отовсюду бежал за нами. Наконец мы дошли и ввели церемонию в верхнюю монастырскую церковь... В церковь пускали только больших, а народу и в монастырь не допускали. Проповеди не было. Но зато лучше всякого панегирика пропели придворные певчие 90-й псалом «Живый в помощи», концерт сочинения Бортнянского. Войска расположены были за монастырем. Отпето погребение, и тут-то раз десять едва я мог удержать слезы. При последнем целовании никто не подходил без слез ко гробу. Тут явился и Державин. Его предумышленный поклон гробу тронул до основания мое сердце. Он закрыл лицо платком и отошел, и, верно, из сих слез выльется бессмертная ода»¹¹⁷.

Болховитинов оказался прав. Державин написал стихотворение «Снигирь»:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат...

О возникновении этих стихов сам поэт писал: «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился домой, то услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь слав-

¹¹⁶ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 70.

¹¹⁷ Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 478.

ного мужа». Этот волнующий образ отозвался в XX столетии в стихах на смерть другого великого русского полководца:

Маршал! Поглотит алчная Лета
Эти слова и твои прахоря.
Все же прими их – жалкая лепта
Родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
Громко свисти на манер снегиря.

И. Бродский. «На смерть Жукова»

Нелишне напомнить, что кончина А. В. Суворова, вернувшегося из победоносного Италийского похода, была омрачена неожиданной немилостью императора Павла I. Вместо ожидаемой триумфальной встречи полководцу было запрещено являться ко двору. Опала ускорила смерть семидесятилетнего военачальника. Многие придворные, опасавшиеся навещать генералиссимуса во время болезни, не приняли участие и в похоронной церемонии, которая к тому же не соответствовала воинскому званию Суворова. В отличие от прадеда, сопровождавшего в траурном шествии своих полководцев, Павел I выехал лишь на Невский, когда провозили гроб с телом Суворова. Тем более знаменательно, что Суворова в последний путь провожал простой народ, заполнивший улицы столицы¹¹⁸.

В памяти жителей Петербурга остались поразившие своей экзотичностью похороны молдавского князя Георгия Гики, проходившие в Александро-Невском монастыре 5 марта 1785 г. Старинное описание рассказывает: «Впереди шествия ехали трубачи, затем шло до сотни факельщиков, за ними несли богатый порожний гроб, за последним шли слуги, держа в руках серебряные большие блюда с разварным сарачинским пшеном и изюмом, на другом блюде лежали сушеные плоды, а на третьем – большой позолоченный каравай; затем следовали в богатых молдавских костюмах бояре с длинными золочеными свечами в руках, после них шло с пением духовенство, с греческим архиепископом во главе. Затем уже несли тело умершего князя, сидящее в собольей шубе и шапке на креслах, обитых золотой парчею. Тело было отпето сперва на паперти, потом внесено в церковь и там снята с него шуба, одет саван и затем умерший был положен в гроб»¹¹⁹.

18 июля 1820 г. на Смоленском лютеранском кладбище хоронили скромного инспектора и преподавателя математики и физики во 2-м Кадетском корпусе Ивана Васильевича Бебера (1746–1820). Лишь посвященные знали истинное значение этого человека, принадлежавшего к высшим степеням российского масонства. И. В. Бебер был управляющим Великой Директориальной Ложи Владимира к Порядку – главной национальной ложи России. Предание гласит, что Беберу удалось привлечь в масонскую ложу Александра I, который, действительно, около десятка лет, до внезапного официального упразднения всех лож в 1822 г., оказывал явное покровительство масонам. «Высокопреосвященнейший префект Капитула Феникса», Бебер незадолго до кончины отошел от активной деятельности, но на похороны его собрались все петербургские масоны, «кто по летнему времени в столице или по близости пребывания имел».

Прощание с телом происходило в лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Церемония началась в 6 часов вечера. Посреди храма, убранного зеленью, возвышался на катафалке гроб, на котором были положены меч и шляпа. Два масона в траурных шарфах стояли по сторонам гроба. После надгробного слова, произнесенного пастором Цахер-

¹¹⁸ Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1986. С. 189–192.

¹¹⁹ Пыляев М. И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889. С. 36–37.

том, прозвучала написанная капельмейстером Затценгофером траурная кантата. «Печально величественная кантата тронула сердца, и в церкви воцарилось горестное молчание. Вместе с офицерами 2-го корпуса масоны взяли за скобы гроба, когда подан был знак к выносу, и они же окружили гроб и шли следом, наблюдая, чтобы члены Великих лож были впереди и все вместе. Далее следовала семья покойного и большой отряд воспитанников корпуса. Многие братья несли перед гробом похоронные жезлы, другие – подушки с орденами, все же прочее – цветы и ветви лиственные». По сторонам траурного кортежа масоны младших степеней несли зажженные факелы. Необычное шествие, следовавшее по тихим улицам Васильевского острова в воскресный летний вечер, привлекло множество народа. Огромная толпа подошла к воротам лютеранского кладбища около 9 часов. «Масоны окружили могилу; масон пастор Август Ган произнес, благословляя, последние слова любви и мира, громкий гимн огласил тишину кладбища, пели хором все масоны», – так заканчивает описание этих удивительных похорон историк русского масонства Тира Соколовская¹²⁰.

В отличие от похорон высших государственных и военных деятелей, «статских чинов» хоронили более скромно, хотя элементы обряда (колесница, факельщики, хор певчих и духовенство перед гробом) сохранялись многие десятилетия. Во второй половине XIX в. похоронную процессию стали сопровождать духовые оркестры – вначале на военных похоронах. Первым «статским», которого хоронили с духовым оркестром, был П. И. Чайковский. Венки из цветов с вензелями и лентами стали возлагать к гробу и выносить в ходе процессии лишь во второй половине столетия.

Тридцатилетие царствования Николая I, «заморозившее» Россию, отразилось и в отношении к похоронам, которые строго соответствовали установленному этикету. Лишь в 1860-е гг. похороны приобретают характер общественной демонстрации, выражения современниками признательности и уважения к заслугам выдающихся писателей, артистов, музыкантов.

Петербургский старожил, известный юрист А. Ф. Кони вспоминал, что в истории столицы было «несколько похорон, не официозного, так сказать, предустановленного характера, а таких, в которых выразилось общественное сочувствие к почившему». Первыми в этом ряду он назвал похороны артиста А. Е. Мартынова.

Вершиной творчества Мартынова стало исполнение роли Тихона в первой постановке «Грозы» А. Н. Островского на сцене Александрийского театра. О признании заслуг артиста, выступавшего на александринской сцене четверть века, свидетельствовал обед, данный ему писателями; до него подобной чести был удостоен лишь великий М. С. Щепкин. Через восемь месяцев после знаменательной премьеры, 16 августа 1860 г. А. Е. Мартынов скончался в Харькове (на пути из Ялты в Петербург).

Поздно вечером 12 сентября останки артиста привезли в столицу. Площадь перед Николаевским вокзалом была заполнена множеством людей. Гроб перенесли на руках через площадь в Знаменскую церковь. На следующий день, после отпевания, началось траурное шествие по Невскому проспекту к Васильевскому острову, на Смоленское кладбище. Гроб был поставлен на катафалк, но лошадей тотчас выпрягли; чести везти траурную колесницу добивались многочисленные петербуржцы: купцы, мастеровые, чиновники, офицеры, студенты. Впереди траурной процессии несли венки. Кто-то, указывая на них, сказал: «Вот ордена Мартынова». А. Я. Панаева вспоминала, что «на протяжении всего Невского проспекта... движение экипажей было приостановлено, сама публика позаботилась не пропускать экипажей с боковых улиц, чтобы не давили народ. Полиция застигнута была врасплох, да она и не была нужна, потому что порядок везде был удивительный, с таким тактом и приличием держала себя публика». Панаева же вспоминала о некоем «значительном лице», негодовавшем: «Скажите, пожалуйста, –

¹²⁰ Соколовская Т. Капитул Феникса: Высшее тайное масонское о-во в России // Вестн. Имп. О-ва ревнителей истории. Вып. 2. Пг., 1915. С. 294–295.

везут гроб актера и нет проезда по Невскому!.. Такого беспорядка не должна была допустить полиция»¹²¹. На Смоленском кладбище публике раздавали специально выпущенную брошюру со стихами, посвященными «горю русского театра – потере Александра Евстафьевича Мартынова»¹²².

Изменение общественной ситуации, отразившееся в отношении к похоронам, сознавалось современниками. Когда в мае 1848 г. умер В. Г. Белинский, «немногие петербургские друзья провожали тело его до Волковского кладбища. К ним присоединились три или четыре *неизвестных*, вдруг бог знает откуда взявшихся. Они оставались до самого конца печальной церемонии на кладбище и следили за всем с величайшим любопытством, хотя следить было ровно не за чем. Белинского отпели и опустили в могилу, как и всякого другого, и огорченные друзья его бросили молча по христианскому обычаю горсть земли в его могилу, в которой уже начинала проступать вода...».

Автор этих строк, И. И. Панаев, отмечал, насколько разнился этот скромный обряд от проходивших тринадцать лет спустя похорон Н. А. Добролюбова. О выносе тела объявили газеты. Место для могилы было специально выбрано рядом с Белинским, чтобы подчеркнуть тесную идейную связь двух выдающихся литературных критиков. На похоронах собралось до двухсот человек, в числе которых были профессора университета, журналисты, известные литераторы. «Гроб несен был на руках от квартиры покойного [на Литейной улице] до самого Волкова кладбища... над его могилой произнесено было несколько задушевных слов его друзьями и посторонними лицами и прочтены были отрывки из его дневника...»¹²³. Известно, что на могиле Добролюбова выступали Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. Тут же среди присутствующих провели сбор средств в помощь ссылаемому в Сибирь поэту и публицисту М. Л. Михайлову, одному из авторов знаменитой прокламации «К молодому поколению».

Выбор места для погребения играл в прошлом веке немаловажную роль. Мартынов был похоронен на Смоленском кладбище рядом с другими известными актерами: В. А. Каратыгиным, В. Н. Асенковой. Дорожка на Волковском кладбище близ надгробий Белинского и Добролюбова уже в 1880-е гг. стала называться «Литераторскими мостками»: здесь хоронили писателей, журналистов, общественных деятелей революционно-демократического направления. Достоевскому, присутствовавшему на похоронах Некрасова 30 декабря 1877 г., понравилось Новодевичье кладбище, и вдова писателя собиралась похоронить его там. Однако Александр-Невская лавра предложила для погребения Достоевского любое из своих кладбищ. Анна Григорьевна выбрала место рядом с Жуковским. Имя великого романиста придало особое значение лаврскому некрополю как Национальному Пантеону, где уже покоились Ломоносов, Крылов, Карамзин, Глинка...

Ф. М. Достоевский скончался 28 января 1881 г. в 8 часов 38 минут вечера. По православному обычаю, на квартире в Кузнечном переулке дважды в день совершались панихиды. Пели певчие из соседней Владимирской церкви, Исаакиевского собора и других церквей. В субботу 31 января состоялся вынос тела. А. Г. Достоевская вспоминала: «Еще накануне выноса мой брат, желая меня порадовать, сказал, что восемь таких-то учреждений предполагают принести венки на гроб Федора Михайловича, а наутро венков уже оказалось семьдесят четыре, а возможно, что и более... Погребальное шествие вышло из дому в одиннадцать часов и только после двух часов достигло Александр-Невской лавры». Гроб несли родные и близкие писателя, среди них и его друзья по кружку петрашевцев А. Н. Плещеев и А. И. Пальм. Шествие открывали учащиеся всех петербургских учебных заведений, затем шли художники, актеры, депутаты из Москвы: «длинная вереница на шестах несомых венков, многочисленные хоры

¹²¹ Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1956. С. 52.

¹²² Золотницкая Т.Д. Александр Евстафьевич Мартынов. Л., 1988. С. 185–188.

¹²³ Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 355, 366.

молодежи, певшие погребальные песнопения, гроб, который высоко воздымался над толпой, и громадная, в несколько десятков тысяч масса людей, следовавших за кортежем»¹²⁴. В процессии участвовало до шестидесяти тысяч человек.

Гроб Достоевского внесли в Свято-Духовскую церковь лавры, где был совершен парастас (торжественная всенощная). 1 февраля в церкви состоялось торжественное отпевание. На Тихвинском кладбище было настолько многолюдно, что «люди взбирались на памятники, сидели на деревьях, цеплялись за решетки, и шествие медленно подвигалось, проходя под склонившимися с двух сторон венками разных депутаций». Над открытой могилой выступали профессора и литераторы. Среди них был двадцативосьмилетний Владимир Соловьев...

Прошло сто семь лет, и в 1988 г. годовщина смерти Ф. М. Достоевского была отмечена панихидой на могиле. После десятилетий безмолвия вновь зазвучала молитва на том месте, где погребен один из крупнейших религиозных писателей России...

В памяти современников остались и похороны И. С. Тургенева. Друг писателя М. М. Стасюлевич вспоминал его слова: «Я желаю, чтоб меня похоронили на Волковом кладбище, подле моего друга Белинского, конечно, мне прежде всего хотелось бы лечь у ног моего учителя Пушкина, но я не заслуживаю такой чести». Я старался отключить его от подобной печальной темы и ответил ему сначала шуткой, что я, как гласный Думы, долгом считаю его предупредить, что это кладбище давно осуждено на закрытие и ему придется попутешествовать и в загробной жизни. «Ну, когда-то еще это будет, – отвечал он, также шутя, – до того времени успею налегаться. Тогда я ему напомнил, что могила Белинского давно обставлена со всех сторон. «Ну, да я не буквально, – возразил он мне, – все равно будем вместе, на одном кладбище»»¹²⁵.

Тургенев умер в Буживале, во Франции, и отпевание происходило 19 сентября 1883 г. в русской церкви на рю Дарю в Париже. Гроб с телом писателя по железной дороге доставили в Россию. От приграничной станции Вержболово на остановках служили панихиды. Множество людей заранее собирались у станций и полустанков по пути движения скорбного груза. Торжественная встреча в столице произошла 27 сентября на перроне Варшавского вокзала.

Как вспоминал А. Ф. Кони, «прием гроба в Петербурге и следование его на Волково кладбище представляли необычное зрелище по своей красоте, величавому характеру и полнейшему, добровольному и единодушному соблюдению порядка. Непрерывная цепь 176-ти депутаций от литературы, от газет и журналов, ученых, просветительных и учебных заведений, от земств, сибиряков, поляков и болгар заняла пространство в несколько верст, привлекая сочувственное и нередко растроганное внимание громадной публики, запрудившей тротуары, – несомыми депутациями изящными, великолепными венками и хоругвями с многозначительными надписями. Так, был венок «Автору «Муму» от общества покровительства животным»; венок с повторением слов, сказанных больным Тургеневым художнику Боголюбову: «Живите и любите людей, как я их любил», – от товарищества передвижных выставок; венок с надписью «Любовь сильнее смерти» от педагогических женских курсов. Особенно выделялся венок с надписью «Незабвенному учителю правды и нравственной красоты» от Петербургского юридического общества... Депутация от драматических курсов любителей сценического искусства принесла огромную лиру из свежих цветов с порванными серебряными струнами»¹²⁶.

На Литераторских мостках Волковского кладбища 13 апреля 1891 г. хоронили Н. В. Шелгунова. В похоронах известного революционера-шестидесятника принимали участие не только студенты и разночинцы, но и большая группа рабочих, организованная М. И. Брусневым. В шествии от Фурштатской улицы по Знаменской и Лиговке несли венок с надписью «Указателю

¹²⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 403–412.

¹²⁵ Стасюлевич М. М. Из воспоминания о последних днях И. С. Тургенева // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1969. С. 445.

¹²⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 6. М., 1968. С. 385–388.

пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Эта семитысячная демонстрация явилась, по словам Бруснева, «первым выступлением русского рабочего класса на арену политической борьбы».

Одним из впечатляющих событий петербургской жизни были похороны П. И. Чайковского 28 октября 1893 г. Покрытая парчовым балдахинном золотистая колесница с лирами из бессмертников с инициалами композитора на углах везла гроб от Малой Морской (дома, где умер Чайковский) к Мариинскому театру. Пели хоры Русской оперы, Архангельского и Шереметева, венков в процессии насчитывалось более трехсот. В похоронах приняли участие девять депутатов от разных городов России, всех петербургских и московских театров, Русского музыкального общества, двух консерваторий, училища правоведения, университета и т. д. От театра, где впервые прозвучали многие произведения Чайковского, процессия направилась к Казанскому собору, в котором происходило отпевание. Десятки тысяч людей заполнили Невский проспект во время движения траурного кортежа к лавре, продолжавшегося два часа¹²⁷.

Похоронные церемонии получали широкое отражение в газетных и журнальных публикациях. Описания, подобные приведенным выше, фотографии, обширные некрологи занимали значительное место на страницах печати. Было бы несправедливо видеть в этом лишь удовлетворение праздного любопытства читающей публики. Печальный, но неизбежный итог земного существования воспринимался как его органичная часть, вполне заслуживающая достойного освещения. Тем самым утверждалось понимание ценности и значимости человеческой жизни.

* * *

Новое столетие существенно изменило отношение к кладбищу как принадлежности семейного, родового быта. Появилась принципиально новая форма массовых захоронений.

Разумеется, братские могилы существовали и на кладбищах XIX в. На Красненьком, например, в общей могиле были похоронены жертвы наводнения 1824 г., на Смоленском – жертвы халтуринского взрыва в столовой Зимнего дворца в 1880 г., на Пороховском – рабочие, погибшие при взрывах на пороховых заводах. В годы эпидемий в братских могилах хоронили людей беднейшего состояния. Однако подобные примеры можно рассматривать скорее как исключение. Место могилы, как правило, связывалось с индивидуальным или семейным захоронением.

Крупные социальные потрясения нового века и невиданные по масштабам военные бедствия стали причиной множества братских захоронений.

В Петрограде первым в XX в. мемориалом массового характера стали братские могилы на Марсовом поле. 23 марта 1917 г. здесь состоялось торжественное захоронение ста восьмидесяти гробов с останками участников февральской революции¹²⁸.

Известно, что первоначальным местом захоронения была назначена Дворцовая площадь. Лишь благодаря усилиям Комиссии А. М. Горького, ставившей целью защиту памятников культуры в революционное время, исторический ансамбль главной площади города удалось сохранить. Марсово поле, представлявшее собой огромное незастроенное пространство, оказалось идеальным местом для сооружения памятника общественно-политического значения.

Похороны на Марсовом поле стали грандиозной демонстрацией, в которой приняли участие сотни тысяч людей. С разных концов Петрограда, из-за Нарвской заставы, с Выборгской и Петроградской стороны, от Шлиссельбургского проспекта двигались организованные колонны

¹²⁷ Конисская Л. М. Чайковский в Петербурге. Л., 1974. С. 293–300.

¹²⁸ Стригалева А. А. Памятник героям революции на Марсовом поле // *Вопр. изобразит. искусства и архитектуры*. М., 1975. С. 105–178.

с флагами и транспарантами. Начавшаяся в пять часов утра торжественная церемония продолжалась свыше двадцати часов.

В ходе Февральской революции погибли тысяча триста восемьдесят два человека¹²⁹. В братских могилах похоронили сравнительно небольшую их часть. Предание земле останков на Марсовом поле имело прежде всего символическое значение – утвердить «на крови» новое светлое здание революционного будущего. Светская по своему характеру церемония погребения, в сущности, опиралась на глубоко сакральное и архаическое представление о священной жертве.

В создании мемориала на Марсовом поле, с тех пор в течение сорока лет именовавшегося «Площадью жертв революции», проявились принципиально новые моменты, закрепленные практикой последующих десятилетий. Выбор места погребения не связывался с какой-либо традицией: кладбища здесь никогда не было. Достаточным основанием оказалось центральное положение площади, ее размеры, наличие свободных подходов к месту, которое назначалось отныне для проведения массовых митингов и демонстраций. Первый такой крупный митинг состоялся 18 апреля (1 мая) 1917 г. и был приурочен к празднику пролетарской солидарности.

«Тематическая направленность» некрополя подразумевала, что в этом месте чтят память не столько тех или иных конкретных жертв, остающихся безымянными, – сколько самого события, с которым связано погребение. В первые годы после Октября был создан целый ряд мемориалов, чье местоположение подчеркнуто отделено от рядовых кладбищ: парк Лесотехнической академии, Коммунистическая площадка в лавре, дворцовый плац в Гатчине и т. п.

В судьбе некрополя отражается судьба города живых. Финал петербургского периода русской истории обрушился на старые городские кладбища мощной, всепоглощающей волной.

Петербург накануне революции – это крупнейший в России город с населением в два с половиной миллиона человек, средоточие административных, политических, военных, экономических, хозяйственных, интеллектуальных сил страны. Разветвленная система двенадцати министерств и управлений, руководивших организмом империи, армия бюрократии и полиции – тысячи чиновников разных степеней и рангов. Руководство российской армией и флотом, полки императорской гвардии, морские соединения, военные учебные заведения – десятки тысяч офицеров, солдат, матросов. Крупнейшие промышленные предприятия, банки, акционерные общества, страховые компании, универмаги, торговые дома – сотни финансовых магнатов, банкиров, заводчиков, богатых домовладельцев, тысячи торговцев, коммивояжеров, биржевых клерков. Столица русской культуры – академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, актеры, издатели. Адвокаты, врачи, деятели земства, думские ораторы – множество людей, представляющих все стороны жизни столичного города, центра огромного государства.

За годы революции и Гражданской войны население Петрограда уменьшилось почти в три раза. Опустошительный голод 1918–1919 гг., беспримерно жестокий террор, массовые высылки, бегство и эмиграция – все это резко изменило социальный состав населения. Не могло это не сказаться и на судьбе городского некрополя.

Многие тысячи памятников остались без родственного ухода и присмотра. Зброшенные кладбища сделали добычей мародеров. Грабеж и осквернение могил и склепов, ставшие в первые послереволюционные годы обычным явлением, оказались возможными не только из-за отсутствия надежной охраны, но и как следствие широко распространившейся морали вседозволенности и анархии. Элементарно понятые идеи социальной справедливости и классовой борьбы вызвали резко отрицательное отношение к «богатым» памятникам и могилам «экспроприаторов».

¹²⁹ Правда. 1917. 23 марта. Цит. по: *Шварц В. С.* Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л., 1989. С. 159.

Стремительно изменялось представление о неприкосновенности могилы. Решающее значение имела для этого атеистическая политика новой власти. К лету 1918 г. относятся первые вскрытия мощей, приобретшие через полгода всероссийский размах. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение органов государственной власти.

Справедливости ради надо отметить, что десакрализации кладбища способствовал наметившийся еще в середине XIX в. утилитарно-прагматический подход к месту погребения. Комплекс необходимых санитарно-гигиенических мер по благоустройству кладбищ неизбежно снижал их в иерархии общественно значимых ценностей. Из места, хранящего тайну загробной жизни, кладбище превращалось в элемент организованного городского хозяйства. Однако эта тенденция не была определяющей. Само содержание кладбищенского обряда, его связь с религиозно-нравственными представлениями поддерживали уважительное отношение к месту вечного покоя. В послереволюционной судьбе кладбищ существенно важным было пренебрежение правилами православного погребения (как, впрочем, и других вероисповеданий). Сначала на «коммунистических площадках», а затем и повсеместно на городских кладбищах стали хоронить без отпевания и молитвы.

О состоянии некоторых исторических кладбищ города в августе 1918 г. сообщала записка В. Я. Курбатова в музейный отдел Главнауки¹³⁰. Известный знаток петербургской старины определял методические основы изучения и сохранения некрополей. Лазаревское кладбище он выделил как особенно ценное, причем отмечал, что все памятники в лавре – «в ужасающем забросе».

Согласно декрету Совнаркома от 18 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства», все монастыри были ликвидированы как хозяйственные организации. Однако лавра до 1922 г. продолжала быть резиденцией петроградского митрополита Вениамина. Продолжались и погребения на лаврских кладбищах, против чего Курбатов решительно возражал, так как «монахи среди старых могил находят места для новых, безжалостно разрушая старые».

На Смоленском и Волковском кладбищах также отмечалось «плачевное состояние» ряда художественных и исторических надгробий; их, по мнению автора записки, следовало выявить и на «быстро разрушающемся» Новодевичьем кладбище, а также Холеном на Выборгской стороне, Новодеревенском, Большеохтинском, в Сергиевой пустыни и Мартышкинском. Интересно, что летом 1918 г. состояние лютеранских кладбищ оценивалось как более удовлетворительное. Это, очевидно, было связано с их традиционной ухоженностью; дальнейшее развитие событий привело к преимущественному уничтожению иноверческих надгробий.

7 декабря 1918 г. был подписан декрет Совнаркома «О кладбищах и похоронах», согласно которому все места захоронений и организация похорон переходили в ведение местных советов, а духовные лица от управления кладбищами устранились. Декрет гласил: «Для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны: деление на разряды, как мест погребения, так и похорон, уничтожается»¹³¹. На деле это не могло не привести к полному развалу складывавшейся десятилетиями системы кладбищенского хозяйства.

С 1 февраля 1919 г. кладбища Петрограда поступили в ведение Комиссариата внутренних дел Петрокоммуны. Комиссия по национализации кладбищ выработала инструкцию для комиссаров, назначенных на все городские кладбища. Комиссией руководил член коллегии комиссариата Б. Г. Каплун, в ее состав входили представители органов внутренних дел, здравоохранения, юстиции: Б. Б. Габор, В. П. Кашкодамов, Р. А. Теттенборн¹³².

¹³⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 21.

¹³¹ Декреты Сов. власти. Т. 4. М., 1968. С. 163.

¹³² ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.

Функционирование кладбищ в советский период выходит за рамки настоящей статьи. Необходимо коснуться лишь тех сторон организации кладбищенского дела, которые имеют отношение к историческим некрополям. В условиях, охарактеризованных выше, первоочередной задачей становилось выявление и сохранение исторически значимых надгробий, которые ждала та же судьба, что и тысячи других, стремительно разрушавшихся памятников.

В мае 1919 г. при музейном отделе Главнауки была создана комиссия по восстановлению Лазаревского кладбища. Старейший некрополь города был изолирован от остальной территории лавры, захоронения в нем прекратили.

17 октября 1921 г. на заседании президиума Российского института истории искусства С. Н. Жарновский выступил с предложением создать общество «Старый Петербург». Первое заседание общества прошло 5 декабря. Присутствовали Б. В. Асафьев, А. Н. Бенуа, Л. А. Ильин, М. Д. Философов, среди избранных действительных членов общества были В. Н. Аргутинский-Долгоруков, А. Ф. Гауф, М. В. Добужинский, А. Ф. Кони, Н. Е. Лансере, А. П. Остроумова-Лебедева, С. Ф. Платонов, И. А. Фомин, С. П. Яремич. Состав общества в этот первый период показывает, что, в сущности, оно возрождало основанный в 1907 г. «Музей Старого Петербурга»¹³³.

Среди первоочередных забот нового общества были изучение и охрана Лазаревского кладбища, территорию которого с 1923 г. общество взяло в аренду. Была проведена полная опись сохранившихся памятников, началась их частичная реставрация.

Комиссия по изучению ленинградских кладбищ, в которую входили А. Г. Яцевич, В. М. Федоров, А. А. Платонов, работала и в других действующих некрополях. В начале 1925 г. по ее распоряжению были сняты мраморные и бронзовые бюсты с надгробий Смоленского кладбища ввиду угрозы их похищения¹³⁴. Основания для этой акции были весьма серьезными: так, в марте 1925 г. А. И. Ульянова-Елизарова писала о краже на Литераторских мостках портретов с надгробий Н. Ф. Бунакова, Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского; несколько позже был украден бюст с памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину¹³⁵. Снятые обществом «Старый Петербург» детали надгробий хранились в принадлежавшем ему здании на Волховском переулке, 1–3, где размещался «Музей отжившего культа». Туда же, чтобы спасти от уничтожения, переносили иконостасы и утварь из закрывавшихся церквей.

В условиях нэпа общество «Старый Петербург», поставленное на хозрасчет, не справилось с финансовыми трудностями. В 1926 г. все его имущество было продано с публичных торгов, здание на Волховском отобрано, многие из собранных ценностей пропали. Некоторые бюсты со Смоленского кладбища лишь в 1930-е гг. оказались в Русском музее, переданные сюда из бронзолитейной мастерской Академии художеств.

С 1927 г. городской отдел коммунального хозяйства, в ведении которого находились места захоронений, начал закрывать старые кладбища. В апреле было принято решение о немедленном закрытии Митрофаниевских кладбищ: православного и лютеранского. В ноябре, по ходатайству Володарского райсовета, закрыли Преображенское у Фарфорового завода. С января 1928 г. были закрыты для погребения Тихвинское и Никольское кладбища в лавре, а также Малоохтинское православное. Одновременно предполагалось расширить Киновиевское кладбище на правом берегу Невы¹³⁶.

О состоянии кладбищенского хозяйства шла речь на заседании пленума секции коммунального хозяйства Ленсовета 24 февраля 1928 г. На этот период в городе существовало сорок шесть кладбищ. Одно из них – Лазаревское – считалось музейным и было закрыто

¹³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Д. 8.

¹³⁴ Там же. Д. 1. Л. 160.

¹³⁵ Вечерняя красная газ. 1925. 26 марта; 1927. 14 дек.; 1928. 6 янв.

¹³⁶ Там же. 1927. 19 апр.; 22 окт.; 1928. 21 сент.

для посещения. Площадь двенадцати закрытых для погребения кладбищ составляла восемьдесят гектаров, тридцати четырех действующих – триста восемьдесят два. Наиболее активно использовались Преображенское (Обуховское), Успенское (Северное), Богословское, Серафимовское, Волковское, Большеохтинское, Киновиевское и Новодевичье кладбища. Городские коммунальщики решили, что к 1936 г. все кладбища в черте города должны быть закрыты «за переполнением»¹³⁷.

Выступление на пленуме В. М. Федорова дает яркую картину разорения старых городских некрополей. Огромные дорогостоящие надгробия разрушались ради мелких утилитарных целей: «добыча медных, бронзовых и других металлических частей (скобы, стержни, розетки)». Мраморные плиты и доски разбивались «с целью утилизации для особого типа захоронений – «раковин»». Докладчик указывал, что «общим для многих кладбищ отрицательным явлением надо признать множество раскиданных памятников, валяющихся в траве (опрокинуты колонны, обелиски, доски и т. д.). Кроме того, разрушенный вид создают разбитые склепы и усыпальницы...».

Президиум Ленсовета периодически издавал решения об охране кладбищ. Так, например, 18 августа 1928 г. было принято постановление об «обязательном соблюдении Обязательного постановления об охране порядка на кладбищах», предусматривающее расследование дел о хищении памятников, организацию ночных облав «для выявления преступного и хулиганского элемента». Однако сама периодичность принятия подобных постановлений говорит о полной их неэффективности¹³⁸.

В июне 1928 г. «Вечерняя красная газета» сообщила, что «начались работы по ремонту ряда кладбищ Ленинграда». Сооружались новые ограды на Смоленском, Митрофаниевском и Преображенском (Фарфоровском) кладбищах, прокладывался дренаж на Смоленском. Газета обещала: «с началом лета Спасо-Преображенское и Лазаревское кладбища превратятся в парки»¹³⁹. Работы в основном сводились к «очистке кладбищ от разрушенных памятников и палисадников». Средства, вырученные от продажи деталей разобранных памятников, шли на нужды Откомхоза. Отсюда прямая заинтересованность в уничтожении возможно большего числа старых надгробий. Кладбища превратились в своеобразные каменоломни, где добывался полированный камень дорогих и редких пород. Газета «Известия» отмечала в 1931 г., что на Волковском «кладбищенская администрация в течение этого лета разобрала несколько сот надгробных памятников и продала свыше 2 000 кубометров бутовой плиты. Бесхозность памятников определяет комиссия, в которую входит зав. кладбищем, сторож и педагог»¹⁴⁰.

Мысль о создании на месте старых петербургских кладбищ «зеленого кольца» единого городского парка с сохранением художественно-исторических надгробий принадлежала активистам общества «Старый Петербург». Целиком этот план не удался, но начало ему было положено устройством музея-некрополя¹⁴¹.

Идея родилась в Москве в связи «с ликвидацией почти всех старых монастырских кладбищ». Обеспокоенный этой беспримерной по масштабам акцией, Всероссийский союз писателей обратился 6 апреля 1931 г. в Мосгорисполком с письмом, в котором просил сохранить хотя бы исторический некрополь Донского монастыря. Сюда же писатели предлагали «свежести останки выдающихся деятелей со всех ликвидированных уже московских кладбищ». Сектор науки Наркомпроса РСФСР отношением в секретариат Президиума ВЦИК от 27 апреля поддержал эту идею, распространив ее и на Ленинград.

¹³⁷ Протокол цит. по копии в Архиве ГМГС.

¹³⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 92. Л. 1.

¹³⁹ Веч. красная газ. 1928. 5 июня.

¹⁴⁰ Пошлики на кладбище // Известия. 1931. 22 сент.

¹⁴¹ Конечный А.М. Общество «Старый Петербург-Новый Ленинград» // Музей. 1987. Вып. 7. С. 249–252.

Предлагалось создать кладбища-заповедники в Александро-Невской лавре и на Литераторских мостках. Ленинградский областной отдел коммунального хозяйства в принципе согласился, сопроводив ответ в секретариат ВЦИК знаменательным пожеланием: «По разрешении этого вопроса необходимо иметь в виду, что родственники умерших весьма неохотно соглашались на перезахоронение останков, а поэтому ЛООКХ полагал бы целесообразным издать по РСФСР особое распоряжение, обязывающее родственников не чинить препятствий при перезахоронении»¹⁴².

Решение «О превращении Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры в кладбище-музей надгробных памятников» было принято на заседании президиума Ленсовета 28 июля 1932 г. В нем говорилось о «перенесении прахов известных общественных деятелей, писателей и художников» в музейный некрополь, где, в свою очередь, разрешалось ликвидировать «позднейшие, не представляющие собой художественного значения памятники».

Ситуация складывалась трагическая. Надгробия, историческая и художественная ценность которых была несомненной, отправляли в музей-некрополь «с перенесением прахов» (а иногда и без оно). Если же ценность того или иного захоронения казалась недостаточной, могилу обрекали на уничтожение – в особенности когда разрушение памятника сулило материальную выгоду.

В 1907 г. Н. Н. Врангель впервые обратил внимание на преданные забвению шедевры мемориальной скульптуры на старых петербургских кладбищах. Но он вряд ли предполагал, что через четверть века художественная уникальность памятников позволит сделать вывод о малосущественности их мемориального значения, о том, что памятники эти можно попросту убрать с могил и перенести в музей, уничтожив тем самым место погребения.

Справедливости ради заметим: идея создания национального Пантеона – места погребения выдающихся исторических лиц – принадлежит новоевропейской культуре. Некрополь мастеров искусств на месте Тихвинского кладбища лавры и некрополь Литераторские мостки представляют собой именно такие мемориалы. Однако практическое осуществление этой идеи в конкретных условиях Ленинграда 1930-х гг. оказалось чревато многими несправедливыми и бессмысленными утратами.

В немалой степени это объяснялось организационной неразберихой. Занимавшееся вопросами культуры ведомство не имело достаточных средств для проведения работ по устройству музея-некрополя. Пришлось из ведения массового отдела Ленсовета передать некрополи Похоронному тресту. А эта организация, живо заинтересованная в списании «бесхоза», вела дело, как писал первый директор музея Н. В. Успенский, «сплеча, как попало, допуская к этому ответственному и новому делу злонамеренных корыстно-хищных и к тому же еще совершенно невежественных лиц, которые, увы, только лишь впоследствии, и то частично, были изгнаны наконец с позором»¹⁴³.

В сентябре 1934 г. Лазаревский некрополь посетила группа ленинградских литераторов. Об увиденном они писали А. М. Горькому: «То состояние, в каком находится сейчас Лазарево кладбище, внушает серьезное опасение за его судьбу и сохранность его художественного комплекса, и потому наше обращение к Вам есть одновременно и надежда на улучшение его материального благосостояния, а с ним и возможность признания заповедника в его правах и обязанностях как музея всесоюзного значения, каким он фактически и является». Письмо подписали И. А. Груздев, Г. А. Гуковский, М. М. Зощенко, В. А. Каверин, С. Я. Маршак, М. Л. Слонимский, Ю. Н. Тынянов, К. А. Федин, О. Д. Форш, А. П. Чапыгин и др. 26 марта 1935 г. А. М. Горький сообщил И. А. Груздеву, что говорил о Лазаревском кладбище с А. А. Жда-

¹⁴² Отношение цит. по копии в Архиве ГМГС.

¹⁴³ Письмо Н. В. Успенского И. Э. Грабарю, 11 июня 1938 // Архив ГМГС.

новым и «получил твердое его согласие серьезно заняться этим делом»¹⁴⁴. Очевидно, результатом этого стало постановление президиума Ленсовета от 3 июля 1935 г. «О выделении из треста «Похоронное дело» Лазаревского, Тихвинского и Литераторских мостков Волковского кладбищ в самостоятельную единицу в системе Управления благоустройства». В свойственном тому времени директивному стилю постановление предписывало «в месячный срок» учесть все исторические и художественные памятники на всех кладбищах Ленинграда и «составить план и систему переноса скульптур и перезахоронения прахов на кладбищах-парках»¹⁴⁵.

В «Ленинградской правде» 26 августа 1935 г. было помещено объявление, что в связи с превращением Лазаревского, Тихвинского кладбищ и Литераторских мостков в парки-музеи «гражданам, имеющим могилы родственников, непоименованные комиссией в списках оставленных, предлагается в трехмесячный срок осуществить перезахоронения... Не подав за три месяца заявления, могилы будут считаться бесхозными и подлежат сносу». Коммунальные работники со всем рвением начали работы на Тихвинском кладбище, и летом 1937 г. на его месте был открыт мемориальный парк-некрополь мастеров искусств. Что же до таких, по выражению Н. В. Успенского, «подлинных сокровищ и рассадников знаний, как собрание художественных памятников Лазаревского заповедника и знаменитых могил «Литераторских мостков»», — они остались «в прежнем запустении и хаосе»¹⁴⁶.

Гораздо хуже обстояло дело на других исторических кладбищах. Вот запись активистки общества «Старый Петербург—Новый Ленинград» С. В. Поль за 1935 г.: на Смоленском православном «памятник проф. живописи А. Е. Егорова покосился; проф. живописи И. Е. Яковлев: сброшена часть колонки над рустом; проф. живописи К. Д. Флавицкий: п-к совершенно уничтожен, но место пока не захоронено (у часовни Анны Праведной); на могиле акад. Крачковского крест с метал. дощечкой с полустертой надписью (у ворот)... недостроенный памятник архитектора фон Гогена сегодня начали разбирать (находится недалеко от ворот, направо)... могила поэта Блока находится в чистоте, но крест не мешало бы покрасить»; на Волковском лютеранском «у памятника Росси решетка уничтожена, памятник косится»; на Выборгском католическом «начинает разрушаться памятник арх. Шарлеманя, т. к. значительная часть кирпичной кладки обнажена»¹⁴⁷.

В начале 1936 г. городские власти рассмотрели вопрос о закрытии десяти кладбищ, в том числе Волковского, Громовского, Смоленского, Большеохтинского. Одновременно были намечены новые кладбищенские участки: у станции Шуша ры – тридцать семь гектаров, у деревни Пискаревка – тридцать, у совхоза «Василеостровец» – пятьдесят. Было отмечено, что «дело с ликвидацией вышеперечисленных кладбищ и организацией новых подвигается крайне медленно вследствие целого ряда затруднений организационного и материального характера»¹⁴⁸. Речь шла именно о полной ликвидации кладбищ, следовавшей за закрытием их для погребения. Намеченные к закрытию в 1927 г. Фарфоровское и Малоохтинское православное кладбища были уже в 1930-е гг. полностью уничтожены. Стирались целые участки Митрофаньевского (окончательно погибшего в 1950-е гг.). С апреля 1930 г., в связи с предстоящей ликвидацией кладбища Сергиевой пустыни, с памятников снимали «отдельные части..., представляющие художественное и историческое значение»¹⁴⁹. О планах полной ликвидации других исторических кладбищ свидетельствуют перезахоронения с Волковского лютеранского, Смо-

¹⁴⁴ Переписка М. Горького. Т. 2. М., 1986. С. 362.

¹⁴⁵ Протокол: цит. по копии в Архиве ГМГС.

¹⁴⁶ Успенский Н. В. Докладная записка о мероприятиях по реорганизации и благоустройству Лазаревского кладбища-музея // Архив ГМГС.

¹⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 443. Д. 225.

¹⁴⁸ Протокол № 3 Комиссии музейного сектора Культпросветотдела от 5 марта 1937 // Архив ГМГС.

¹⁴⁹ Отношение уполномоченного Управления НКП по ВУЗ, рабфакам, научным, научно-художественным и музейным учреждениям г. Ленинграда от 7 апреля 1930 // Архив ГМГС.

ленских, Новодевичьего и Никольского. Прах А. А. Блока и его близких был перенесен со Смоленского на Литераторские мостки в 1944 г.

Замысел превратить уничтожаемые кладбища в парки не осуществился. В марте 1940 г. происходило уничтожение Выборгского римско-католического кладбища. Его передали районному финотделу, который, с целью извлечения дохода, организовал здесь настоящую камноломню. Сохранилось свидетельство очевидца: «Рабочие, добывающие камни, не разбирают памятников с целью рационального использования камня и других частей памятников, а разламывают последние, большей частью разбивая целые каменные глыбы на мелкие осколки. При разламывании памятников происходит массовое повреждение растительности»¹⁵⁰. некогда тенистое, утопавшее в зелени, кладбище с ухоженными цветниками и газонами так и не стало «парком культуры и отдыха». Разгром завершился после войны перестройкой костела в заводской цех и появлением здесь зоны промышленных предприятий.

Безжизненное пространство между Минеральной и Арсенальной улицами, где когда-то было римско-католическое кладбище; гаражи и склады на Митрофаньевском шоссе, сохранившем название существовавшего там некрополя; сквер на месте Фарфоровского кладбища – вот судьба старинных городских скуделен.

Скорбная эпопея ленинградской блокады осталась на старых кладбищах рядами безымянных братских могил и множеством могильных холмиков, под которыми покоятся сотни тысяч людей. Тема эта целиком принадлежит советской истории и заслуживает всестороннего и тщательного изучения. Память об этом не должна исчезнуть никогда. Особая тема – выявление мест захоронения жертв государственного террора 1918–1953 гг. и создание мемориальных комплексов, начало чему было положено в 1990-е гг. установкой памятников в Левашевской пустоши.

В 1947 г. вновь открылся для посещения Некрополь мастеров искусств, вскоре после этого – Некрополь XVIII в., лаврские усыпальницы и Литераторские мостки. Надгробные памятники этих некрополей, общим числом около трех тысяч, составляют фонд Государственного музея городской скульптуры. Перенос в музейные некрополи исторических захоронений и художественных памятников, шедший и в первые послевоенные годы, постепенно был полностью прекращен. В некрополе Литераторские мостки, а частично и в Некрополе мастеров искусств, допускались захоронения известных ленинградских ученых, деятелей искусства. Однако превращение этих некрополей в обычное кладбище едва ли допустимо: они сложились как музейные заповедники, и захоронения здесь должны быть прекращены.

В современном Санкт-Петербурге существует 43 кладбища, в пригородах – 55. В целом их территория составляет 1,5 тысяч га. Петербургский некрополь включает Пискаревское мемориальное кладбище, архитектурный ансамбль которого был завершен в 1960 г., и мемориал «Левашевская пустошь».

Для захоронений преимущественно используются основанное в 1971 г. на Волхонском шоссе Южное кладбище (крупнейшее в Европе, площадь 183 га) и существующее с 1984 г. Ковалевское кладбище (пл. 110 га) на границе Всеволожского района Ленинградской области.

Из исторических кладбищ города ведутся захоронения на Смоленских, Волковских, Северном, Богословском, Большеохтинском, Киновиевском, Казанском в Рыбацком, Жертв 9 января (бывшем Преображенском), Еврейском, Красненьком, Серафимовском, Шуваловском, Никольском в лавре. В пригородах действуют кладбища в Зеленогорске, Сестрорецке, Комарово, Лахте, Пушкине (Казанское), Колпино и др. Все кладбища, как «закрытые», так и «полужакрытые», находятся в ведении Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Ритуальные услуги». В его же ведении Крематорий с колумбарием на Шафировском проспекте (основан в 1973 г.).

¹⁵⁰ Никонов, инженер-экономист. Докладная записка в ТЭС АПО Ленсовета от 8 марта 1940 // Архив ГМГС.

Серьезная проблема современного города – нехватка площадей для новых захоронений. Возобновление погребений на исторических кладбищах в 1990-е гг. оказалось до известной степени вынужденной мерой. На старых кладбищах целые участки освобождаются от непосещаемых могил и обветшавших надгробных знаков. В целом это отвечает принятой европейской практике. Однако дефицит кладбищенского пространства во многом определен сохранением российской традиции погребения в могиле (на Западе кремируется до 90 %, тогда как у нас не более 15 %).

Сложившаяся в 1930-е гг. практика уничтожения «бесхоза» продолжается, к сожалению, и сейчас. Вместе с тем с конца 1980-х гг. в отношении к старым кладбищам наметились серьезные изменения. С целью благоустройства и возобновления захоронений прошли реконструктивные работы на Никольском, Новодевичьем, Смоленских кладбищах. Но нельзя не отметить, что в процессе этих работ несколько сократилась территория исторических некрополей, утрачен целый ряд памятников.

Следует ли в дальнейшем создавать чисто музейные некрополи? По нашему мнению, нет. Печальный опыт переноса исторических захоронений в 1930-1950-х гг. можно объяснить специфическими условиями времени, однако вряд ли этот путь сохранения исторических захоронений приемлем сегодня.

В определенные исторические эпохи идея Пантеона как места погребения выдающихся представителей нации была оправдана (вспомним Пантеон Великой французской революции). Желание «переписать историю» свойственно революционным эпохам. Но в поколениях оценка исторических лиц и событий изменяется. Произвольная ломка исторически сложившейся структуры кладбища, вырывание «великого человека» из окружения, связанного с ним тончайшими, далеко не всегда видимыми нитями, – антиисторично по существу¹⁵¹.

Любое старое кладбище хранит память о сменяющих друг друга поколениях. Историческую значимость имеют не только отдельные, примечательные по тем или иным причинам памятники, но и само место кладбища, его территория в целом.

Необходимо осознать, что кладбище – составная часть сложного и многофункционального городского организма. Места, отводимые для погребения, по своей сути служат хранилищем исторической, духовной, нравственной памяти народа. Жизнь кладбища продолжается лишь тогда, когда могилы напоминают приходящим о их родителях – отцах, дедах, прадедах...

¹⁵¹ Подробнее см.: Кобак А. В., Пирютко Ю. М., Чудиновская Т. Б. Как спасти некрополь // Наше наследие. 1990. № 2. С. 123–138; Котылев А. Ю. Репетиция страшного суда: Некоторые мысли о восприятии смерти в общественном сознании 1920-х гг. // Семиотика культуры: III Всесоюз. школа-семинар. Тезисы докл. Сыктывкар, 1991. С. 27–29; Макарова Л. М. Смерть в идеологии и практике германского фашизма // Там же. С. 41–44; Пирютко Ю. М. Судьба могилы Блока // Невский архив. Вып. VII. СПб., 2006. С. 568–588. Пирютко Ю. М. Вечный покой // Петербург. Место и время. Информационно-аналитический журнал. Вып. 2. СПб., 2004. С. 30–34. Pirioutko J. Les necropoles russes // Les sites de la memoire russe. T. 1 Geografic de la memoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris. Fayard. 2007. P. 424–440.

Ю. М. Пириутко

НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ: СТИЛЬ, МАСТЕРА, ЗАКАЗЧИКИ

Эстетические свойства петербургского некрополя яснее обнаруживаются, как ни парадоксально, в его разорении. Покалеченные ограды, провалившиеся, заросшие травой и кустарником склепы создают не лишенный своеобразной поэтичности образ увядания и смерти. «Ржавый ангелок», льющий, по ахматовскому слову, «сухие слезы» над забытой могилой, — это образ, который принципиально невозможно подвергнуть реставрации, «музеефицировать». Унылая картина разрушенных и искалеченных старых некрополей (Смоленских, Волковских, Никольского) коробит нас. Между тем, когда эти кладбища были действующими, когда Некрасову приходилось в поисках могилы Белинского шагать «по мосткам деревянным» в непролазную слякоть тогдашнего Волковского кладбища, ничего, кроме скуки и отвращения, это не вызывало.

Сама топография петербургского некрополя, по преимуществу плоского, низменного, переувлажненного, особенности климата, буквально съедающего камень, а деревянные кресты превращающего в труху, не давали людям XIX в. почувствовать красоту старинных надгробий. В XVIII в. на кладбищах не сажали деревьев, и эти обширные, уставленные покосившимися крестами пространства производили, вероятно, особенно гнетущее впечатление. Лишь со временем, чему в немалой степени способствовала эпоха сентиментализма и романтизма с их культом смерти, ритуалом кладбищенских прогулок, воспевавшихся в элегиях и балладах, возникло эстетическое восприятие некрополя.

В полной мере почувствовать художественную значимость старинных надгробий петербуржцы смогли в то же время, когда художники «Мира искусства», литераторы «Старых годов» и «Аполлона» создали культ Старого Петербурга. Н. Н. Врангель, восклицавший, что «нигде не погибает столько произведений искусства, как в России», относил это и к «запущенным, забытым памятникам петербургских кладбищ», уничтожавшимся «осенними дождями, злыми зимними морозами — вместе с нашими вандалами». Занимавшийся историей русской скульптуры, Врангель впервые обратил внимание искусствоведов на памятники петербургского некрополя.

Искусство художественного надгробия всегда развивалось в общем русле с другими видами прикладного искусства и архитектуры, но при этом сохраняло ряд специфических черт. Прежде всего, это условия заказа памятника, в которых личные вкусы заказчика играют не меньшую роль, чем особенности художественного мышления эпохи и уровень мастерства исполнителя. Формы надгробий, как и обывательские вкусы, весьма консервативны и могут не изменяться десятилетиями. Тем более интересно, что эволюция художественных стилей все же заставляла эволюционировать и этот вид искусства, как никакой другой, придерживающийся традиционных форм.

Изучение надгробий петербургского некрополя затруднено тем, что значительная их часть погибла. Многие ценные памятники XVIII—первой половины XIX вв. были в 1930-е гг. перенесены со старых кладбищ в музейные некрополи и таким образом оказались вырваны из исторического окружения.

Памятники второй половины XIX—начала XX вв. оставались, в основном, на своих исторических местах. Зато и сохранность их оказалась катастрофична. Если памятники эпохи барокко и классицизма, окончательное разрушение которых в начале XX в. казалось неизбежным, уцелели в музейных некрополях, то сохранению интересных образцов эклектики и модерна долгое время не уделялось никакого внимания.

Художественные памятники петербургского некрополя XVIII–XIX вв. в основном сосредоточены сейчас в музейных некрополях и усыпальницах Александро-Невской лавры. Наиболее ранними являются каменные плиты супругов Ржевских, найденные в конце 1920-х гг. на Лазаревском кладбище. Стольник Иван Иванович Ржевский, скончавшийся в 1717 г., и его жена Дарья Гавриловна, умершая в 1720 г., принадлежали к близкому окружению Петра I. Дарья Гавриловна была «князь-игуменьей» Всеппянейшего собора.

Эпитафия И. И. Ржевского сообщает, что он «родился от родителей своих... от рождения сына божия АХНГ (т. е. 1653) году месяца января в КЗ (27) день... погребен в приморском своем доме в церкви святых верховных апостолов Петра и Павла». Для даты кончины и числа прожитых лет оставлен пропуск, что указывает на старомосковскую традицию изготовления надгробной плиты еще при жизни заказчика. Массивные (толщиной до тридцати, длиной около ста восьмидесяти сантиметров) плиты вырублены из мягкого светлого известняка, напоминающего белый камень, излюбленный материал московских резчиков XVII в.

В верхней части плиты И. И. Ржевского, в круглом медальоне, помещен четырехконечный крест с традиционной, встречающейся еще на памятниках XI в., сакральной формулой «ИС ХС Ника» (имя Сына Божия и греческое слово, знаменующее победу Иисуса Христа над смертью). В нижней части плиты – череп. В основе этой композиции отразилось, очевидно, апокрифическое предание о Голгофе, на которой был распят Христос: это могила ветхозаветного Адама. Череп его омывается кровью Распятого на кресте, что символизирует спасение и веру в воскресение мертвых.

Виноградные лозы на плите Д. Г. Ржевской являются евангельским символом Иисуса Христа. На эту деталь следует указать особо, так как в существующей литературе повторяется совершенно несостоятельная мысль, будто надгробие «князь-игуменьи» своим орнаментом напоминает о развлечениях двора Петра I¹⁵². Не вдаваясь в характеристику «всеппянейших соборов», которые вовсе не были праздной и бессмысленной забавой, надо подчеркнуть, что изменения в облике русских надгробий назревали исподволь, постепенно. Утверждать, что в петровскую эпоху происходит какой-то крутой поворот в этом весьма консервативном жанре, нет оснований.

Мемориальная пластика – функциональный по своей природе вид искусства, который не может быть замкнут в чисто эстетических категориях. Художественная форма надгробного памятника обусловлена традицией, в отдельных элементах настолько глубокой, что они уже не могут быть восприняты во всей полноте и содержательности смысла. В особенности это касается рядовых надгробий простейших форм, воспроизводимых без изменений из поколения в поколение: могильный холм, плита, крест. Форма надгробной плиты, известная еще в XVI–XVII вв., остается ведущей в петербургском некрополе XVIII в. Разумеется, речь идет о сохранившихся памятниках достаточно высокого социального ценза. На кладбищах «для простых» преобладали деревянные кресты, не сохранившиеся по понятным причинам.

Материалом для памятников обычно служил местный известняк, добывавшийся в окрестностях Петербурга: путиловская, парицкая, пудостская плита. Менее распространенным был металл: чугун, бронза. По характеру композиции и основным содержательным элементам литые металлические плиты не отличались от резных каменных.

Основное место на плоскости плиты занимает текст эпитафии. Как правило, он начинается с указания даты кончины «в лето от рождения Христова», при этом нередко указывался не только день, но и час. Далее подробно перечислялись чины и звания погребенного, его награды и в заключение указывалось, когда он родился и какое число лет, месяцев и дней прожил. Последовательность элементов эпитафии иногда менялась: с середины XVIII в. она начиналась обычно словами «на сем месте» или «под сим камнем погребен», – но все составные

¹⁵² Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. М., 1978. С. 56.

клише текста присутствовали, сохранившись до середины следующего столетия. Убористый текст, занимающий до двух десятков строк, начертание шрифта, его плотность, соотношение с пространством плиты сами по себе производят определенный художественный эффект. Над картушем с эпитафией на плитах XVIII в. часто изображался дворянский герб. Геральдическая мантия с короной, щит, лента с девизом занимают иногда большую часть плиты. В отличие от формализованного текста эпитафии, гербы придают памятнику индивидуальность и неповторимость. Общая композиция оставалась неизменной, только характер орнамента и тип шрифта позволяют отличать памятники по времени изготовления. К концу XVIII в. декоративное решение плит приобретает устойчивую лаконичность: обычно трапециевидная форма, над текстом вырублен символический сакральный знак (крест, «Всевидящее Око»), под текстом – «адамова голова» (череп с костями).

В Некрополе XVIII в. сохраняются плиты, характер обработки которых позволяет предполагать, что они изготовлены в одной мастерской. Примером могут служить отлитые из темной бронзы в середине XVIII в. плиты И. Ю. Трубецкого и Ф. А. Апраксина, напоминающие по композиции архитектурный портал с рельефными изображениями щитов, мечей, колчанов и других атрибутов военной славы, в обрамлении которых помещен герб, а под ним эпитафия, украшенная геральдической композицией из знамен и военной арматуры. Эти массивные плиты клали горизонтально над местом погребения. Многие плиты из известняка, выполненные в 1760-1780-е гг., совершенно идентичны по рисунку и характеру шрифта эпитафии, часто заключенной в рамку из плетенки.

Существовали и такие плиты-эпитафии, которые помещались на стене как напоминание о месте погребения. Такие настенные эпитафии были обычно небольших размеров, по форме приближались к медальону (например, сохранившиеся в Благовещенской церкви плиты А. П. Апраксина, П. И. Ягужинского). Ряд подобных мемориальных знаков перенесен в музейную экспозицию из других церквей XVIII в.

Судя по сохранившимся памятникам представителей высшего слоя петербургского дворянства, в надгробных плитах XVIII в. традиционная религиозная символика постепенно вытесняется официальной гражданской эмблематикой. Это действительно характерно для начатой Петром I бюрократизации общества, но делать какие-то обобщающие выводы на основании имеющегося материала было бы неверно. Определенные сакральные символы («адамова голова», херувимы, пальмовые и миртовые ветви) присутствуют почти постоянно, и целиком светские по своему характеру памятники были скорее исключением, чем правилом. Надо учитывать также, что сохранившиеся до нашего времени надгробные памятники чаще всего помещались внутри церковных зданий или в непосредственной близости от них. В скромном облике надгробных плит, типизации их форм определенным образом символизируется мысль о ничтожности земного благополучия перед небесной справедливостью.

О том, как выглядели памятники на монастырском кладбище XVIII в., можно судить по сохранившемуся в архиве «описанию имеющимся в Невском монастыре гробницам» представителей графского рода Шереметевых, относящемуся к 1780-м гг. На месте захоронения внука фельдмаршала Б. П. Шереметева, Порфирия, умершего в 1758 г., был «положен только простой путиловский камень с надписью, который... опустился совсем в землю», так что в 1785 г. «сверх одного... положен вновь камень же дикой с тем расположением, чтоб для надписи на нем положить сверху мраморную доску»¹⁵³. То есть старая надмогильная плита была использована в качестве фундамента для нового памятника. Это обстоятельство было достаточно характерно для «поновления» старинных надгробий, если у потомков возникала к этому охота.

Шереметевские гробницы в Лазаревской усыпальнице украшены так называемыми оковками, медными досками, рельеф на которые наносился в технике «битья», выколотки. Сохра-

¹⁵³ ЦГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1822. Л. 13.

нилось лишь несколько образцов, выполненных в этой технике, и все они находятся на кладбище Невского монастыря. Отсюда можно сделать вывод о принадлежности их к одной мастерской. Не раньше середины 1770-х гг. были выполнены медные золоченые оковки плит П. Г. и Е. А. Чернышевых, М. К. Скавронского и его сестры А. К. Воронцовой. Выбитые рельефом на плитах овалы медальоны с эпитафиями, щиты с гербами строго геральдической формы и вазы-курильницы окружены прихотливыми завитками растительного орнамента. В середине 1780-х гг. была положена оковка на мраморный саркофаг С. Я. Яковлева (ум. 1784), а вскоре после этого изготовлены из мраморных плит надгробия фельдмаршала Шереметева (ум. 1719) и его внучки Анны (ум. 1768). Золоченую оковку на гробнице А. П. Шереметевой делал, согласно контракту, «Санкт-Петербургского немецкого цеха медного золотарного дела мастер» Иоганн Христиан Праузенбергер¹⁵⁴. Его же подпись имеется на плите М. К. Скавронского. В той же технике «битья» выполнены плиты надгробий П. А. Салтыкова и И. Н. Долгокурова, скончавшихся в начале 1790-х гг., после чего памятников подобного рода не делали.

Указать точную дату изготовления того или иного памятника достаточно затруднительно, кроме тех случаев, когда на надгробии есть надпись мастера. Иногда, как в случае с шереметевскими памятниками, время их изготовления значительно расходится с датой погребения (хотя в большинстве случаев большой разницы во времени не было).

Особенности убранства русских церквей, у стен которых обычно помещались киоты с иконами, затрудняли включение в интерьер монументальных эпитафий с портретами и гербами, характерными для западноевропейской мемориальной пластики. Жанр скульптурного надгробия, давший русскому искусству в эпоху классицизма ряд первоклассных произведений, предназначался для родовых фамильных усыпальниц, кладбищенских церквей, а чаще для открытого пространства некрополей. С конца XVIII в. погребения в храмах вообще были запрещены.

На рубеже 1760-1770-х гг. некрополь начинает приобретать ансамблевость, разнообразие форм в единстве пластической концепции, что свойственно художественной практике классицизма. К числу первых архитектурных надгробий относится памятник М. В. Ломоносову, установленный на Лазаревском кладбище вблизи существовавшей тогда второй деревянной Благовещенской церкви. Памятник был заказан в Италии на средства покровительствовавшего ученому графа М. И. Воронцова, по эскизу академика Я. Штелина (мастер Ф. Медико, Каррара). Примечательно, что в 1760-е гг. в Петербурге не было мастерской, которая могла бы выполнить подобный заказ. Здесь характерна не только новизна формы, но и специфика материала: драгоценный каррарский мрамор, сверкающая белизна которого, в сочетании с позолотой резьбы, в окружении вросших в землю плит из местного известняка, действительно, должна была производить небывалое впечатление. В сегодняшнем Некрополе XVIII в. памятник кажется довольно скромным по размерам (высота его около двух с половиной метров), но современниками он воспринимался как «столп», монумент, воздвигнутый в память гения отечественной науки.

Прямоугольная стела увенчана изображением саркофага. На ее гранях вырублен полатыни и в русском переводе текст эпитафии, посвященной «славному мужу Михаилу Ломоносову... разумом и науками превосходному, знатным украшению Отечеству послужившему». Это не просто послужной список с указанием чинов, принятый в надгробных памятниках более раннего времени. Эпитафия Ломоносову открывает эпоху, когда составление надгробных надписей становится своеобразной отраслью поэтического искусства. Возвышенному строю эпитафии соответствует аллегорический рельеф, где символы наук и искусств – свиток с циркулем и лира – сплетены с лавровым венком славы. Многозначен символ, выраженный кадуцеем – оплетенным змеями крылатым жезлом Меркурия. Очевидно, что в данном случае кадуцей

¹⁵⁴ Там же. Л. 16–17.

напоминает о назначении памятника, так как античный Меркурий выступал в роли проводника в загробное царство; кадуцей, однако, воспринимался и как ключ к открытию тайн природы, и в этом смысле мог быть помещен на памятнике естествоиспытателю. Изысканность ученой символики монумента сочетается с православной традицией: силуэт памятника благодаря выступающим боковым полочкам с гирляндами напоминает крест.

Историк Ю. П. Шамурин, изучавший памятники московского некрополя, заметил, что «при хронологическом разграничении художественных форм гораздо важнее определение времени появления и утверждения данной формы. Конечная дата – упадка, вырождения и исчезновения менее поддается учету»¹⁵⁵. Классические архитектурные формы саркофагов, стел, жертвенников, пилонов, обелисков, пирамид, возникнув в последней четверти XVIII в. в петербургском некрополе, сохраняются в течение многих десятилетий, продолжая, как и плиты, существовать в условиях развития новых стилей.

По-видимому, эволюция форм надгробия в Петербурге проходила менее интенсивно, чем в Москве. Уже в 1760-е гг. в древней столице появляются белокаменные саркофаги с пышной барочной резьбой, эффектность которой подчеркивалась раскраской. Ничего подобного в Петербурге не было. Эпоха барокко отразилась лишь в усложнении орнаментации, насыщенности пластического декора надгробных плит.

Судя по памятникам Лазаревского некрополя, до конца 1760-х гг. большинство их составляли плиты из известняка. С начала 1770-х гг. появляются гранитные плиты. Начинает использоваться мрамор: первоначально в виде врезанных в плиты накладных досок, как, например, на изготовленных в начале 1770-х гг. памятниках А. Е. Демидовой и М. Е. Скобельцына. Над текстом эпитафии, вырубленной в мраморе, помещен аллегорический рельеф – череп в венке из роз, символизирующий, очевидно, суету мирской жизни. Эти памятники, как и некоторые другие на Лазаревском кладбище, относящиеся к 1770-м гг., выполнены в одной мастерской. Если первоначально надгробные плиты клали на кирпичное основание, с начала 1770-х гг. появляются повышенные подиумы из блоков известняка. Этот тип саркофага в виде ящика из каменных плит сохранялся до начала XIX в.

Монолитные объемы саркофага из гранита стали изготавливать лишь с 1780-х гг. Наиболее ранней формой являлись, по-видимому, прямоугольные саркофаги темно-серого гранита. В 1790-е гг. появляются саркофаги и плиты из красного гранита «рапакиви». Вообще материал надгробий опосредован состоянием добычи камня. Первые разработки отечественного мрамора в северном Приладожье начались в 1766 г., так что лишь после этого мрамор стал использоваться для плит и саркофагов. Примечательны мраморные саркофаги со скошенными гранями и филеками с рельефами, на ножках-волютах изысканного рисунка (П. А. и Е. А. Полянские, нач. 1780-х гг.). Темно-серый сердобольский гранит начинают широко добывать в конце 1760-х гг., а пютерлакский красный – во второй половине 1780-х¹⁵⁶.

Форма жертвенника, вырубленного из гранита, начинает распространяться с 1800-х гг. Жертвенники представляют собой, как правило, прямоугольный, вытянутый в высоту объем, увенчанный широкой карнизной плитой с треугольными или лучковыми фронтонами и акротериями. Образ жертвенника-алтаря ассоциируется с идеей воспоминания о покойном; часто на памятнике помещают пространную эпитафию в стихах или прозе. На гранях жертвенника – мраморные доски с текстами и рельефами, к которым добавляются накладные детали из бронзы и чугуна: античные лекифы, факелы и маски на фронтонах и акротериях, крылатые херувимы на углах карниза, крест и якорь – символы Христианской веры и Надежды – на постаменте или венчающие памятник. Некоторые жертвенники по материалу и характеру декорировки можно объединить в группы, явно вышедшие из одной мастерской (мраморные надгроб-

¹⁵⁵ Шамурин Ю. Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. Вып. 8. С. 105.

¹⁵⁶ Булах А. Г., Абакумова Н. Б. Каменное убранство центра Ленинграда. Л., 1987. С. 25–26.

бия Меншиковых и Янковичей де Мириево – конец 1810-х гг.; жертвенники с рельефными венками из плюща – Е. В. Свечиной, М. В. Левашовой, А. А. Торсукова – 1810-1820-е гг.; гранитные жертвенники В. И. Потапова, Б. А. Голицына – начало 1820-х гг.; и др.).

Сочетание излюбленных в эпоху классицизма элементов античной символики и мотивов христианского мирозерцания вполне органично вписывается в облик петербургского некрополя эпохи классицизма. Примечательным в этом смысле является надгробие И. А. Пуколова с сыном, первоначально находившееся на Волковском кладбище (1820-е гг.; перенесено в Некрополь XVIII в.). На цоколе жертвенника – накладной чугунный рельеф: песочные часы с крыльями, пересеченные косой – символы Времени и Смерти. Змея, свернувшаяся кольцом, на языке классицизма символизировала Вечность; бабочка, рвущаяся из кокона, – Бессмертие души. Своеобразное насыщение классицистических аллегорий понятиями церковной символики приобрело в этом надгробии несколько курьезный характер: два черепа, над которыми летят бабочки, улыбаются, как бы храня веру в грядущее воскресение.

Надгробие Пуколовых, созданное в эпоху классицизма, в сущности, не является уникальным ни по художественным качествам, ни по положению заказчика, синодского секретаря. Оно показывает общий уровень культуры надгробного памятника первой трети XIX в., символика которого давно утратила эзотерический смысл, превратилась в шаблон. Стихотворная эпитафия на памятнике Пуколовым необычайно популярна:

Прохожий, ты идешь, но ляжешь так, как я.
Присядь и отдохни на камне у меня.
Сорви былиночку и вспомни о судьбе:
Я – дома, ты – в гостях. Подумай о себе.



Надгробие Пуколовых на Волковском православном кладбище



Волковское православное кладбище



Надгробие Ф. С. Завьялова на Смоленском православном кладбище

Долгое время приписываемая князю Г. П. Гагарину¹⁵⁷ эпитафия в действительности создана П. И. Сумароковым в конце XVIII в. Широкая распространенность этих кладбищенских стихов подтверждается их помещением и на памятниках 1820-х гг.

Отдельные знаки, встречающиеся на памятниках Лазаревского некрополя, по-видимому, имеют связь с масонской символикой, хорошо известной в среде русского дворянства конца XVIII в. Однако, если, например, помещение на саркофаге Д. И. Фонвизина масонского «креста Святого Иоанна» с вогнутыми лопастями понятно, учитывая важное место писателя в среде

¹⁵⁷ Архиепископ Филарет Черниговский: Обзор. рус. духовной лит. М., 1863. Ч. 2. С. 164–165.

петербургских масонов, то на других памятниках эта деталь, как и треугольники «Всевидающего Ока», пятиконечные и шестиконечные звезды и др., не имеет никакой связи с масонством. Показательно, что в Петербурге, императорской столице, где существование лож всегда находилось под подозрением, почти отсутствует такая типично масонская форма надгробия, как «обрубленная акация» из камня.

С начала XIX в. наиболее распространенной формой надгробия в петербургском некрополе становится колонна на постаменте. К 1810-м гг. сложилась устойчивая композиционная схема: полуколонна из мрамора или гранита на постаменте, монолитном или сложенном из плит. Довольно часто колонна пересечена рустом, на котором вырубались эпитафии. На массивной гранитной колонне – надгробии архитектора А. Н. Воронихина (ум. 1814) – руст отмечен рельефным изображением Казанского собора. Венчались подобные памятники либо аллегорической скульптурой, либо вазой или урной.



Надгробие П. И. Шубина и его семейства на Лазаревском кладбище

Разнообразие форм урн и ваз в классицистическом некрополе необыкновенно. Это и массивные, иногда достигающие метровой высоты изваяния из гранита, представляющие самостоятельный архитектурный объем, и небольшие изящные композиции. Урна –местилище праха, символ, значение которого оставалось неизменным в течение многих столетий. Урны изображались мастерами классицизма оплетенными гирляндами цветов и листьев, часто покрытыми тканью, широкие складки которой придают особую выразительность силуэту. Однако традиционная форма интерпретировалась достаточно широко, и венчающий памятник сосуд мог превратиться в вазу, покрытую тонкой орнаментальной резьбой или наполненную цветами. Особенно изысканным было сочетание разных пород камня (порфира и мрамора в надгробии А. В. Скрипицына) либо украшение мраморной урны бронзовыми ручками и накладками (урна с вензелем на надгробии И. Е. Старова). Распространенным мотивом была урна, яйцевидное тулово которой оплетено змеей. Особо надо отметить завершение памятников вазами-светильниками с пламенем, рвущимся из горлышка. «Иконологический лексикон» 1786 г. указывал, что «на гробницах и катафалках пламя, выходящее из урны, стоящей на пирамиде, знаменует Добродетель, которая возводит людей на небо»¹⁵⁸.

Постаменты памятников конца XVIII—начала XIX вв. принимают различные формы: многогранные, призматические, круглые. Наряду с жертвенниками встречаются пилоны с прямыми или скошенными гранями, но плоским перекрытием. К концу 1780–середина 1790-х гг. относятся соседствующие в Лазаревском некрополе два мраморных памятника. Форма надгробия И. М. Измайлова (ум. 1787) с его развитым пластическим декором (рельефы, символизирующие Веру и Славу, львиные маски и лапы на углах) тяготеет к классическому жертвеннику. Пилон П. Ф. Гунаропуло (ум. 1795) более статичен по форме. Скульптурный портрет двадцатилетней «любезной супруги» совмещается с черепом, брошенным на плоскую плиту, зрительно воплощая мысль о «суе суете».

Декоративные пирамиды выступают и как постамент для урны с пламенем, и как завершение архитектурной композиции. На постаментах появляются мраморные или бронзовые медальоны с гербами, вензелями; иногда геральдические знаки даются гравировкой на теле полуколонны, постамент которой украшен рельефом аллегорического содержания. Мотив сложенной колонны, как символ рано угасшей жизни, появляется в 1800-е гг.

¹⁵⁸ Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописи и резного художества, медалей, эстампов и проч. Спб., 1786. С. 102.



Надгробие Дивова на Фарфоровском кладбище



Надгробие А. Л. Шустова на Смоленском православном кладбище

Любопытно проследить возникновение новых форм надгробных памятников в связи с развитием архитектурных образов эпохи классицизма. Так, первый городской памятник в форме обелиска встал на Царицыном лугу в Петербурге в 1799 г. (obelisk «Румянцева победам», архитектор В. Бренна). К этому же году относится наиболее раннее из известных надгробий этой формы – обелиск А. Литке на Волковском лютеранском кладбище (перенесен в Некрополь XVIII в.). Этот памятник безосновательно приписывался А. Ринальди, уехавшему из России в 1784 г. и умершему через десять лет в Риме. Гармоничное сочетание цветных мраморов, грациозный рельеф в духе рококо, изображающий крылатого гения, сломавшего

стрелку часов, – позволяют считать этот памятник работой одного из итальянских мастеров, служивших в Петербурге в конце XVIII в.

Весьма любопытен по художественному решению миниатюрный обелиск на высоком граненом постаменте надгробия Софи Бренна (дочери архитектора), умершей в 1799 г. (Волковское лютеранское кладбище). Затейливость и вычурность силуэта, усложненного гирляндами и филенками, не имеют аналогов в Петербургском некрополе. Памятник, судя по эпитафии, сооружен отцом и является малоизвестной работой даровитого зодчего.



Надгробие С. Бренны на Волковском лютеранском кладбище



Надгробие А. А. Бетанкура на Смоленском лютеранском кладбище

С 1800-х гг. в некрополе появляются обелиски, сложенные из плит, монолитные, на ножках-шарах и на лапах. Все эти формы сохраняются и развиваются до 1840-х гг. (иглообразный обелиск А. М. Дубянского).

Если усеченные колонны на постаментах появляются в некрополе в начале 1800-х гг. и повсеместно исчезают к 1830-м, то колонна классического ордера, как самостоятельный архитектурный объем, появляется в качестве надгробного памятника лишь с конца 1810-х гг. Наиболее ранний образец – мраморная колонна М. И. Еллинской (ум. 1817), с каннелированными шейками в верхней и нижней части, напоминающая колонны в архитектурных проектах Ж. Тома де Томона. Уникальная колонна из чугуна отлита в 1825 г. по эскизу О. Монферрана

для надгробия А. Бетанкура (перевезена в Некрополь XVIII в. со Смоленского лютеранского кладбища). Высокие колонны из мрамора и гранита сохранялись в пейзаже петербургского некрополя до середины XIX в. (надгробия Ф. А. и М. Я. Скрыпицыных – на Лазаревском; Ф. П. Брюлло – на Смоленском лютеранском кладбище; неизвестного в некрополе Литераторские мостки).

Исследователь русского классицизма Е. В. Николаев замечал, что типовые надгробные памятники этого времени – «архитектура», то, что принято называть малыми формами; ничего (или почти ничего) специфически надгробного в них нет: обелиски или вазы могли бы украшать парки, а колонны на пьедестале служить ограждением, основанием для фонарей и т. п.¹⁵⁹ Это наблюдение интересно не только тем, что связывает архитектуру надгробий с общими проблемами развития стиля. Помещение этих памятников в ряд с прикладными формами утилитарного назначения характеризует их восприятие современниками. Эмоциональное, символическое значение надгробного знака было как бы стерто, нейтрализовано бытовой привычностью архитектурной формы.

¹⁵⁹ Николаев Е. В. Классическая Москва. М., 1975. С. 96.



Надгробие С. В. Мещерского на Лазаревском кладбище

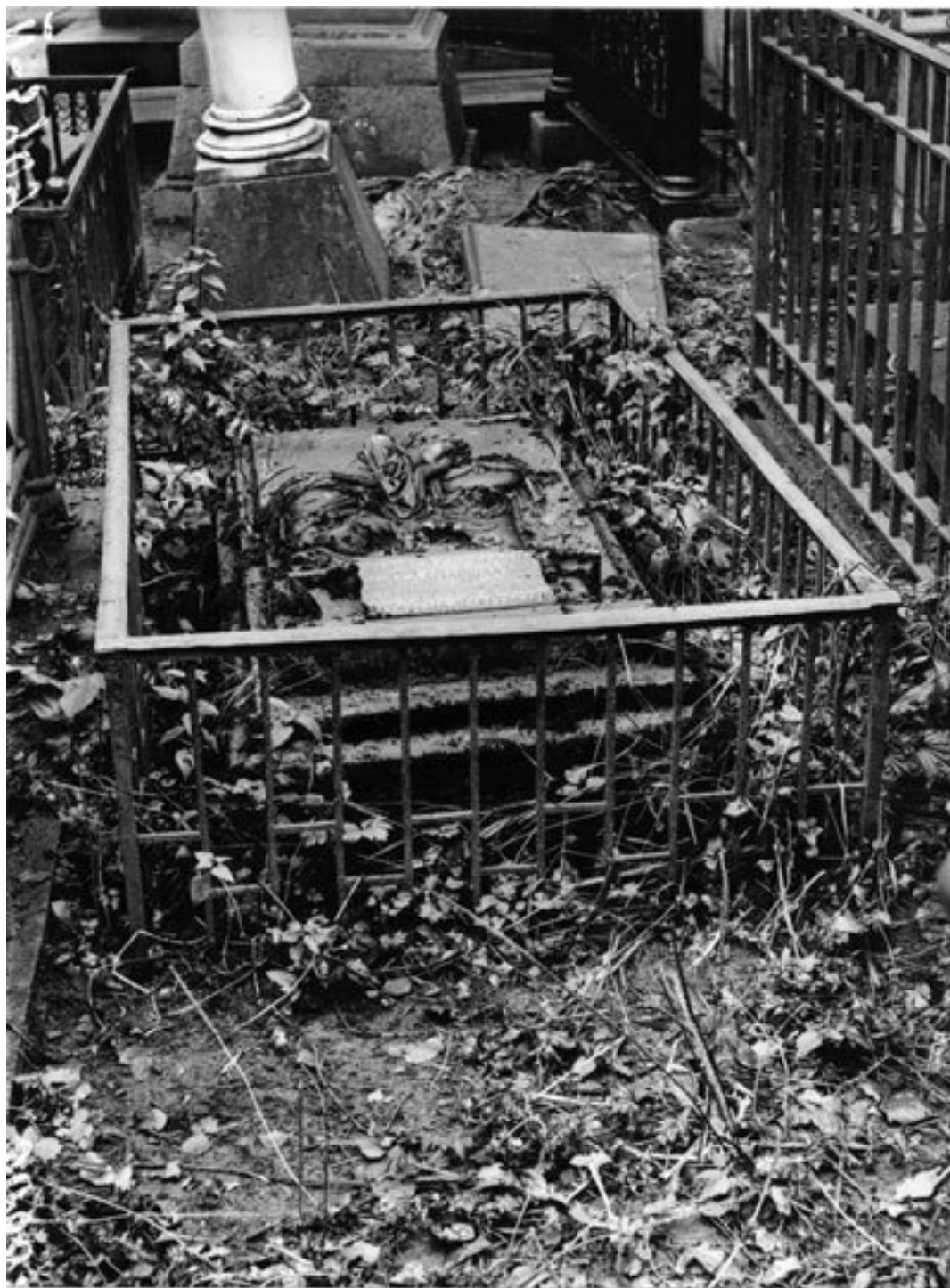
Формы надгробий петербургского некрополя эпохи классицизма не являлись результатом самостоятельной эволюции. Образцы для них были взяты из арсенала европейской мемориальной пластики; значительную роль играли широко известные гравюры и увражи, знакомящие с памятниками античности; популярны были привозившиеся в Россию и переводимые «лексиконы» эмблем и символов. Русское искусство XVIII в. – убедительный пример открытости, восприимчивости к иноземным влияниям, которая не только не превратила Россию в художественное захолустье Запада, а как раз наоборот, сделала возможным развитие национально самобытной художественной культуры. Именно общность тем и образов русского и европейского искусства XVIII в. позволяет в полной мере оценить национальное чувство гармонии,

внутреннего достоинства, взыскательной скромности творца, избегающего внешних эффектов ради глубочайшего постижения сущности предмета.

Первым скульптурным памятником, появившимся в Петербурге, было созданное в 1759 г. надгробие принцессы А. И. Гессен-Гомбургской, заказанное сводным братом принцессы И. И. Бецким парижскому ваятелю О. Пажу. Памятник в виде мраморной стелы с рельефом (находится в Эрмитаже) предназначался для Благовещенской церкви, где так и не был установлен, очевидно, вследствие того, что Синод в начале XVIII в. запретил скульптурные изображения в храмах. Прошло тридцать лет, прежде чем в Благовещенской церкви появился первый скульптурный памятник А. М. Голицыну работы Ф. Г. Гордеева.

Надгробие Пажу, не оказавшее заметного влияния на развитие русской мемориальной пластики, показывает, что в России были хорошо известны новейшие образцы современного французского искусства. Более плодотворным оказалось знакомство русской публики с двумя скульптурными надгробиями работы Ж.-А. Гудона, выполненными по заказу князей Голицыных в 1774 г. Оба памятника находятся в Голицынской усыпальнице в московском Донском монастыре. Стела с рельефом плакальщицы, облокотившейся на постамент с эпитафией князю А. Д. Голицыну, стала непосредственным прообразом композиций, создававшихся позднее русскими скульпторами Гордеевым, Мартосом и др. Первые такие памятники известны в Москве, но почти одновременно, в самом начале 1780-х гг., мотив плакальщицы, склонившейся к урне, появился и в петербургском некрополе.

Сохранились две почти идентичные барельефные композиции: на памятнике князя С. В. Мещерского (ум. 1781) и надгробии фельдмаршала С. Ф. Апраксина (ум. 1758). Легкая стройная фигурка плакальщицы, формы которой подчеркнуты драпировками, облокотилась на увитую гирляндами вазу. Памятник Мещерскому, представляющий собой мраморный пилон с декоративной вазой, находится на Лазаревском кладбище. С. Ф. Апраксин был похоронен в деревянной Благовещенской церкви, разобранной в конце 1780-х гг. (рельеф в Лазаревской усыпальнице). Очевидно, оба рельефа были изготовлены в 1780-е гг. в одной мастерской.



Надгробие С. Ф. Апраксина на Лазаревском кладбище

В эти годы в некрополе лавры работал Якоб Земмельгак, подпись которого сохранилась на некоторых памятниках 1780-х гг. Этот мастер, датчанин по происхождению, известен как помощник и компаньон Ф. И. Шубина, с которым в 1783 г. делал мраморную «мавзолею» князя П. М. Голицына в Донском некрополе. Наиболее интересен созданный им в 1781 г. памятник А. С. Попову, камердинеру Екатерины II. Увитый миртовой гирляндой портретный медальон помещен на постаменте пирамидальной формы с плавно закругленными гранями. Рядом с медальоном скульптура младенца-путти, отирающего слезы. Это не только аллегория скорби, на что указывает опущенный факел у ног младенца, но и напоминание об оставшейся сиротой дочери Попова, родившейся уже после смерти отца, о чем сообщено в эпитафии. Эта деталь

придает мемориальному памятнику оттенок повествовательности: скульптура как бы дополняет эпитафию, становясь ее пластическим эквивалентом.

В дальнейшем на мемориальных рельефах конца XVIII—начала XIX вв. не раз можно будет увидеть рыдающее семейство, вдову, увивающую гирляндой портрет мужа, осиротевших детей, – причем детали таких композиций обычно точно соответствуют конкретным обстоятельствам. Так, рядом с вдовой и тремя детьми в рельефе надгробия князя А. М. Белосельского-Белозерского (скульптор Ж. Камберлен, 1810 г.) мы видим и взрослую девушку – напоминание о дочери князя от первого брака, знаменитой впоследствии Зинаиде Волконской. На памятнике М. Н. Муравьеву, выполненном в конце 1800-х гг., вдова с двумя мальчиками, будущими декабристами Никитой и Александром Муравьевыми. Портретное сходство здесь исключается, но реальность бытовых подробностей, снижая патетику мемориального рельефа, придает ему особое измерение человечности, доступности непосредственному живому восприятию. Реальность как бы сливается с символом. Это особенно ощутимо в барельефе на памятнике М. Б. Яковлевой, скончавшейся в 1805 г., оставив семь дочерей. Неизвестный скульптор изображает голубя и мертвую голубку у сломанного дерева с гнездом, в котором пищат семеро птенцов.



Надгробие А. М. Белосельского-Белозерского на Лазаревском кладбище

Я. Земмельгак работал по заказам семейства Яковлевых. Им подписаны выполненные в 1785 г. мраморные рельефы на саркофаге основателя этой династии заводчиков – Саввы Яковлева-Собакина. Это аллегии Торговли и Благочестия, причем на первом барельефе можно увидеть изображение Старого Гостиного двора на Васильевском острове, а на втором – построенную на средства Яковлева церковь Успения на Сенной площади.

Подписанный Земмельгаком барельеф «Коммерция» на надгробии придворного ювелира И. Фредерикса (ум. 1779) помещен на основании невысокого обелиска из серого, так называемого березового мрамора. Из этого же материала изготовлено надгробие В. Е. Ададурова, созданное, по-видимому, в 1780-е гг. и очень близкое по форме к подписанному Земмельгаком надгробию А. В. Мещерского. Возможно, на Лазаревском и в других петербургских

некрополях сохраняются не выявленные памятники из мастерской Земмельгака, не подписанные им.

Земмельгаку приписываются два портретных медальона: бронзовый – С. С. Яковлева, и мраморный – С. Я. Яковлева. Своеобразие этих барельефов в том, что они прямоличные. В отличие от изображений в профиль, портрет анфас в рельефе довольно редок. Помещенный на надгробный памятник, такой портрет производит особенно сильное впечатление: профиль психологически воспринимается как нечто отдаленное от реальности, уже готовое «отойти к вечности», тогда как прямой взгляд, устремленный с надгробия на зрителя, воспринимается как приглашение к некоему духовному собеседованию. В 1790-1800-е гг. в Лазаревском некрополе появился ряд памятников с прямоличными портретами: Н. А. Муравьеву, Н. П. Цыгоровой, П. Ф. Гунаропуло. Барельефный портрет на надгробии С. П. Ягужинского (ум. 1806) в Благовещенской церкви приписывается скульптору Федосию Щедрину¹⁶⁰.

Появление портретных надгробий в 1780-е гг. не было чем-то до того неизвестным русской традиции. Отношение к портрету на памятнике как к свидетельству, достоверность которого не должна вызывать сомнений, идет из глубин национального мироощущения. Еще в XVII в. существовало обыкновение помещать парсуны с изображением покойного рядом с местом его погребения¹⁶¹. Упоминания в описаниях Невского монастыря о «персонах» графа Шереметева и других знатных особ, похороненных в первой монастырской церкви, показывают, что в петербургский период эта традиция некоторое время сохранялась, постепенно угасая.

Для портретов на надгробиях конца XVIII в. характерно чувство реальности, осязаемости изображаемого, вступающее в конфликт с аллегоризмом скульптурной композиции. В этом противоречии не было дисгармонии, напротив – условные аллегорические образы приобретали под резцом русского скульптора теплоту, придающую жизненную убедительность отвлеченным символам.

В Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры находится единственная в Петербурге работа Ф. Г. Гордеева, мастера, которого можно считать родоначальником русской мемориальной скульптуры. Воспитанник Петербургской Академии художеств, окончивший ее вместе с Ф. И. Шубиным, Гордеев продолжил учебу во Франции, Италии, вернулся в Россию в 1772 г. Первая его работа в жанре мемориальной скульптуры – надгробие Н. М. Голицыной в Донском монастыре, созданное в 1780 г. Рельеф плакальщицы, склонившейся к урне и обвиняющей руками медальон с вензелем княгини, – мотив, намеченный Гудоном.

Надгробие фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына в Благовещенской церкви выполнено Ф. Г. Гордеевым в 1788 г. Скульптурная группа помещена в нишу, образующую замкнутое поле, в которое вписана пирамидальная композиция. Основа ее – обелиск с портретом на постаменте, к которому ведут суживающиеся ступени цоколя. Расположение фигур, усиленное движением рук, наклоном корпусов, складками тканей, подчеркивает контур треугольника.

Очевидно, в голицынском надгробии отразилось знакомство Гордеева с аналогичными образцами современной западноевропейской скульптуры: например, с памятником маршалу Морису Саксонскому в Страсбурге (скульптор Ж. Б. Пигаль, 1753–1776 гг.). Но в работе русского мастера можно отметить черты, которые и в дальнейшем будут отличать национальную пластику. Прежде всего – масштаб композиции, не подавляющей зрителя, соразмерной ему. Простота выразительных средств, которая здесь может быть воспринята даже как робость художника, по существу органична для русской традиции, избегающей блеска виртуозности.

¹⁶⁰ Русский скульптурный портрет XVIII-начала XX веков: Кат. выставки. Л., 1979. С. 50.

¹⁶¹ Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955.

В голицынском надгробии непринужденно смешаны «высокие» образы античной символики и детали, своей конкретностью как бы «снижающие» торжественный аллегорический строй. В связи с этим памятником исследователи вспоминали уже о Державине, который «дерзнул» говорить о добродетелях «забавным русским слогом»¹⁶². Если острая индивидуальность профиля князя в мраморном медальоне может быть объяснена традицией «узнаваемости» надгробного портрета, то изображение орденов Российской Империи рядом с лавровым венком и перунами Юпитера, или русского воина, в рукопашной схватке с турком на щите античного гения – придает памятнику определенную самобытность. Символика аллегорических образов многозначна: женская фигура, указывающая правой рукой на портрет, а левой на эпитафию «полезно Отечеству и ближним пожившему» князю, истолковывается как Добродетель, что символизирует и сияющий солнечный диск у нее на груди. Вместе с тем изображенные рядом с ней доспехи, знамена и лавровый венок позволяют истолковать этот образ как Славу воинскую. Крылатый юноша с потухшим факелом у ног символизирует Смерть. Но гений смерти облокотился на щит, увенчан шлемом, что напоминает о воинской Доблести.

¹⁶² Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Александров-Невская лавра: Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986. С. 84.



Надгробие А. А. Безбородко в Благовещенской церкви

Крылатый гений смерти Танатос предстает и в рельефе надгробия генерал-фельдцейхмейстера П. И. Мелиссино, выполненном М. И. Козловским в 1800 г. (Лазаревская усыпальница). Гений в шлеме в окружении пушечных стволов и ядер, очевидно, символизирует и искусство Артиллерии. Так же, как на надгробии самого Козловского (перенесено в Некрополь XVIII в. со Смоленского кладбища), – это символ Скульптуры. Автор памятника, установленного в 1803 г., ученик М. И. Козловского В. И. Демут-Малиновский как бы цитирует в своем рельефе фигуру, созданную учителем. Но здесь гений смерти держит лавровый венок и облокотился на Бельведерский торс, символ мастерства ваяния, в котором прославился «ревнитель Фидию, российский Бонарот».

Спустя пятнадцать лет после гордеевского памятника Голицыну в «палатке» Благовещенской церкви появилось надгробие князя А. А. Безбородко. Скульптор Ж. Д. Рашетт, изва-
явивший многофигурную бронзовую композицию, тесно связан с русским искусством. Француз
по происхождению, он последние тридцать лет жизни провел в России. Служивший на Импе-
раторском фарфоровом заводе Рашетт известен как автор скульптурных портретов Г. Р. Дер-
жавина, Л. Эйлера, П. А. Румянцева и др. Портретный бюст выдающегося дипломата и госу-
дарственного деятеля А. А. Безбородко является композиционным центром его надгробия.
«Программу» монумента сочинил друг сановника, замечательный архитектор, поэт, музыкант
и художник Н. А. Львов. «Скромные добродетели Трудолюбие и Ревность, составляющие девиз
Светлейшего князя... украшают его надгробный монумент, и когда Трудолюбие светильник
жизни представляет уже погасающим, тогда Ревность к службе Отечества старается извлечь
последнюю каплю елея, дабы возродить благородное пламя. Между тем тихий гений мира, вен-
чающий образ подвижника, показывает масличную ветвь, которою великая Екатерина ознаме-
новала важность дела и заслуги миротворца»¹⁶³. (Именно Безбородко был заключен Ясский
мир 1791 г. с Турцией, подтверждавший присоединение Крыма к России.)

Некоторые утраты затрудняют толкование памятника. Если крылатый гений мира, дей-
ствительно, венчает композицию, то фланкирующие ее скульптуры добродетелей в виде сидя-
щих в хламидах женских фигур, склонившихся к постаменту, могут быть расшифрованы через
их атрибуты. Левая фигура, сидящая на стопке книг, символизирующих Законы, рядом с пету-
хом, символом Бдительности, – это Ревность к Отечеству; масляная плошка в ее руке и содер-
жит ту «последнюю каплю елея», который должен поддерживать гаснущий пламень. Правая
фигура с широкими крыльями за спиной не имеет атрибутов, символизирующих трудолюбие.
Судя по некоторым описаниям памятника, в руке у нее находился опущенный факел, «погас-
ший светильник жизни».

Работы И. П. Мартоса, крупнейшего мастера русской скульптуры эпохи классицизма,
находились на нескольких кладбищах Петербурга, а также в Павловске. В настоящее время все
петербургские мемориальные памятники работы Мартоса сосредоточены в музее городской
скульптуры. Творческий путь скульптора продолжался более полувека. Ранние его работы в
жанре мемориальной пластики (надгробия С. Волконской, М. Собакиной, П. Брюс) созданы
в 1780-е гг. в Москве.

В Петербурге первой работой Мартоса был, очевидно, памятник Н. И. Панину в Благове-
щенской церкви. Еще при жизни Панина, умершего в 1783 г., скульптор изваял его бюст, даю-
щий героизированный образ мудреца и философа, отрешенного от суеты повседневной реаль-
ности. Этот бюст был повторен и в надгробии, помещенный на постамент на фоне пирамиды,
по сторонам которой находятся фигуры юноши и старца. Возможно, это напоминание о педа-
гогической деятельности Панина, который «имел доверенность воспитывать наследника пре-
стола Всероссийского», как написано на памятнике. Надгробие Панина занимает юго-западный
угол усыпальницы, своим архитектурным оформлением напоминающий небольшую капеллу.
Трехчастное окно с полуциркульным завершением обработано колонками, поддерживающими
карниз с трагическими масками. Тонкие сочетания цветных мраморов – белого, серовато-голу-
бого и розового – придают композиции особую изысканность. Обстоятельства заказа и изготов-
ления памятника неизвестны. Однако в связи с панинским надгробием следует заметить, что
Д. Кваренги в письме 1785 г. с описанием сделанных им в России и проектируемых работ упо-
минает «погребальную часовню в церкви святого Александра Невского»¹⁶⁴. Сотрудничество
Мартоса и Кваренги в создании великолепного панинского надгробия представляется вполне
вероятным.

¹⁶³ ГРМ, отд. графики, инв. № 16533.

¹⁶⁴ Пилыавский В.И. Джакомо Кваренги: Архитектор. Художник. Л., 1981. С. 64.



Надгробие А. Ф. Турчанинова на Лазаревском кладбище

В 1792 г. Мартосом созданы два памятника на Лазаревском кладбище. Надгробие уральского заводчика А. Ф. Турчанинова представляет собой скульптурную группу на постаменте, заключенном в кованую ограду с гирляндами и акантами. Мраморный бюст Турчанинова окружают отлитые в бронзе аллегорические фигуры. В скульптуре плакальщицы исследователи видят символ Юности, олицетворяющий реальную земную жизнь, в противопоставление Вечности, воплощенной в образе Сатурна, или Хроноса – крылатого старца, указывающего пер-

стом в Книге судеб на дату смерти погребенного¹⁶⁵. Особенно замечательны в турчаниновском надгробии рельефы на постаменте – пластическая сюита, где трепетный лиризм хоровода из пяти девушек оттенен суровой простотой группы – вдовы с тремя сыновьями (барельефы с постамента перенесены в экспозицию музея).

Надгробие княгини Елены Степановны Куракиной – одна из самых известных работ И. П. Мартоса. Первое описание памятника, показывающее его высокую оценку современниками, дал П. П. Чекалевский в изданном в том же 1792 г. «Рассуждении о свободных художествах»: «Благочестие в виде женщины, имея при себе кадилъницу, облокотившись на медальон, представляющий изображение покойной женщины, оплакивает ее кончину. Сия статуя поставлена на подножии, на котором представлены в барельефе два ея сына, соорудившие сию гробницу в память их матери»¹⁶⁶.

Мощные образы Микеланджело в капелле Медичи, несомненно, вдохновляли Мартоса в этой работе. Не менее существенно самобытное ощущение полифоничности скульптурной формы, сочетающей патетику и грацию, глубокую скорбь и величавую покорность неизбежности судьбы. Мартос стремится к максимальной емкости пластики, отсекая свойственные «парадному надгробию» XVIII в. условные, риторические элементы. Символы, почерпнутые из «иконологических лексиконов», уступают место образам, наполненным живым и искренним чувством.



Надгробие Е. С. Куракиной на Лазаревском кладбище

В надгробии Артемия Лазарева, заказанном Мартосу в 1802 г. и помещенном первоначально в церкви на Армянском кладбище, специально для этого построенной, скульптор изоб-

¹⁶⁵ Турчин В. С. Надгробные памятники эпохи классицизма в России: типология, стиль и иконография // От средневековья к Новому времени: Материалы и исслед. по рус. искусству XVIII-первой пол. XIX вв. М., 1984. С. 215–216.

¹⁶⁶ Чекалевский П. П. Рассуждение о Свободных Художествах с описанием некоторых произведений российских художников. СПб., 1792. С. 98.

ражает родителей, рыдающих у портрета сына. Холодное равновесие классицистической гармонии нарушено в этой группе обнаженностью чувства, доходящего до экспрессии в фигуре матери с бессильно сжатыми руками, с разметавшимися прядями волос. Показателен для понимания замысла Мартоса и элемент, который современному зрителю неизвестен: над скульптурной группой находилось бронзовое сияние с образом Богоматери. Жест отца, успокаивающего супругу, его взор, обращенный к небесам, выражали надежду на вечную справедливость (фрагмент утрачен при переносе памятника в музей). Такого мотива не было в памятниках эпохи просветительского классицизма. Выражение в надгробном памятнике не абстрактных общечеловеческих идей, но непосредственного религиозного умиротворения, впервые появившись у Мартоса в начале XIX в., со временем все более усиливалось. В определенной степени этому способствовало сентименталистское освобождение живого человеческого чувства от рационалистических оков классицизма.

Пленительный образ, напоминающий портреты кисти Боровиковского, создан Мартосом в надгробии княгини Елизаветы Ивановны Гагариной на Лазаревском кладбище (1803 г.). Это скульптурный портрет темной бронзы, установленный на круглом гранитном постаменте. Достигнув тончайшего равновесия античных реминисценций с узнаваемостью черт светской красавицы начала XIX в., ваятель создал памятник, оставшийся единственным в своем роде на петербургских кладбищах. Особенно впечатляла бронзовая Гагарина в окружении памятников Лазаревского некрополя, словно некая путница, шествовавшая в этом царстве мертвых (в 1950-е гг. памятник перенесен в Благовещенскую церковь).



Надгробие Е. И. Гагариной на Лазаревском кладбище

Мартоса часто сравнивают с его великими современниками в Европе – А. Кановой и Б. Торвальдсенем. Действительно, это сравнение показательно для понимания самобытности, присущей русскому монументализму при той общности выучки, которая существовала в европейских академиях XVIII в. Беря за основу обучения шедевры античной пластики, воспринимая через них опыт Итальянского Возрождения, мастера неоклассики XVIII—начала XIX вв. стремились к чистоте линии, гармонической выверенности контуров и объемов, соразмерности и уравновешенности деталей. Это было общим для всех школ, в том числе и русской. Однако профессиональная безупречность никогда не была для Мартоса самоцелью. В расположении складок-драпировок, игре напрягшихся мускулов обнаженного тела русский ваятель

всегда стремился увидеть иной, высший смысл, дать пластическое выражение определенной нравственной или социальной идеи.

В музейной экспозиции некрополя находятся еще четыре памятника, которые считаются работами Мартоса: надгробия А. А. Нарышкина (1798 г.), А. И. Васильева (конец 1800-х гг.), Е. Чичаговой (1813 г.), Е. С. Карнеевой (1830-е гг.). Кроме того, ряд памятников можно отнести к мастерской Мартоса. Среди них особого внимания заслуживает надгробие П. А. Потемкиной (рожд. Закревской), выполненное около 1817 г. Оно представляет собой эдикулу, подобие античной гробницы, – прямоугольный объем из мраморных плит, с трехчетвертными колоннами на углах, перекрытый массивным карнизом с рельефным фризом из пальмет и гирлянд. На сторонах гробницы – аллегорические рельефы, символизирующие христианские добродетели – Веру, Надежду и Любовь. Трактровка рельефов близка Мартосу (например, фигура опирающейся на крест Веры напоминает мартосовский памятник И. Алексеева в Москве). Предположение, что памятник выполнен учеником Мартоса М. Г. Крыловым, кажется недостаточно убедительным¹⁶⁷, так же как и приписывание этому скульптору мраморного жертвенника М. Н. Муравьева с двумя рельефами. На одном из них фигура Минервы повторяет аналогичный образ, выполненный Крыловым под наблюдением Мартоса для памятника воинам 1812 г. в аракчеевском имении Грузино. Но этот памятник, очевидно, создавался позднее надгробия Муравьева, умершего в 1807 г.

За полвека – 1780-1830-е гг. – искусство художественного надгробия в России вышло на один уровень с лучшими образцами европейской мемориальной скульптуры и, пожалуй, никогда больше не достигало такой полноты развития. Этому способствовал сам характер эпохи. Гармония форм классицизма, вдохновленная образцами античного некрополя, оказалась созвучной времени жестоких потрясений и битв рубежа веков, когда стремление к уединенному раздумью и созерцательности позволяло сохранить внутреннюю свободу личности.

¹⁶⁷ Врангель Н.Н. Забытые могилы // Старые годы. 1907. Февр. С. 43.



Надгробие П. А. Потемкиной на Лазаревском кладбище

Но вы, несчастные, гонимые Судьбою,
Вы, кои в мире сем простилися навек
Блаженства с милою, прелестною мечтою,
В чьих горестных сердцах умолк веселья глас,
Придите – здесь еще блаженство есть для вас!
С любезною навек иль с другом *разлученный!*
Приди сюда о них в свободе размышлять.
И в самых горестях нас может утешать
Воспоминание минувших дней блаженных!

«Элегия» юного Андрея Тургенева появилась в том же 1802 г., что и знаменитое «Сельское кладбище» Жуковского, его близкого друга. В литературе того времени прогулки по кладбищу, медитативное созерцание надгробий «в приюте сосн густых, с непышной надписью и резьбою простою» становится ключевой темой поэтов романтического направления. Искусство слова и искусство пластики слились в какой-то момент в едином образном строе, достигнув удивительного совершенства.



Надгробие П. А. Талызина на Лазаревском кладбище

На рубеже XVIII–XIX вв. крупнейшие мастера русского искусства отдали дань мемориальной пластике. Среди скульпторов можно назвать М. И. Козловского (надгробия П. И. Мелиссино, 1800 г.; С. А. Строгановой, 1802 г.); И. П. Прокофьева (надгробия М. Д. Хрущева, Ф. И. Шубина, 1800-е гг.); В. И. Демут-Малиновского (надгробия М. И. Козловского, 1803 г.; П. П. Чекалевского, 1817 г.; Р. Симпсона, 1820-е гг.); С. И. Гальберга (надгробия Н. И. Гнедича, Н. П. Дурново, Е. М. Олениной, 1830-е гг.); И. П. Витали (надгробие А. Г. Белосельской-Белозерской, 1846 г.). С некоторыми надгробными памятниками, выполненными в 1800-х гг. (А. М. Белосельского-Белозерского, В. Я. Чичагова, Е. А. Ранцовой), связывают имя Ж. Тома де Томона¹⁶⁸. Архитектор Л. Руска проектировал надгробия дочерей Александра I в Благовещенской церкви (1807 г.) и грузинских царевичей на Лазаревском кладбище (1808 г.)¹⁶⁹. Существует эскиз А. Н. Воронихина, по которому, очевидно, было создано надгробие П. А. Талызина (1800-е гг.). О. Монферран разрабатывал проекты надгробий в Духовской церкви (1820-е гг.)¹⁷⁰. Ф. П. Толстой создал надгробие И. В. Кусова (1822 г.), А. И. Мельников – И. П.

¹⁶⁸ Ощепков Г. Д. Архитектор Томон. М., 1950. С. 69, 121.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4051. Л. 649–651.

¹⁷⁰ Огюст Монферран, 1786–1858: Кат. юбил. выставки произведений. Л., 1986. № 240.

Мартоса (1836 г.), А. П. Брюллов – М. М. Сперанского (1839 г.)¹⁷¹. Наряду с этими памятниками, авторство которых устанавливается документально, петербургский некрополь сохранил множество надгробий высокого художественного уровня, остающихся неатрибутированными. Среди них есть уникальные, не имеющие аналогов на других петербургских кладбищах, но встречаются и повторения, восходящие к какому-либо популярному образцу.



Надгробие И. П. Мартоса на Смоленском православном кладбище

Обязательным элементом надгробного памятника были ограды. Металлические ограды XVIII в. до нашего времени почти не сохранились. Очень редким образцом является датированная 1785 г. кованая крытая решетка над надгробной плитой М. Ю. Черкасской. Одновременна

¹⁷¹ ОР ГПБ. Ф. 637. Д. 1. Л. 1–2.

памятнику (1792 г.) ограда надгробия Турчанинова. Для решеток конца XVIII в., составленных из изогнутых по овалу и прямых прутьев, характерны вырезанные из жести накладки в виде розеток, гирлянд и венков. В 1800-х гг. появляются ограды из переплетающихся круглых и овальных прутьев, либо из кованных пик прямоугольного сечения. С конца 1800-х гг. все чаще изготавливаются чугунные литые ограды. Среди них есть образцы, замечательные по композиции. Отдельные элементы оград повторяются: например, часто встречаются угловые столбики в виде опущенных факелов или колонок с ионическими капителями.



Типовая ограда начала XIX в. на Смоленском кладбище

Ограда памятника Е. С. Куракиной на Лазаревском кладбище с круглыми и овальными розетками ажурного рисунка выполнена, очевидно, позже надгробия: не в 1790-е, а в 1810-е гг., так же, как и соседняя с ней ограда Разумовских с двумя поясами меандра и двойными щит-

ками с львиными масками. Примечательна группа надгробий Олсуфьевых (1810-е гг.), представляющих собой газоны с однотипными оградами, в звеньях которых вкомпонованы медальоны и венки со скрещенными факелами и киликами. Надо отметить, что вполне идентичные ограды встречаются на разных кладбищах Петербурга. Определение их авторства затруднительно по причине широкой типизации. Подобные ограждения применялись на мостах, балконах, служили садовыми решетками в первой трети XIX в. Не исключено использование эскизов А. Н. Воронихина, К. И. Росси, В. П. Стасова, разрабатывавших основные орнаментальные мотивы архитектуры русского ампира.



Семейное место Олсуфьевых на Лазаревском кладбище

С типизацией архитектурных форм и декоративного убранства памятников связан вопрос о мастерских, в которых они изготавливались. Монументальные мастерские существовали в Петербурге и в XVIII в., но достоверные сведения о них, как и клейма мастерских на памятниках, относятся лишь к следующему столетию. Ряд памятников можно отнести к продукции той или иной мастерской по аналогии с подписными. Одна из наиболее известных мраморных мастерских в Петербурге начала XIX в. принадлежала Трискорни.

Фамилия Трискорни происходит из Каррары. Первый ее представитель, связанный с Россией, Паоло Трискорни, приезжал в Петербург еще в 1790-е гг.¹⁷² Став в начале 1800-х гг. почетным профессором Каррарской академии скульптуры, П. Трискорни, вероятно, больше не бывал в России, но его работы были здесь хорошо известны. К услугам Трискорни обращались Д. Кваренги, В. Бренна, Л. Руска. Посредником в приобретении и заказе работ Паоло, которые украшали Михайловский замок и Павловский дворец, был его младший брат Агостино, основавший в 1810 г. в Петербурге мраморную мастерскую и магазин, где продавались не только современные работы, но и антики. Агостино Трискорни сам был скульптором; известно, напри-

¹⁷² Санкт-Петербургские ведомости. 1793. 14 янв. С. 76.

мер, об его участии в лепных работах в Гатчинском дворце и Михайловском замке¹⁷³. Наряду с декоративной скульптурой в мастерской Агостино Трискорни изготавливали и мраморные надгробия. Среди учеников Агостино был его родственник И. П. Витали, основавший дочернее предприятие в Москве, где он работал в 1818–1840 гг. В 1816–1822 гг. учеником Агостино был Б. И. Орловский, о котором современники писали, что «все мраморы из мастерской Трискорни суть работы Орловского»¹⁷⁴.



Надгробие П. К. Разумовского на Лазаревском кладбище

¹⁷³ Якирина Т.В., Одноралов Н.В. Витали, 1794–1855. Л.-М., 1960. С. 5.

¹⁷⁴ Рамазанов Н.А. Б. И. Орловский: Некролог // Худож. газ. 1838. № 1.

Агостино Трискорни, поселившийся в Петербурге в конце XVIII в., оставался здесь до своей кончины в 1824 г. Впоследствии делами мастерской занимался сын Паоло, Алессандро, через несколько лет вернувшийся в Италию¹⁷⁵. В 1840-е гг. в Петербурге работали братья Паоло и Агостино Трискорни, сыновья основателя мастерской¹⁷⁶. «Скульптурное заведение» А. А. Трискорни на Гороховой улице существовало до 1870-х гг. Однако памятники, подписанные Трискорни, относятся лишь к периоду 1800-1820-х гг. и выполнены, очевидно, под наблюдением старшего – Агостино.

¹⁷⁵ *Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der Bildenen Kunstler. Bd. 33. Leipzig, 1939. S. 407.*

¹⁷⁶ *Нистрем К. Адрес-календарь санктпетербургских жителей. Спб., 1844. Т. 3. С. 463.*



Надгробие В. Веннинга на Смоленском лютеранском кладбище

Это – помещенная на прямоугольный постамент скульптура матери у колыбели младенца (А. и Н. Демидовы, 1800-е гг.); мраморная аллегорическая композиция из кирасы, шлема и орла (надгробие В. В. Шереметева, 1817 г.); фигурки двух путти с крылышками – ангелочков, водружающих крест на памятнике М. П. Колычевой (ум. 1818). Последний памятник близок по решению к надгробию Е. И. Барышниковой в московском Донском монастыре. Это позволяет предполагать, что в петербургской мастерской Трискорни делались заказы и для

Москвы¹⁷⁷. Возможно, на некоторых памятниках были использованы доставлявшиеся из Италии работы Паоло Трискорни (подобно тому, как при содействии Агостино в Петербург были привезены скульптуры диоскуров для Конногвардейского манежа)¹⁷⁸. Близки к известным подписным работам П. Трискорни скульптурные изваяния на надгробиях Е. М. Алексеевой и З. А. Хитрово (нач. 1800-х гг.). Единственный памятник, на котором указано, что его «сочинил и делал» А. Трискорни, – это надгробие А. В. Ольхина (ум. 1815), со скульптурой, символизирующей Веру, у алтаря с крестом. Несомненно, это работа Агостино Трискорни. Так же как и не сохранившийся барельеф надгробия В. Веннига на Смоленском лютеранском кладбище (1821 г.). Племянник его, Алессандро, приехавший в Россию в 1825 г., создал мраморное надгробие поэтессы Е. Б. Кульман; других его работ в области художественного надгробия мы не знаем.

¹⁷⁷ Сомнение в атрибуции этого памятника как работы В. И. Демут-Малиновского высказывалось еще в 1925 г. См.: *Домогацкий В.Н.* Краткий очерк московской скульптуры // *О скульптуре: Теорет. работы, исслед.*, ст. М., 1984. С. 170.

¹⁷⁸ *Люлина [Морозова] Р.Д.* Историческая справка по скульптурным группам «Диоскуры», 1954 г. // Архив ГИОП (Ленинград), инв. № Н-880.



Надгробие Б. И. Орловского на Смоленском православном кладбище



Надгробие В. В. Шереметева на Лазаревском кладбище

В мастерской Агостино Трискорни сложился тот тип скульптуры, который получил самое широкое распространение не только на столичных, но и на провинциальных кладбищах в 1810– 1830-е гг. За ним закрепилось название «трискорниевой плакальщицы»¹⁷⁹. Это завершающая памятник мраморная фигурка плачущей женщины в длинном одеянии, с покрытой тканью головой, стоящая у прямоугольного постамента с урной. Облокотившись на урну (или обнимая ее), плакальщица держит в другой руке жертвенную чашу. У ног ее обычно помещен угасающий факел. Композиция восходит к образцам декоративной скульптуры конца XVIII в., но типовую форму приобрела в мастерской А. Трискорни. «Итальянцем Трискорни» подписана

¹⁷⁹ Вейнер П.П. Жизнь и искусство в Останкине // Старые годы. 1910. Май/июнь. С. 49.

скульптура (находилась на Волковском кладбище) на памятнике семнадцатилетней супруги купца Луки Таирова Марфы, скончавшейся в 1810 г.

Компаньоном Агостино был Фердинандо Галеоти, скончавшийся в 1842 г. Гранитная урна прекрасных пропорций на его памятнике до недавнего времени сохранялась на Смоленском лютеранском кладбище¹⁸⁰. Там же похоронены Этьен и Виченцо Мадерни, мраморная мастерская которых в Петербурге так же существовала с 1810 г. Известно, что «Викентий Мадерни, художник разных мраморных изделий», имел мастерскую на Гороховой улице¹⁸¹. Подписи мастерской «В. Мадерни и Е. Руджия» встречаются на многих надгробных памятниках Петербурга в 1860–1870 гг. Начало деятельности этой семьи мраморщиков можно отнести еще к 1800-м гг. Архитектор Луиджи Руска привлекал мраморных дел мастера Петра Мадерни к изготовлению надгробий в Александро-Невской лавре¹⁸². Особенно интересен созданный в 1808 г. памятник грузинскому царевичу Георгию, представляющий собой ступенчатую композицию из каменных блоков, увенчанных урной. Этот тип надгробия неоднократно повторялся на петербургских кладбищах, как и мраморный рельеф на нем, изображающий женщину, сидящую с книгой, на фоне креста, у жертвенника с дымящимся пламенем. Очевидно, рельеф символизирует христианскую Веру. Можно предполагать, что эти барельефы, не менее популярные, чем «трискорниевы плакальщицы», вырубались из мрамора в мастерской Мадерни, но подписных памятников этой мастерской, относящихся к первой половине XIX в., не сохранилось.

¹⁸⁰ В 1970-е гг. ваза перенесена в парк «Александрия» в Петергофе и находится перед дворцом «Коттедж».

¹⁸¹ Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года в С.-Петербурге. Спб., 1870. С. 131.

¹⁸² РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3616 (1808 г.). Л. 5.



Надгробие З. А. Хитрово на Лазаревском кладбище



Надгробие А. А. Чичерина на Лазаревском кладбище

Соотечественник Мадерни Пауль Катоцци вырубил из мрамора в 1828 г. массивную фигуру женщины с крестом, символизирующую Веру, для надгробия П. В. Киндякова на Смоленском кладбище (перенесена в Некрополь XVIII в.). Подпись этого мастера встречается и на других памятниках. В «Городском указателе» Н. И. Цылова (1849) фамилия Катоцци, владевшего домом в Сайкином переулке, упоминается среди скульпторов, к которым отнесены и Трискорни с Мадерни¹⁸³. «Скульпторы» по классификации «Городского указателя» отличались от «мраморщиков», «монументчиков» и «лепщиков». Из семнадцати фамилий, отмеченных

¹⁸³ Цылов Н. И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. Спб., 1849. С. 401.

Цыловым, большинство составляют мастера иностранного происхождения, что характерно для Петербурга XIX в. с его космополитизмом и веротерпимостью.



Надгробие М. С. Таировой на Волковском православном кладбище

Одни и те же итальянские и немецкие мастера работали как для православных, так и иноверческих кладбищ. Но кладбища эти тем не менее достаточно различны по своему облику. Некоторые формы, принятые на иноверческих кладбищах, оказались совершенно чужды православному некрополю. Так, идущая еще от этрусских надгробий форма скульптурного изображения покойного в виде спящего человека имеет богатейшую традицию в европейском искусстве. В Петербурге сохранились лишь два подобных памятника – на лютеранских Смоленском (надгробие А. Магира, скульптор Ш. Лемольт, 1840-е гг.) и Волковском (надгробие К. Рейссига, скульптор А. Штрейхенберг, 1839 г.) кладбищах. Надгробия иноверческих кладбищ,

которые в петербургском некрополе являлись как бы островками западной культуры, отличаются некоторой измельченностью и сухостью форм, тщательность проработки деталей.

Иногда аристократы-заказчики, не доверяя местным мастерам, заказывали памятники за границей. Эти надгробия, сами по себе превосходные, выглядели чужеродными в облике православного кладбища. Показателен пример надгробия Е. А. Кочубей, выполненного в 1856 г. во Флоренции известным скульптором А. Костоли. Мраморное изваяние ангела на сложном постаменте, испещренном виртуозной резьбой, резко выделяется масштабом и усложненностью формы в старинном Лазаревском некрополе. То же можно сказать о великолепном мраморном саркофаге архитектора И. Д. Черника (скульптор Д. Карли, Генуя, 1878 г.) на Новодевичьем кладбище.



Надгробие Рейсигов на Волковском лютеранском кладбище

Из петербургских «монументчиков», работавших в первой половине XIX в., довольно хорошо известен А. М. Пермагоров: в его мастерской было заказано надгробие А. С. Пушкина в Святогорском монастыре. Мастерской Пермагорова подписаны надгробные памятники в Александро-Невской лавре (царевича Вахтанга, С. Гики), относящиеся к концу 1810-х гг. Наследник мастера Л. А. Пермагоров работал еще в 1860-е гг.¹⁸⁴ Судя по вышедшим из этой мастерской памятникам, здесь изготавливались архитектурные надгробия в форме порталов, своеобразных ступенчатых композиций, увенчанных полуколоннами со светильниками. Подобные памятники сохранились на Лазаревском, Смоленском и Волковском кладбищах.

На этих же старинных кладбищах встречаются памятники, подписанные мастерской Тропиных: Михея и сына его Ефима, скончавшегося в 1848 г.¹⁸⁵ Для этой мастерской характерно использование черного полированного гранита, из которого рубились обелиски и жертвенники. Надгробие А. О. Статковского (ум. 1837) отмечено редчайшей для петербургского некрополя деталью: живописным портретом, написанным на меди. По аналогии с подписным

¹⁸⁴ Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1867 г. СПб., 1867. С. 12.

¹⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 707, запись от 30.06.1848 г.

тропинским надгробием лейб-медика И. Рюля на Волковском кладбище можно с уверенностью сказать, что именно в этой мастерской, по типовому проекту, было изготовлено надгробие И. А. Крылова (Некрополь мастеров искусств).



Надгробие А. Я. Охотникова на Лазаревском кладбище

В 1820-е гг. работал «монументщик» Мирон Абрамов, из мастерской которого происходят гранитные портики-сени С. Королева с Волковского кладбища и А. П. и А. Е. Жадимеровских на Лазаревском кладбище.

Из петербургских бронзовщиков первой половины XIX в. известны Андрей и Павел Шрейберы¹⁸⁶, Иван¹⁸⁷ и Александр¹⁸⁸ Дипнеры, Федор Ковшенков¹⁸⁹. Их подписи на надгробных памятниках из Духовской церкви лавры, Воскресенской на Армянском кладбище и других не могут, однако, расцениваться как указание на авторство. Как и мраморщики, бронзовых дел мастера работали по данным им рисункам и образцам. Существуют и такие примеры, когда отдельные детали памятника делались в разных мастерских. Мраморная сень надгробия откупщика А. И. Косиковского (Некрополь мастеров искусств, 1838 г.) подписана мастером И. А. Алешковым, саркофаг под ней выполнен П. Катоцци.

¹⁸⁶ Описание первой публичной выставки российских мануфактурных изделий. Спб., 1829. С. 17.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 393 (1823 г.). Л. 176.

¹⁸⁸ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. Спб., 1867. С. 150.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 55-К.



Надгробие Н. Ф. Эмина на Смоленском православном кладбище



Надгробие П. В. Завадовского на Лазаревском кладбище

Эволюция форм надгробия XIX в. происходила исподволь, постепенно. Некоторые формы, стилистически близкие к началу XIX в., встречаются без заметных отклонений на памятниках второй половины столетия. В Александро-Невской лавре существует, например, группа однотипных гранитных жертвенников семейства Мордвиновых и Столыпиных, погребение которых разделяет век – от 1777 г. (С. И. Мордвинов, Лазаревское кладбище) до 1882 г. (М. А. Столыпин, Никольское кладбище). Если надгробие адмирала С. И. Мордвинова было сооружено значительно позже его кончины, то вполне аналогичные памятники Столыпиных 1820-1830-х и 1850-1880-х гг. могли быть изготовлены как одновременно, так и по какому-то установленному образцу, стилистически близкому к концу 1820-х гг.

Для второй половины XIX—начала XX вв. наиболее распространенной формой становится надгробие в виде креста, водруженного либо на постамент прямоугольной формы, либо на каменную глыбу – «голгофу». (Развитие этой формы может быть отмечено с конца 1810-х гг.) Надгробие П. П. Чекалевского (ум. 1817) представляет собой глыбу с портретным медальоном, увенчанную чугунным крестом. Чугунный крест на глыбе поставлен в виде надгробия О. П. Козодавлева (ум. 1819). Позднее появляются мраморные и гранитные массивные кресты, которые к концу века достигают иногда весьма значительных размеров и исключительно разнообразны по рисунку. Среди памятников этого типа привлекает внимание драгоценностью материала и ювелирной тщательностью отделки надгробие младенца И. Мусина-Пушкина (ум. 1859) в виде глыбки полированного лабрадорита с крестом, покрытым коваными вызолоченными розочками.

В 1860-е гг. подножие креста в виде скалы приобретает силуэт взметнувшейся волны, отдаленно напоминающей постамент «Медного всадника». Характерно, что название «петровская горка» закрепилось в городском фольклоре. Очевидно, широко известные монументы столицы, такие как «Медный всадник» или Александровская колонна, вызывали определенные ассоциации. Так, в описании Волковского кладбища, относящемся к 1880-м гг., памятники в виде колонны «с изображением держащих крест ангелов» называются «в роде Александровской колонны», хотя сохранившиеся до нашего времени образцы не дают оснований для подобных аналогий. Наиболее ранние надгробия этого типа относятся к середине 1830-х гг. (надгробия Сыренковых); это каннелированные срезанные колонны, увенчанные фронтально стоящей мраморной фигурой в длинной хламиде, одной рукой сжимающей книгу, а другой держащей крест. Однотипность таких скульптур, встречающихся на Лазаревском, Тихвинском, Волковском и Смоленском кладбищах, наводит на мысль об одной мастерской, однако подписные надгробия в этой группе не встречаются.

В 1820-е гг. появляется тип надгробия, символизирующего веру и покорность судьбе: фигура коленопреклоненной плакальщицы у алтаря с крестом. Некоторые памятники этого типа вышли из одной мастерской (надгробия А. У. Болотникова, И. А. Кокошкина), но есть и уникальные образцы, встречающиеся с середины 1820-х (С. И. Салагов) до конца 1850-х гг. (А. Н. Тулубьев). Надгробие в виде алтаря с книгой, символизирующей Священное Писание, появившееся в середине прошлого века, сохраняется как тип вплоть до 1920-х гг.

Необходимо отметить, что широкая типизация, даже унификация надгробий середины и второй половины XIX в. шла в направлении подчеркнутой сакрализации надмогильного знака. Место погребения человека, по учению православной церкви, это место молитвы за упокой души, поминовения мертвых. С этим связано двойственное значение памятника как центра притяжения живых (собравшихся к молитве) и мертвых (совместное захоронение представителей одного рода). Отсюда возникала необходимость ограждения семейных мест на кладбище – то, что в современном облике старых петербургских некрополей практически полностью исчезло. Уместно привести описание Волковского кладбища, относящееся к 1880-м гг.: «Древнейший тип отделки семейных мест – это высокие, деревянные, забранные в столбы изгороди, с наглухо закрытыми с трех сторон беседками, которые могли бы служить для поминовения мертвых хлебом-солью, укрывая в то же время поминающих от дождя и от посторонних глаз. Иногда вместо беседок устраивались деревянные, а иногда и каменные из плит или кирпича часовни, но также в роде небольших наглухо закрытых будок. Теперь этот тип построек становится реже. Прежние, высокие изгороди по 5 разряду (низшему. – Ю. П.) заменяются обыкновенными высокими палисадами с небольшими крышками или совсем без крышек, а по 3 разряду, особенно между церквями, заменяются то различными довольно изящными павильо-

нами, то всего чаще железными крышками над ними и иногда, для ограждения от похитителей, со всех сторон до верха обтягиваются проволочными сетками»¹⁹⁰.

На аристократических, богатых кладбищах лавры, Сергиевой пустыни, Новодевичьего монастыря с середины XIX в. начали появляться ограждения семейных мест в виде ажурных чугунных беседок со стрельчатыми псевдоготическими завершениями (С. П. Голенищевой-Кутузовой, П. Д. Черкасского). Уникальна сень семейного места Бемов и Оппенгеймов (1850-е гг.) на Лазаревском кладбище в виде сквозного грота из глыб туфа.

Эпоха историзма в европейской архитектуре 1830-1880-х гг. связана с живейшим интересом к прошлому разных народов, выявлению исторических корней своеобразных национальных культур. В России этот путь начался с формирования в 1830-х гг. «русско-византийского» стиля, на три десятилетия определившего формы церковного строительства. Это коснулось и архитектуры надгробных памятников. Появляются массивные саркофаги из мрамора и гранита, испещренные орнаментальной резьбой, стилизующие мотивы ранних христианских надгробий (И. Н. и Т. В. Маркеловы, 1840-е гг.; В. А. Жуковский, 1857 г.; А. А. Львов, 1870-е гг.). В храмах-усыпальницах киоты с иконами, вкладываемыми на помин души, приобретают форму архитектурных порталов. Подобные порталы с различными атрибутами религиозной символики сооружались и на открытом пространстве кладбищ (Е. П. Салтыкова, В. А. Долго-руков, 1850-1860-е гг.).

Мотивы национальной церковной архитектуры – шатровые завершения, луковки куполов, пятиглавие – отразились в архитектуре типовых гранитных капличек-стел, напоминающих по силуэту небольшие часовни. Для середины XIX в. характерны типовые надгробия в виде увенчанных крестом стел, грани которых имеют килевидное завершение.

Изготовление надгробных памятников становится в этот период отраслью ремесленного производства. В 1849 г. в Петербурге работали двадцать две мастерские «монументщиков» и монументные лавки, в 1894 г. – двадцать восемь¹⁹¹, а в 1900 г. – пятьдесят четыре¹⁹². Более полувека существовали мастерские Анисимовых, Долгих, Бариновых. В конце XIX в. работали также мастера К. П. Сетинсон, Е. Г. Эренберг, клейма которых часто повторяются на памятниках Новодевичьего, Никольского, Волковского кладбищ. Бронзовые работы на памятниках выполняли К. Берто, А. Моран, К. Робекки, К. Ф. Верфель и др. Производство памятников велось как на заказ, так и по готовым образцам.

Клейма известных петербургских монументных мастерских стоят на памятниках выдающимся деятелям русской культуры. В мастерской Мадерни и Руджия изготовлены гранитные надгробные плиты и массивные мраморные кресты с резьбой, отмечающие семейное место Ф. И. Тютчева на Новодевичьем кладбище (1870-е гг.). Надгробие Н. А. Некрасова в виде бронзового бюста на высоком постаменте, оплетенном лавровой ветвью, выполнено в мастерской Василия Ефимова (скульптор М. А. Чижев, архитектор В. А. Шрейбер, 1881 г.). Памятник Ф. М. Достоевскому на Тихвинском кладбище сооружала мастерская Андрея Барина (скульптор Н. А. Лаврецкий, архитектор Х. К. Васильев, 1883 г.). Разумеется, изготовление подобных монументов было по средствам далеко не многим. На рядовых городских кладбищах преобладала исконная форма христианского надгробия – земляной холмик с деревянным крестом.

Примечательной особенностью общественной жизни Петербурга XIX в. являлся организованный сбор средств на установку надгробных памятников известным деятелям искусства. Уже памятник Н. И. Гнедичу (ум. 1833) в Александро-Невской лавре был поставлен, как начертано на нем, «от друзей и почитателей». На общественные пожертвования были созданы надгробия А. Е. Мартынова, А. И. Куинджи на Смоленском кладбище; М. П. Мусоргского,

¹⁹⁰ Вишняков Н. Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885. С. 72–73.

¹⁹¹ Весь Петербург на 1894 г. СПб., 1894. Ст. 1109.

¹⁹² Адресная книга г. С.-Петербурга на 1900 г. СПб., 1900. Ст. 3884–3885.

А. П. Бородин — на Тихвинском, К. А. Варламова — на Новодевичьем; А. Д. Вяльцевой — на Никольском кладбище и многие другие. Иногда, как, например, при сооружении надгробия И. А. Крылова (ум. 1844), использовались средства, отпущенные из императорского кабинета.

Для памятников второй половины XIX—начала XX вв. характерно использование скульптурных портретов, как правило, бюстов или барельефных медальонов. Портрет в мемориальной скульптуре XVIII в. не играл самостоятельной роли. Он вписывался в пластическую композицию с определенным аллегорическим смыслом и должен был, наряду с эпитафией, уточнять адрес, посылку монументальной сентенции. Полнофигурный бронзовый портрет Е. И. Гагариной работы И. П. Мартоса остался на многие десятилетия единственным исключением.

В 1820–1840-е гг. барельефные портреты встречаются лишь на памятниках академической школы, как дань традиции, уже потерявшей актуальность. Новые формы надгробий, выдержанные в христианско-православном духе (киоты, каплички, кресты) по своему характеру принципиально обезличены. Правда, иногда портрет помещается на постаменте креста, как, например, прелестный бронзовый медальон Ольги Урусовой (Лазаревское кладбище, 1852 г.), но в данном случае это могло символизировать ангельскую чистоту ребенка. Во второй половине XIX в. портрет становится смысловым центром памятника. Это напоминание о человеке, утверждающее неповторимость его физического и духовного облика.

На Смоленском кладбище существовало надгробие актрисы В. Н. Асенковой (ум. 1841): гранитная сень на шести изящных колонках с пирамидальным завершением. Под ней находился бронзовый бюст актрисы, изваянный И. П. Витали, на постаменте с эпитафией:

Все было в ней: душа, талант и красота.
И скрылось все от нас, как светлая мечта.

Масштабные соотношения были таковы, что сень воспринималась лишь как укрытие для скульптурного портрета. Памятник, перенесенный в 1930-е гг. в Некрополь мастеров искусств, был разрушен в 1943 г. прямым попаданием авиабомбы. На существующем памятнике сохранен старый постамент, а бюст вырублен в мраморе по гипсовому оригиналу Витали, находящемуся в Центральном театральном музее¹⁹³.

¹⁹³ Акты от 9.04.1943 г., от 15.07.1955 г. // Архив ГМГС.



Надгробие А. А. Иванова на Новодевичьем кладбище

Первоначальный бюст надгробия Асенковой был отлит в бронзе с модели, не предназначавшейся специально для надгробия. Подобное неоднократно можно отметить и в дальнейшем. Характерная для второй половины XIX в. размытость грани между монументальной скульптурой и станковым портретом в надгробии не кажется заметной. Портрет как бы автономен по отношению к памятнику, хотя, в сущности, архитектурная форма надгробий обусловлена именно наличием скульптурного изображения.

Некоторые скульптурные портреты на памятниках в Некрополе мастеров искусств помещены вне первоначального архитектурного фона, что не мешает самостоятельной оценке их пластических достоинств. Например, мраморный бюст И. П. Витали (скульптор А. Е. Фолетти,

1849 г.) находился на Выборгском католическом кладбище под ажурной чугунной сенью в готическом стиле. Портрет выполнен еще при жизни скульптора, как прижизненным является и бюст композитора А. Г. Рубинштейна (скульптор Б. Реймер, 1889 г.), помещавшийся на Никольском кладбище внутри каменной усыпальницы, сооруженной в виде часовни с шатровым завершением.

Некоторые портреты, снятые в 1920-е гг. с надгробных памятников, хранятся теперь в музеях. В Русском – бюсты Н. И. Уткина (скульптор Г. Н. Дурнов, 1848 г.), А. Т. Маркова (скульптор В. П. Крейтан, 1883 г.), Н. С. Пименова (скульптор И. И. Подозеров, 1867 г.) с памятников на Смоленском кладбище; бюст П. В. Басина (скульптор И. И. Подозеров, 1867 г.) с Новодевичьего кладбища. В Музее городской скульптуры – бюсты А. С. Суворина (скульптор Л. А. Бернштам, 1891 г.), Г. И. Бутакова (скульптор М. А. Чижов, 1880 г.) с Никольского кладбища и т. п.

В 1850-е гг. появилась форма надгробия, предназначенного специально для портретного бюста: портал в виде сени с задней глухой стенкой. Таково надгробие В. А. Каратыгина, находившееся на Смоленском кладбище (перенесено в Некрополь мастеров искусств). Под сенью помещен бронзовый бюст работы А. И. Терebeneва. По характеру обработки архитектурных деталей этот памятник близок к надгробию Асенковой, и, возможно, оба они выполнены в мастерской Н. А. Анисимова, клеймо которого стоит на каратыгинском памятнике.

Во многих скульптурных портретах задача мастера ограничивалась передачей внешнего сходства. Однако встречаются и портреты, убедительные своим проникновением в духовный мир человека. На памятниках петербургского некрополя сохранились бюсты, блестяще выполненные скульпторами В. А. Беклемишевым, К. К. Голдеским, П. П. Забелло, Н. А. Лаврецким и др.

С 1880-х гг. появляются памятники-постаменты, решенные в виде скалы, увенчанной бронзовым бюстом (наиболее полно сохранилось надгробие В. В. Самойлова с Новодевичьего кладбища). Утрата скульптурного портрета на памятнике подобной формы (надгробия А. Н. Майкова, Э. Ф. Направника на Новодевичьем; К. Я. Крыжицкого на Смоленском и др.) ведет к потере не только смысла, но и композиционной целостности монумента.



Часовня-склеп А. Г. Рубинштейна на Никольском кладбище



Надгробие Н. И. Уткина на Смоленском православном кладбище

В конце XIX—начале XX вв. можно отметить ряд памятников, в которых достигнут определенный синтез архитектурных и скульптурных форм. На Новодевичьем кладбище сохранился памятник Е. Г. Измайловой (скульптор Л. В. Позен, 1892 г.). Стройная гранитная колонна увенчана бронзовым бюстом молодой женщины, решенным с редкой для того времени простотой и деликатностью пластической разработки. Среди неравноценных по мастерству работ в области мемориальной пластики Л. В. Шервуда выделяется надгробие Г. И. Успенского на Литераторских мостках (1904 г.). Напряженный психологизм скульптурного портрета с тревожным жестом правой руки усилен точным соотношением фигуры писателя и гранитной скамьи-постамент. Бронзовая полнофигурная скульптура В. Ф. Комиссаржевской на фоне пира-

мидальной стелы (скульптор М. Л. Диллон, 1915 г.) воспринимается как лирический символ прощания великой актрисы с публикой.

Характерными для второй половины XIX—начала XX вв. были скульптурные памятники с фигурами ангелов из мрамора и бронзы, стоящих или сидящих у надгробного камня. В настоящее время таких образцов сохранилось немного; среди них типичными являются надгробия Д. С. Мордвинова на Новодевичьем кладбище и памятник П. И. Чайковскому в Некрополе мастеров искусств, выполненные в конце 1890-х гг. Изготавливавшиеся в бронзолитейных и гальванопластических мастерских, подобные скульптуры довольно шаблонны и являются своего рода типовыми надгробиями, не связанными с какими-либо индивидуальными особенностями заказа. Памятники такой формы больше были распространены на иноверческих кладбищах, как и массивные полнофигурные скульптуры Христа. До нашего времени сохранились два таких памятника. На Волковском лютеранском (семейное место баронов Остен-Дризен, 1900-е гг.) и на Новодевичьем кладбище (надгробие А. А. Вершининой, скульптор П. И. Кюфферле, 1915 г.).



Надгробие Н. С. Пименова на Смоленском православном кладбище



Надгробие Г. И. Успенского на Волковском православном кладбище, (Литераторские мостки)

Поиск национально-самобытной формы надгробного памятника с 1870-1880-х гг. шел в русле «русского стиля». Видные архитекторы этого направления И. П. Ропет и И. С. Богомолов создали определенную схему национального надгробия, представляющего собой подобие стелы с килевидным кокошником, в декорировке которой использованы мотивы древнерусских орнаментов (памятники М. П. Мусоргскому, 1884 г.; А. П. Бородину, 1889 г.; Л. И. Шестаковой, 1907 г.). Прямых прототипов в истории русского надгробия допетровского времени такая форма не имеет. Нельзя назвать ее в целом удачной: портреты на этих памятниках (скульптор И. Я. Гинцбург) диссонируют с плоскостной орнаментацией и натуралисти-

чески решенными «повествовательными» деталями (фортепианная клавиатура на памятнике Мусоргскому, «гудок и гусли» у Бородина). В кованое узорочье оград в «русском стиле» вплетались элементы, разъясняющие содержание памятника (химические формулы на несохранившейся ограде А. П. Бородина, медальоны с перечислением родов искусств в ограде памятника В. В. Стасову по эскизу Ропета и др.). Малоизвестным образцом надгробия начала XX в. в «русском стиле» является семейное место Далматовых на Волковском кладбище (некрополь Литераторские мостки): мраморная стела, испещренная узорчатой резьбой, помещена на газоне, окруженном кованой оградой с майоликовыми вставками.



Надгробие Д. С. Мордвинова на Новодевичьем кладбище



Надгробие П. И. Чайковского на Тихвинском кладбище (Некрополь мастеров искусств)

Органичным для русского некрополя в начале XX в. оказалось претворение традиционной формы креста. На Новодевичьем кладбище сохраняется целый ряд памятников в стиле модерн, представляющих собой различные модификации креста (надгробия А. М. Повалишина, 1904 г.; Г. М. Романова, В. В. Александровой – оба 1912 г.; и др.). Из этого же некрополя происходит надгробный памятник Н. А. Римскому-Корсакову, выполненный по эскизу Н. К. Рериха (скульптор И. И. Андреолетти, 1912 г.). Крест с расширяющимися секировидными лопастями напоминает монументальные новгородские и псковские надгробия XIII–XV вв.

Рельефный Деисус на памятнике имеет прямую аналогию с так называемым Боровичским крестом, находящимся в Русском музее¹⁹⁴.

Многовековая традиция не прерывалась в петербургском некрополе до начала нашего столетия. До недавнего времени в старообрядческой части Волковского кладбища сохранялись огромные восьмиконечные деревянные кресты с сакральными рельефами и надписями, по существу, ничем не отличавшиеся от памятников XVII–XVIII вв. Древняя форма «голубца» – резного деревянного столбика с двухскатным покрытием и укрепленным на нем медным крестом с распятием – с неожиданной остротой была воскрешена уже в 1920-е гг. (надгробие Б. М. Кустодиева, по эскизу художника В. В. Воинова).

Сооружение на кладбище усыпальниц-часовен связано, очевидно, как с необходимостью ограждения семейного места, так и с древнерусской традицией ставить часовню за упокой души. В петербургском некрополе эта форма архитектурного надгробия может быть отмечена с 1860-х гг. Одним из ранних примеров является часовня над местом погребения графа М. Н. Муравьева-Вилenskого на Лазаревском кладбище, сооруженная по проекту А. И. Резанова в 1868 г.¹⁹⁵ Восьмигранная, с шатровым верхом и луковичной маковкой, эта постройка стилизует мотивы древнерусского зодчества, что не связано, однако, с прямым цитированием декоративных элементов. Часовня облицована светлосерым бременским песчаником, входившим в моду в Петербурге с середины XIX в.

¹⁹⁴ Ермонская В.В. [и др.]. Указ. соч. С. 125.

¹⁹⁵ Китнер И., Шретер В. Памяти Александра Ивановича Резанова // Зодчий. 1888. № 5/6. С. 34.



Семейное место Остен-Дризен на Волковском лютеранском кладбище



Надгробие Н. А. Римского-Корсакова на Новодевичьем кладбище

Семейные склепы сооружались в основном на дорогах кладбищах. Довольно много их сохранилось на Новодевичьем и Никольском, почти нет на Смоленском и Волковском. Для иноверческих кладбищ (лютеранских, еврейского) архитектурные склепы весьма характерны. Интернациональный стиль эклектики отдавал предпочтение в надгробных сооружениях мотивам романской и готической архитектуры.

На православных кладбищах преобладало влечение к выработке национальных форм. В эпоху модерна с его идеей органичной архитектуры удалось уйти от мелочного воспроизведения характерных деталей, но уловить тот дух свободы и естественности, который пронизывает древнерусское зодчество. В архитектуре кладбищенских часовен успешно была стилизована

живописная затейливость московских храмов, плавность линий маленьких церквушек древнего Пскова, Новгорода, изысканная хрупкость декора владимиро-суздальской школы. Как удачные примеры освоения национальных традиций можно привести белокаменную часовню-склеп на Новодевичьем кладбище (Г. С. Кольцов; ум. 1895), миниатюрный храмик у края пруда на Никольском кладбище – надгробие А. Д. Вяльцевой (архитектор Л. А. Ильин, 1915 г.). С образами византийской архитектуры ассоциируется часовня Ратьковых-Рожновых на Лазаревском кладбище (1910-е гг.), в которой оригинально сочетается золотая смальта мозаичного купола и полированный красный гранит стен. Этот материал, любимый архитекторами модерна, использован и в надгробии палестиноведа В. Н. Хитрово (архитектор А. А. Парланд, 1915 г.): гранитная стенка с мозаичным образом Нерукотворного Спаса (художник Н. А. Кошелев) выделяется своим острым силуэтом в пейзаже Никольского кладбища¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Сообщения Императорского православного палестинского общества. СПб., 1915. Т. 26. С. 204.



Часовня-склеп М. Н. Муравьева на Лазаревском кладбище

Признанный образец художественного синтеза в мемориальной архитектуре начала XX в. – надгробие А. И. Куинджи на Смоленском кладбище (перенесено в Некрополь мастеров искусств). Символика памятника многозначна. Гранитный портал с резьбой «звериного стиля» древних викингов обрамил мозаичное панно с изображением мифического Древа жизни, на ветвях которого свивает гнездо змея. Бронзовый бюст художника – отливка с прижизненного портрета (скульптор В. А. Беклемишев) – вносит элемент статичности в насыщенный образный строй этого памятника. Надгробие сооружено в 1915 г. по проекту А. В. Щусева (в будущем – создателя ленинского Мавзолея), мозаика набрана в мастерской В. А. Фролова по эскизу Н. К. Рериха.

Стилизация форм русского классицизма архитекторами-неоклассиками 1910-х гг. оказалась вполне органичной в области художественного надгробия: именно в начале XIX в. мемориальная пластика переживала пору расцвета. На Тихвинском кладбище (Некрополь мастеров искусств) по проекту Н. Е. Лансере, при участии Александра Н. Бенуа в 1913 г. был сооружен памятник С. С. Боткину. Сын великого медика, сам врач по профессии, Боткин известен как крупный коллекционер, близкий к кругу художников «Мира искусства». Пилон с гранитной урной, в ограде из прямых прутьев, с чугунными венками и опущенными факелами, воспроизводит, как кажется на первый взгляд, наиболее типичную структуру надгробия эпохи классицизма. Однако подчеркнуто укрупненный масштаб, выверенная лаконичность силуэта выдают почерк художника начала XX в.

Значителен рельеф надгробия неизвестного на Смоленском лютеранском кладбище, выполненный скульптором В. В. Кузнецовым. Памятник представляет собой стенку из блоков серого гранита, фланкированную дорическими колоннами. В полуциркульной нише в верхней части стены – глубокий мраморный рельеф скорчившегося юноши, закрывшего лицо рукой. В петербургском некрополе начала XX в. нет, пожалуй, более емкого, пластически совершенного символа скорби. Принадлежность памятника, как и имя архитектора, неизвестны. Вероятней всего, памятник был сооружен по проекту архитектора И. А. Фомина: он очень напоминает проект зодчего для Перми, опубликованный в 1907 г. в Ежегоднике Общества архитекторов-художников¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 2. Спб., 1907. С. 156.



Волковское старообрядческое кладбище

Из дореволюционных работ И. А. Фомина на Никольском кладбище сохранилось надгробие авиатора Л. М. Мациевича (1912) в виде колонны, на постаменте которой помещен барельефный портрет. Пытаясь в условиях нового времени создать искусственный стиль «революционной классики», Фомин в 1923 г. разработал проект надгробия певца И. В. Тартакова в Некрополе мастеров искусств. Эта грузная пирамида сооружена из красного песчаника, полученного при разборке цоколя ограды Зимнего дворца¹⁹⁸. При всей утрированности масштаба

¹⁹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 6047. Оп. 6. Д. 49.

и искажении пропорций в объеме памятника угадывается классический прототип: постамент обелиска В. Бренны «Румянцева победам».

В первые послереволюционные годы И. А. Фомин разрабатывал проект типового надгробного памятника. По его словам, «крест – знак вычеркивания из жизни, эмблема смерти; новый памятник вызывает идею жизни, несмотря на смерть – пламя – красное пламя революции»¹⁹⁹. Расширяющиеся кверху ступени надгробия увенчаны стилизованным пламенем. На лицевой стороне должны были помещаться «эмблемы производства или профессии». Дальнейшего развития этот поиск формы «советского надгробия» не получил.

¹⁹⁹ Вечерняя красная газ. 1927. 20 сент.

В. В. Антонов

АРХИТЕКТУРА КЛАДБИЩЕНСКИХ ЦЕРКВЕЙ

«Кладбищенской» архитектуры как таковой, собственно говоря, не существует – есть кладбищенские церкви с некоторыми особенностями функционального свойства. Наиболее часто встречаются две такие особенности: наглухо отделенные боковые приделы, чтобы можно было отпевать, не мешая богослужению, и склепы в подвале для семейных и отдельных захоронений. Эти особенности, однако, были присущи не каждой церкви на кладбище, которая была, прежде всего, домом молитвы, местом, где приносится бескровная жертва. К тому же многие кладбищенские церкви были приходскими, т. е. являлись центрами духовной жизни небольшой части города.

По этой причине в первый период истории Петербурга не храм строился на кладбище, а кладбище устраивалось около приходского храма или монастыря. Так было с Александро-Невским монастырем, Троице-Сергиевой пустыней, с Сампсониевским и Андреевским соборами, с Вознесенской и Благовещенской церквями. Так было и позднее, в XIX в. с Новодевичьим монастырем и Киновией, некоторыми храмами на окраинах Петербурга и в пригородах. Естественно, что поначалу перед зодчими не стояло цели проектировать для кладбищ какие-то особенные храмы, и потому в наружном их виде не было ничего «кладбищенского». Православие, в котором отпевание – часть литургии, вообще чужда идея «погребальной» архитектуры.

Вплоть до 1780-х гг. на кладбищах Петербурга в основном стояли деревянные храмы, поэтому памятники эпохи барокко на них до наших дней не сохранились. Архитектурная история кладбищенских церквей, по сути дела, начинается с классицизма, и позже в ней хорошо прослеживается смена всех стилей, происходившая в русском зодчестве на протяжении века с лишним. Кладбища находились в ведении церкви, поэтому храмы на них возводили в основном не за счет города или казны, а на средства прихода или частных лиц, которые нередко заказывали проекты видным зодчим своего времени.

Так, проект первой каменной церкви Воскресения Словущего на Волковском кладбище, основанном в середине XVIII в., был поручен известному мастеру классицизма И. Е. Старову, автору Троицкого собора в Александро-Невском монастыре. Здание было выстроено в 1782–1785 гг. на месте сгоревшего деревянного храма. Его композиция типична для зрелого и позднего классицизма: к основному купольному объему примыкает трапезная и колокольня со шпилем над входом. Эта композиция восходит еще к русскому зодчеству средневековья. Фасады, отмеченные треугольными фронтонами, украшены очень скупой – только дорический карниз и кронштейны под окнами. Таких однотипных храмов строилось в России великое множество вплоть до 1840-х гг.

Ближайший по времени пример – церковь Смоленской Божией Матери на Смоленском кладбище. Кладбище на Васильевском острове возникло в 1730-е гг., но первая деревянная церковь на нем появилась лишь в 1760 г. Она простояла треть века и была заменена каменной, возведенной по проекту архитектора А. А. Иванова, выпускника Академии художеств, прошедшего стажировку в Италии. Построенное в 1786–1790 гг. здание повторяет схему старовского произведения, только в портале архитектором применен ордер. Когда-то церковь выглядела стройнее благодаря двухъярусной колокольне, но в позднейшие времена боковые пристройки раздвинули ее вширь²⁰⁰.

²⁰⁰ Смоленское православное кладбище. Спб., 1906; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13259.



Церковь Воскресения Словущего на Волковском кладбище

Внутри Смоленский храм не очень просторен, и воздух ощутим только в подкупольном пространстве главного придела, где раньше стоял иконостас, вырезанный охтинскими резчиками во главе с Яковом Дунаевым. Образа в этом иконостасе принадлежали кисти академиков И. А. Акимова и Г. И. Козлова, живших на Васильевском острове. Однако первоначальное убранство было утрачено при временном закрытии храма в 1940-х гг.

В архитектурной истории этого кладбища встречаются еще три крупных имени – это зодчие Ю. Фельтен, Л. Руска и А. Д. Захаров. Первому принадлежит небольшая церковь Воскресения Христова на армянском отделении кладбища, возведенная в 1790-е гг. над могилой сына известного богача и мецената И. Л. Лазарева. Однокупольное с тосканского ордера портиком здание – образец «мавзолея», очень популярного у зодчих того времени. Руска в 1807–1809 гг. выстроил кладбищенские ворота, часовню и богадельню, тем самым создав на кладбище небольшой классицистический ансамбль. Захаров в те же годы пристроил к Смоленской церкви оформленный портиком северный придел, который придал ей более законченный вид.



Никольская церковь на Большеохтинском кладбище

Сходно с названными храмами выглядела ныне снесенная Георгиевская церковь на Большеохтинском кладбище, выстроенная по проекту А. Бетанкура тоже на месте сгоревшей деревянной.

Она была сооружена в 1819-1823 гг., т. е. почти на тридцать лет позже Смоленской, однако архитектурная схема и приемы остались теми же, только наружная декорация стала побогаче: пилястры на барабане, окна с архивольтами и более пышный портал (часть этих украшений, впрочем, могла появиться при более поздних переделках).



Благовещенская церковь на Волковском единоверческом кладбище

Несколько более ранним временем, 1812–1814 гг., датируется небольшая, ныне действующая Никольская церковь на том же кладбище, возведенная на средства купца Г. Г. Никонova по чертежам неизвестного зодчего. Она является упрощенным вариантом рассмотренных храмов. Это центрально-купольное здание без трапезной и колокольни, со всех сторон оформленное треугольными фронтонами (левый придел добавлен после последней войны). Долгое время здание использовалось главным образом для отпеваний и было как бы филиалом более обширной и богатой Георгиевской церкви.



Сретенская церковь на Волковском единоверческом кладбище

Не сохранила своего первоначального ампирного вида и Благовещенская церковь на Волковском единоверческом кладбище. Ее первый проект сочинил знаменитый Тома де Томон в 1809 г., но проект показался заказчикам чересчур дорогим, и потому для реализации был принят более скромный, составленный молодым В. И. Беретти. Строительство длилось пять лет, в 1813–1818 гг., но после его окончания не прошло и двадцати лет, как архитектору А.

И. Мельникову было предложено сделать фасады «понаряднее»²⁰¹. К ампирной композиции были в 1835–1836 гг. добавлены более «современные» аксессуары: массивный портал, главки, новые наличники. Украшенный большим куполом и легкой двухъярусной колокольной храм вмещал много икон XVII–XVIII вв., древних антиминсов и более новых художественных произведений.

Старинных предметов было много также в стоявшей по соседству небольшой деревянной Сретенской церкви, освященной в 1801 г. после переделки из часовни и использовавшейся в основном для панихид. Надо заметить, что большинство старообрядческих и единоверческих церквей на кладбищах изначально были своеобразными музеями древнерусского искусства.



Спасская церковь на Волковском православном кладбище

Вплоть до николаевского царствования для кладбищенских храмов были характерны довольно скромные размеры и небогатое архитектурное убранство, поскольку средства шли главным образом на городские соборы и приходские храмы. Когда, например, В. И. Беретти в 1812 г. предложил возвести на Волковском кладбище пятикупольный храм-ротонду в подражание римскому Пантеону, его проект отвергли как чересчур дорогой.

Прошло четверть века, и в 1837–1842 гг. этот храм Спаса Нерукотворного все-таки выстроили, но проект Беретти значительно переделал, упростил и удешевил другой итальянец, работавший в Петербурге, – Ф. Руска²⁰². Несмотря на упрощение, массивное трехпридельное здание, завершенное большим куполом в центре и четырьмя малыми по краям, выглядело очень импозантно, часто из-за своих размеров именуясь «собором». Сейчас это трудно представить, глядя на изувеченную постройку, которую внутри некогда украшали красивый иконостас с образами кисти И. А. Денисова, золоченые киоты и изящный орнамент.

Переделывая первоначальный проект Беретти, Руска следовал уже складывающимся в русской архитектуре принципам русско-византийского стиля. Это хорошо заметно в объ-

²⁰¹ Простосердов А. И. Волковское единоверческое кладбище. Пг., 1916; Шуйский В. К. Тома де Томон. Л., 1981. С. 120–121.

²⁰² Вишняков Н. П. Историко-статистическое описание Волковского православного кладбища. Спб., 1885.

емно-пространственном решении Спасского храма и его внешнем оформлении. Доминирует пятиглавие со шлемовидным куполом, барабаны прорезаны высокими полуциркульными окнами, портал решен в виде килевидной арки без всякого намека на ордер.

Чувствуется зависимость от храмов К. А. Тона – главного представителя русско-византийского стиля, и умелое им подражание. В эти годы русско-византийский стиль стал не просто господствующим, но почти официальным. Уменьшенным повторением Спасской церкви явилась однопридельная Всесвятская церковь Волковского кладбища, выстроенная тем же Руска в 1850–1852 гг. на деньги местного церковного старосты.

К. А. Тон построил на столичных кладбищах всего один храм. Он стоял на уничтоженном после Великой Отечественной войны Митрофаниевском кладбище и был посвящен новопрославленному святому – Митрофану Воронежскому. Вначале здание предполагалось возвести по образцу Митрофаниевского собора в Воронеже, но смета на его постройку оказалась очень высокой, и потому был выбран ранее утвержденный проект Тона, по которому уже строился военный собор в Свеаборге, морской крепости под Гельсингфорсом (Хельсинки)²⁰³.

²⁰³ Ветвеницкий Н. А. Описание Митрофаньевского... кладбища. Спб., 1890; ЦГИА, Ф. 797. Оп. 4. Д. 16222.



Церковь св. Митрофания на Митрофановском кладбище

Пятикупольный храм был заложен в 1839 г. и завершен восемь лет спустя. Убран он был очень богато: иконы в серебряных окладах написали известные академические живописцы П. М. Шамшин, К. Дузи, А. В. Нотбек и др. Большой пятиярусный иконостас и роспись сводов были исполнены по эскизам академика Ф. Г. Солнцева, знатока древнерусской живописи. Убранство и масштабы делали Митрофаниевский храм, наряду со Спасским, самой значительной кладбищенской постройкой в старом Петербурге. Внешний вид церкви, завершенной уже в середине XX в., отличается от более ранних сооружений русско-византийского стиля разнообразием архитектурного оформления и орнаментики, что отражало сдвиг в сторону большей декоративности, наметившийся в русской архитектуре.

Русско-византийский декор петербургские зодчие охотно использовали применительно к вышеописанной схеме ампира храма с трапезной. Так случилось, например, при строительстве однопрестольной церкви великомученика Димитрия Солунского на Большеохтинском единоверческом кладбище, автором которой был архитектор К. И. Брандт²⁰⁴. Церковь сооружалась в 1846–1853 гг. и внутри была украшена старинными образами и подражаниями им, выполненными известным мастером «византийского извода» В. М. Пешехоновым. Вместо одного купола, как в ампирах храмах, в центральной части высились пятиглавие, одноярусная колокольня получила шатер, фасад прорезали «романские» окна, украсили закомары, филенки и лопатки.

Развиваясь в сторону большей «археологической» точности и чистоты, русско-византийский стиль во второй половине XX в. разделился на два направления: византийское, или византийско-романское, взявшее за образец средневековые храмы Малой Азии и Закавказья, и русское, которое опиралось главным образом на московское зодчество XVII в. Оба эти направления неплохо представлены на петербургских погостах.

²⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 32. Д. 68.



Церковь Спаса Нерукотворного на Шуваловском кладбище

К первому – византийскому – направлению относится действующая церковь Спаса Нерукотворного на Шуваловском кладбище – творение гражданского инженера К. А. Кузьмина (а не И. А. Монигетти, как иногда утверждают). Трехпридельный храм был сооружен на средства дачников и крестьян в 1876–1880 гг.²⁰⁵ Он стоит на высоком стилобате, на холме у Суздальского озера, и его голубой купол на высоком барабане виден издалека. Другую вертикаль создает однарусная восьмигранная колокольня над входом. Характерны для храма три массивные абсиды, сложного профиля выносной карниз и «перспективные» порталы. Снаружи Спасская церковь производит меньшее впечатление, чем внутри, так как архитектор плохо

²⁰⁵ ИСС. Т. 8. Спб., 1884. С. 159–162.

учел ее местоположение – она тяжеловесна и неудачна в пропорциях. Зато внутри ее украшает красивый резной иконостас с иконами на золотом фоне – типичное произведение церковного искусства царствования Александра II.



Церковь св. Александра Невского на Шуваловском кладбище

Чуть южнее Спасского храма находится самая, пожалуй, скромная кладбищенская церковь в городе. Она посвящена святому Александру Невскому и перестроена тем же К. А. Кузьминым в 1885–1886 гг. из старой деревянной церкви, возведенной в конце XVIII в. по проекту Л. Руска на месте Спасского храма. Церковка имеет вид восьмигранника, увенчанного небольшой главкой; она больше напоминает кладбищенскую часовню и долгие годы, действительно, выполняла ее функции.



Троице-Сергиева пустынь

В русско-византийском стиле были почти одновременно выстроены две надгробные церкви на монастырских кладбищах: однопрестольная святого Григория Богослова в Троице-Сергиевой пустыни (сохранилась в переделанном виде) и Божией Матери всех скорбящих Радости в Новодевичьем монастыре (снесена в 1929 г.). Первая строилась в 1855–1857 гг. придворным зодчим А. И. Штакеншнейдером над могилой графа Г. Г. Кушелева, вторая в те же годы – Э. И. Жибером над могилой павшего в бою с турками полковника А. Н. Карамзина, сына известного историка²⁰⁶.

Несмотря на небольшие размеры, храмы обошлись заказчикам соответственно в шестьдесят и пятьдесят тысяч рублей серебром, прежде всего из-за богатой отделки. Одноглавая церковь в пустыни была снизу отделана гранитом, стены декорированы керамическими полуколоннами, портал – серым мрамором. Охтинские мастера вырезали по рисунку зодчего двухъярусный иконостас, образа в котором имели золотой фон. Посредине храма находился спуск в усыпальницу, облицованную белым мрамором. В Скорбященской церкви вся утварь была изготовлена из золоченого серебра.

Еще тридцать лет назад в пустыни, в ее юго-восточном углу, можно было увидеть еще одну интересную надгробную церковь – Покровскую, которую архитектор Р. И. Кузьмин возвел в 1844–1863 гг., подражая флорентийскому баптистерию – знаменитому произведению итальянского Возрождения. Такова была воля заказчика – князя М. В. Кочубея. Облицованное серым шотландским камнем, здание внутри было расписано орнаментом, а образа в стильном двухъярусном иконостасе написал известный В. М. Пешехонов. Интересный образец стилизации, которой часто увлекались зодчие-эклектики, погиб уже в послевоенные годы.

²⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Д. 27; Яковлев П. П. Исторический очерк первоклассной Троицко-Сергиевской приморской пустыни. СПб., 1884; Снегирева С. Санктпетербургский Воскресенский... монастырь. СПб., 1887; ЛМХ. Вып. 1. С. 29–44, 49–59.



Церковь Григория Богослова Троице-Сергиевой пустыни

В таких «поминальных» храмах литургии служились нечасто. Будучи семейными усыпальницами, они содержались потомками в них погребенных. Отсюда – камерный и приватный характер и соответствующее архитектурное оформление, которое несет отпечаток индивидуального вкуса и стилистической цельности. Это как бы особая «партикулярная» разновидность кладбищенских храмов, которая со второй половины XIX в. стала появляться все чаще.

В последней четверти XIX в. в церковной архитектуре доминирует русский стиль, хотя византийский не полностью уступил свои позиции. Его влияние заметно во внешнем виде действующей поныне церкви праведного Иова на Волковском кладбище, построенной в 1885–1887 гг. Ее проект купчиха П. М. Крюкова заказала молодому зодчему И. А. Аристархову, который, исполняя его, скончался и был погребен в нижнем храме. Используя традиционный тип храма с трапезной, зодчий довольно умело объединил главный объем с пятиглавием в «византийских» формах и шатровую колокольню и портал – в русских.



Церковь св. Иова на Волковском православном кладбище

В византийском стиле выстроена в 1869–1871 гг. однокупольная Никольская церковь на Никольском кладбище лавры, которая сейчас используется для ранних обеден. Ее проект купец Н. И. Русанов поручил епархиальному архитектору Г. И. Карпову, не обладавшему, к сожалению, крупным талантом. Не слишком удачна и Тихвинская церковь (архитектор Н. П. Гребенка), которая была освящена двумя годами позже на одноименном кладбище лавры. Сегодня в переделанном виде ее не узнать, а некогда это было довольно эффектное здание в русском стиле, тоже служившее семейной усыпальницей. Хотя обе лаврских церкви сооружены

почти одновременно, разница в их стиле свидетельствует об усилении национальных традиций в творчестве петербургских архитекторов.

В деревянном зодчестве традиции эти, по существу, никогда не исчезали, но исчезли, увы, в большинстве своем сами деревянные церкви, по которым можно было бы об этом судить. До нас дошли лишь их изображения, да и то не все. Только на гравюрах и старых снимках можно увидеть, например, два произведения П. Ю. Сюзора, крупного мастера эклектики, — Преображенскую и Успенскую церкви. Они стояли на двух новых пригородных кладбищах — Преображенском на станции Обухово и Успенском близ Парголово. Построенные соответственно в 1872 и 1874 гг., обе церкви имели много общего, воспроизводя внешний вид северорусских храмов²⁰⁷. В композиции зодчим был использован шатровый восьмерик на четверике, вокруг которого сгруппировано несколько притворов. Вместимость таких церквей была невелика, ибо они считались временными и не имели своих приходов, далеко отстоя от города. Тем не менее эти церкви положили начало формированию на упомянутых кладбищах небольших ансамблей. Так было и на других некрополях, отчего к концу прошлого века на крупных столичных кладбищах стихийно образовались комплексы из трех—пяти большей частью разно-стильных зданий, объединенных главным образом назначением и местоположением на определенной территории.

²⁰⁷ Всемирная ил. 1872. № 207. С. 393–394; 1875. № 4. С. 63; ИСС. Т. 8. Спб., 1884. С. 119–125, 199–200.



Костел во имя Посещения Пресвятой Девы Марии на Выборгском римско-католическом кладбище

К 1870-м гг. относится сооружение самой значительной церкви на инославном кладбище – католического костела во имя Посещения Пресвятой Девы Марии. Своего кладбища у столичных католиков не имелось до 1856 г., и они пользовались протестантскими – Сампсониевским, а позже Смоленским и Волковским. На этих кладбищах не было даже часовен, и потому все отпевания совершались в городских храмах.

Вначале на новом Выборгском католическом кладбище решили возвести часовню в романском стиле. Строили ее целых три года, в 1856–1859 гг., по проекту известного зодчего Н. Л. Бенуа, католика из французов. Прошло двадцать лет, и часовню решено было превратить в приходской костел для католического населения Выборгской стороны. Снова за дело взялся Бенуа: он пристроил к существующему зданию высокую башню-колокольню и выстроил перед ним ворота. Роспись нового костела исполнил А. И. Шарлемань²⁰⁸. Стилизованный храм отразил поиски европейских церковных зодчих периода эклектики, которые, в отличие от русских коллег, традицию искали прежде всего в романской архитектуре, обогащая ее более поздними формами.

Одной из самых интересных церквей в русском стиле по архитектуре и убранству был небольшой (вмещал всего сто человек) надгробный храм на Новодевичьем кладбище. Он сохранялся до лета 1929 г. над могилой богатого лесопромышленника и мецената Ильи Феодоровича Громова и, как это часто бывало, носил имя его святого – пророка Илии. Душеприказчики покойного потратили на постройку крупную сумму – сто двадцать тысяч рублей. Автором проекта был видный зодчий Л. Н. Бенуа, хорошо знакомый с московским стилем XVII в.

В этом стиле он и построил в 1884–1888 гг. пятиглавую церковь, облицованную снаружи глазурированным кирпичом. Главный ее купол был сделан из бетона – это один из первых примеров применения нового материала в церковном строительстве. Внутри стены были покрыты росписью с позолотой. Дубовый иконостас, вырезанный Леонтьевым, был выдержан в русском стиле, образа в нем написал академик В. В. Васильев. Богатую утварь изготовили известные ювелирные фирмы Постникова, Овчинникова и Хлебникова.



²⁰⁸ Бартенева М.И. Николай Бенуа. Л., 1985. С. 137–138; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102, д. 2489.

Церковь св. пророка Илии на Новодевичьем кладбище

Конечно, такие храмы были в меньшинстве среди надгробных, ибо требовали очень больших затрат. Чаше эти церкви выглядели и украшались гораздо скромнее, чему пример – церковь Сошествия Святого Духа на Митрофаниевском кладбище. Ее построил в 1885–1887 гг. купец А. Л. Кекин над могилой своего рано умершего сына-студента. Эта двухэтажная церковь походила на большую часовню в русском стиле.

В конце прошлого века на двух пригородных петербургских кладбищах, Преображенском и Успенском, появляются воинские отделения с участками для гарнизонных полков. Для них был разработан проект «образцовой» церкви, который применялся и в других городах России. В столице осуществлением этого проекта занимался военный инженер В. А. Колянковский.

Первым, в присутствии самого Императора, был в 1895 г. заложен храм святого Александра Невского на Преображенском воинском кладбище²⁰⁹, а два года спустя – одноименный на Успенском. Строительные работы длились два сезона и финансировались из воинских пожертвований. Обе эти небольшие церкви (сохранилась только первая) были однотипны: четверик, увенчанный главкой, трапезная, над входом – одноярусная шатровая колокольня. Их фасады обработаны филленчатыми лопатками, арочками, заглубленными крестами. В плане однопрестольные храмы имели форму греческого креста и походили на кладбищенские постройки, известные в Петербурге начиная со второй половины XVIII в. Традиция прочно сохранялась, несмотря на ее разные архитектурные воплощения.

²⁰⁹ Кутепов С. И. Главная церковная и ризничная опись церкви святого благоверного князя Александра Невского... СПб., 1900.



Церковь св. Александра Невского на Преображенском воинском кладбище

Началом XX в. в Петербурге датировано не так много кладбищенских храмов. Однако эти полтора десятилетия дали очень интересные сооружения, выдержанные в неорусском и русском стиле. К числу приверженцев первого принадлежал последний епархиальный архитектор А. П. Аплаксин, хотя было у него еще одно сильное пристрастие – петербургский ампи́р. Оба стиля зодчий использовал почти в равной мере, подчиняясь воле заказчика и собственным соображениям об уместности того или иного архитектурного решения.



Успенская церковь на Волковском православном кладбище

Близ входа на Волковское кладбище, на котором уже стояли разновременные и разностильные здания, Аплаксин возвел церковь, облик которой сильно от них отличался, для чего зодчий решился даже на изменение уже утвержденного проекта. Первый проект трехпридельной Успенской церкви был заказан в 1901 г. мастеру эклектики А. Д. Шиллингу, который исполнил его в еще по-прежнему популярном русском стиле XVII в. По этому проекту намечалось возвести пятиглавое здание с узорчатой кладкой стен и обширным семейным склепом. Такие храмы нравились заказчикам, чей вкус сформировался в царствование Александра III. Аплаксин сумел убедить жертвовательницу, что первоначальный проект надо коренным образом переработать, приняв за образец новгородские храмы²¹⁰.

²¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 879. Оп. 1. Д. 134. Л. 74–80, 111–112; РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 2230; оп. 182. Д. 1572.

Хотя постройка Успенской церкви длилась всего четырнадцать месяцев и завершилась к маю 1913 г., когда в ней начались богослужения, окончательное освящение по техническим причинам отодвинулось на целых пять лет. Окрашенное в белый цвет здание (снесено в 1930-е гг.) выглядело довольно эффектно, удачно открывая архитектурный комплекс Волковского кладбища. Церковь возвышалась на гранитном цоколе цельным, хорошо скомпонованным объемом. Сохранив традиционное пятиглавие первоначального проекта, Аплаксин изменил очертания куполов, сделал их более заостренными. Это акцентировало вертикальную доминанту, которая прослеживается также в закомарах, портале и вытянутых щелевидных окнах. Древнерусский облик храма, кроме этих деталей, должен был подчеркиваться белокаменными рельефами, которые ради экономии делать не стали.

Заметная в наружном облике эклектика – сочетание древних и более поздних прототипов – ощущалась и в интерьере Успенской церкви. Трехъярусный иконостас был покрыт басмой, иконы и светильники стилизованы (роспись исполнить не успели), но общий внутренний вид с алтарной преградой и киотами у стен больше соответствовал вкусам XIX в. Как и в других случаях, неорусский вариант модерна не мог игнорировать сложившиеся нормы храмового благочестия и религиозной традиции.

Самым удачным примером неорусского стиля стал на столичных погостах двухэтажный Покровский храм, выстроенный в 1912–1915 гг. на Громовском старообрядческом кладбище²¹¹. Высокое величественное здание, автором которого был московский зодчий Н. Г. Мартянов, много строивший для старообрядцев, напоминало своим видом церкви Владимиро-Суздальского княжества, хотя шатровая колокольня пришла из более позднего времени. Такое сочетание типично, ибо мастера неорусского стиля редко делали совершенно чистые стилизации.

²¹¹ Слово Церкви. 1915. № 1. С. 28; № 2. С. 55.



Покровская церковь на Громовском старообрядческом кладбище

Пятирусный иконостас этой церкви был вырезан из дуба в Москве – центре старообрядческого искусства. В нем были помещены, в соответствии с традицией, старинные иконы XVI–XVII вв. Стилизованные паникадило и утварь изготовили тоже в Москве, где в это время умело имитировали старинные образцы, включая иконы. Старина и новизна «под старину» настолько удачно сочетались в этом храме, что после революции он вплоть до разрушения находился под охраной государства.

Однако неорусский стиль не преобладал в каменном храмостроительстве на кладбищах Петербурга. Зодчие и, особенно, заказчики отдавали явное предпочтение подражаниям русскому стилю XVII в., которые доминировали в последней четверти предшествующего столетия. Две возведенные почти одновременно церкви на Смоленском кладбище – наглядный тому пример.

Троицкая церковь стояла слева от ныне действующего храма Смоленской Божией Матери и была первоначально выстроена в 1831–1832 гг. в ампирных формах по проекту малоизвестного архитектора В. Т. Кульченкова. Поскольку это здание оказалось непрочным, то в 1904–1905 гг. его полностью перестроили в стиле XVII в. Новый проект разработал известный знаток исторических стилей академик М. Т. Преображенский при участии архитектора И. И. Яковлева. Роспись интерьера исполнил С. И. Садиков, а стилизованные образа – А. Н. Новоскольников и Ф. Р. Райлян. Небольшой храм смотрелся довольно живописно благодаря узорчатым деталям и сложному силуэту, создававшемуся сочетанием крупных и мелких богато декорированных объемов.

Своеобразным панданом к этой постройке была Воскресенская церковь, возведенная справа от входа на кладбище, перед его оградой. Строилась она три года и была освящена в мае 1904 г. митрополитом Петербургским Антонием. По обычаю, боковые приделы были отделены от главного глухими перегородками, а в подвале сделаны склепы для захоронений²¹².

²¹² Храм Воскресения Христова на Смоленском кладбище. Спб., 1904; РГИА. Ф. 796, Оп. 181. Д. 1912; Ф. 799. Оп. 25. Д. 842.



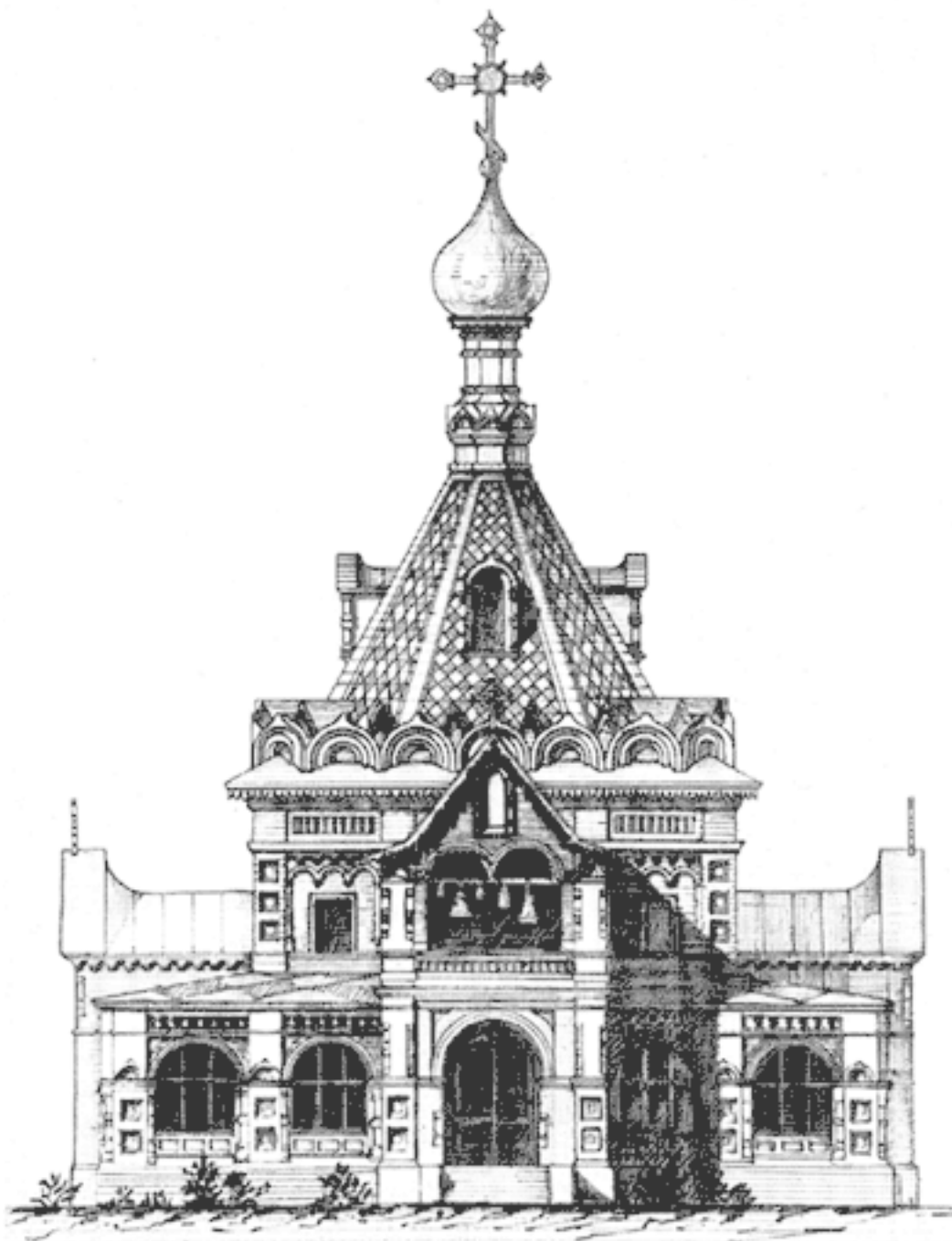
Воскресенская церковь на Смоленском православном кладбище

Ныне трехпрядельный храм стоит полуразрушенным и ведутся бесконечные разговоры о его пристойном использовании. Хотя нет уже купола и многих резных деталей наружного убранства, это творение В. А. Демяновского и сегодня впечатляет своим необычным для Петербурга видом. Это – единственная в городе стилизация под «нарышкинское барокко» конца XVII-начала XVIII вв., и стилизация удачная. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как точен зодчий в пропорциях, гармоничен в сочетании цветов, плоскостей и рельефных деталей. Особенно эффектным он сделал верх храма: вытянутый барабан, оформленный прилегающими коринфскими колоннами и увенчанный фонариком с главкой-луковкой. Нижний объем выглядит как своеобразный ступенчатый цоколь. Внешнему облику соответствовал интерьер – золоченый иконостас работы охтинских резчиков и образа кисти Новоскольцева, исполненные «под барокко».

Демяновский одно время считался также автором самой известной в столице часовни. Она стоит на том же Смоленском кладбище над могилой блаженной Ксении Петербургской, причисленной к лику святых во время празднования Тысячелетия Крещения Руси. За год до этого часовня была тщательно восстановлена и заново освящена в присутствии тысяч православных горожан.

Настоящим автором этой часовни, сооруженной в 1901–1902 гг., был безвестный архитектор А. А. Всеславин, избравший для нее не претендующий на особую оригинальность русский стиль. Ступенчатый главный объем часовни увенчан шатром, покрытым тонированными металлическими пластинами. Свет в здание падает через трехчастные «романские» окна посередине фасадов и щелевидные – наверху. Внутри главное место занимает мраморная гробница святой.

Таких часовен, небольших, по сути дела, храмов, на кладбищах Петербурга было немного, и стояли они обычно над могилами почитаемых в народе подвижников: странника Александра Крайнева на Митрофаниевском кладбище, затворника Матфея в лавре, Матренушки-босоножки у Скорбященской церкви на Шлиссельбургском проспекте. Остальные кладбищенские часовни были палисадами, т. е. богато украшенными надгробными сооружениями, которые очень часто строились по чертежам маститых зодчих. Особенно много их было в Троице-Сергиевой пустыни.



Церковь Сошествия Святого Духа на Фарфоровском кладбище

Запоздалой стилизацией под XVII в. была небольшая церковь Сошествия Святого Духа, стоявшая до сноса на Фарфоровском кладбище вблизи приходского Преображенского храма на Шлиссельбургском проспекте. Свой проект архитектор А. Ф. Красовский, исследователь древнерусского зодчества, разработал на самом рубеже XX в., когда новые тенденции еще слабо ощущались в архитектуре. Фасад церкви выглядел очень дробным, перенасыщенным деталями и потому был лишен той целостности, которой обладали более удачные подражания.

Духовская церковь строилась очень долго. Она была заложена в 1902 г., а завершена лишь десять лет спустя. В ней установили уникальный иконостас из бисквита, выполненный на Императорском фарфоровом заводе по рисунку скульптора А. К. Тимуса. Остальное убран-

ство Красовский тоже спроектировал «стильным», т. е. в манере XVII в. К такому единству внешнего и внутреннего вида зодчие стремились всегда, но в этот период оно приобрело антикварный уклон, при котором пристальное внимание уделялось каждой мелочи. Это удорожало строительство, но зато создавались интересные образцы ретростиля.

Последним крупным сооружением, появившимся перед революцией на кладбищах Петербурга, была величественная Казанская церковь в Новодевичьем монастыре, автором которой был известный архитектор В. А. Косяков. Это здание должно было заменить первую в монастыре деревянную церковь, которая обветшала к началу нашего века. Облицованный декоративным кирпичом и майоликой храм с массивным куполом, заложенный летом 1908 г., так и не был освящен, хотя Ф. Р. Райлян с помощниками успели перед революцией украсить его росписью и образами, выполненными в подражание древнерусским образцам. Сейчас сохранившийся храм ждет решения своей судьбы – станет ли он действующим или получит иное назначение.



Церковь преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище

Стилистические поиски шли в начале XX в. и в деревянном зодчестве. Деревянных храмов было на кладбищах не так много, и большинство из них до наших дней не дошло за исключением трехпридельной церкви преподобного Серафима Саровского на одноименном кладбище. Эта действующая церковь, несмотря на свою уютность, с архитектурной точки зрения – самая невыразительная, хотя ее автором был крупный и опытный зодчий Н. Н. Никонов, долгие годы служивший в епархии²¹³.

²¹³ Паиский П. Описание устройства Серафимовского... кладбища. Спб., 1907.

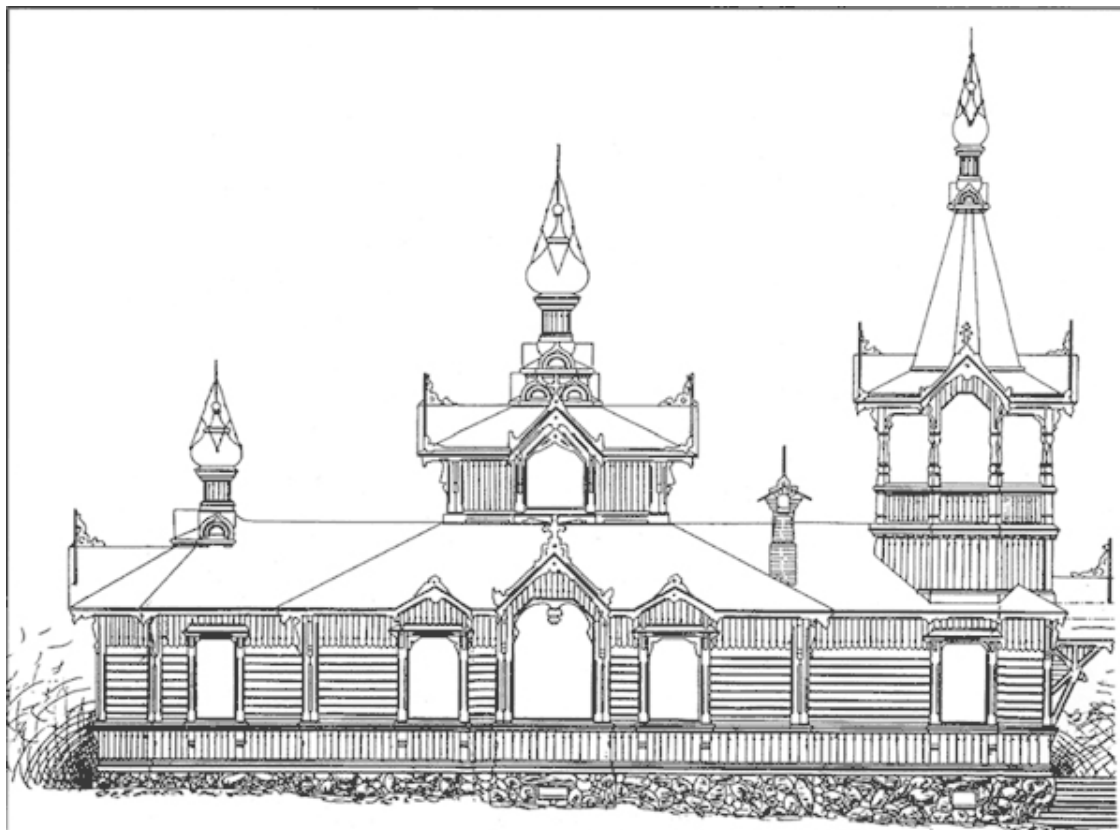


Церковь преподобной Марии на Большеохтинском кладбище

Церковь была начата в 1906 г. и в следующем году освящена в честь новопрославленного святого. Над входом в нее – мозаика с изображением молящегося преподобного, исполненная в мастерской Фролова. Схема храма традиционна – четверик на четверике; четверик и звонница над входом имеют шатровое завершение. Так как шатер четверика невысок, а боковые приделы расширены, храм кажется приземистым и грузным.

Неудача особенно заметна при сравнении с другим творением Никонова – уничтоженной небольшой церковью преподобной Марии, именовавшейся Марином, на Большеохтинском единоверческом кладбище. Она сооружалась в 1895–1902 гг. на средства купчихи Марии Тро-

фимовны Козминой на месте погребения ее родителей, т. е. являлась надгробным храмом. Здесь Никонов в своей стихии – московском зодчестве XVII в. Здесь он не скован утилитарной задачей – выделить место для отпеваний, и умело «играет» разнообразными объемами, деталями, их белым, желтым и красным цветом, создавая уменьшенное повторение своих наиболее удачных произведений, которым присуща устремленность ввысь и переключка вертикалей. Снаружи, как часто у Никонова, храм был декорирован изразцами, изготовленными на сей раз в Художественно-промышленной школе Миргорода²¹⁴.



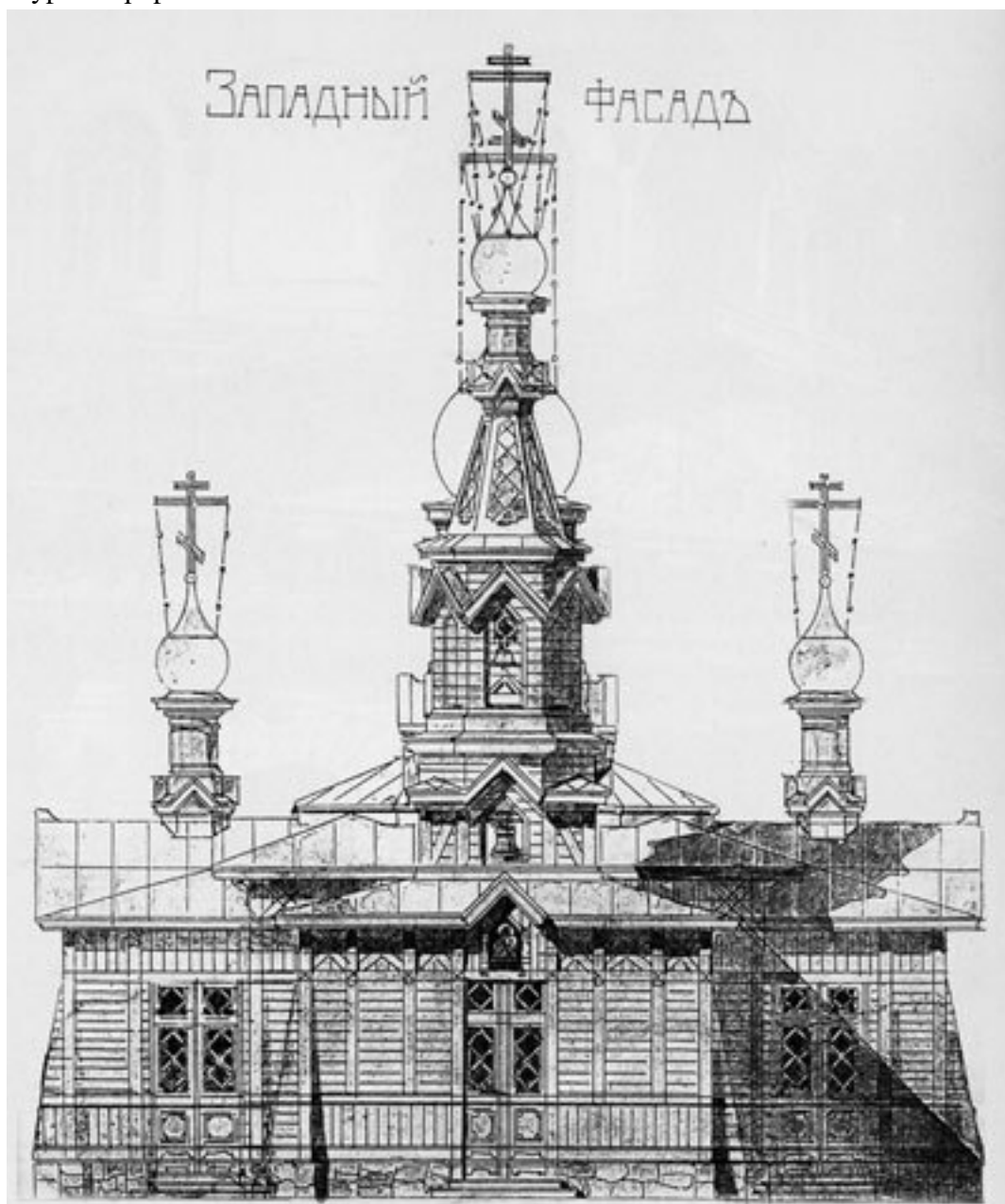
Казанская церковь на Красненьком кладбище

Скромнее, чем Серафимовская, выглядела Казанская церковь на старинном Красненьком кладбище, расположенном на юго-западной окраине города. Она была выстроена всего за несколько месяцев в 1901 г. по проекту гражданского инженера Н. В. Васильева и походила на небогатые деревенские храмы. Маленькая бревенчатая постройка с луковкой на крыше и одноярусной колоколенкой, вмещавшая около шестисот человек, просуществовала до последней войны. Эта церковка определяла один из полюсов кладбищенского храмостроительства – на другом высились величественные, почти соборные храмы Волковского и Митрофаньевского кладбищ.

Однако в XX в. деревянное зодчество имело на столичных кладбищах свои достижения. К ним можно отнести три церкви: две православные и одну католическую. Первой, в 1903–1905 гг., была выстроена Казанская церковь на Преображенском кладбище. Выстроена как временная, ибо архитектор В. А. Демяновский одновременно спроектировал большой каменный храм. Деревянная постройка имела три престола и множество притворов и крылец, под-

²¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 87. Д. 9; ЦГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 1566; Ведомости санктпетербургского градоначальства. 1897. № 170; 1899. № 221.

ражая церквям русского Севера своей свободной, «открытой» композицией и разнообразием архитектурных форм²¹⁵.



Богословская церковь на Богословском кладбище

К сожалению, эта уникальная постройка не сохранилась, как и две другие: Богословская церковь на одноименном городском кладбище и костел на католическом отделении Успенского кладбища в Парголово. Проект Богословской церкви создал В. Н. Бобров, и она строилась в 1915–1916 гг. в память воинов, павших в Первую мировую войну²¹⁶. Костел же был освящен еще до войны, в 1912 г., и возведен по чертежам работавшего в Петербурге архитектора-поляка И. В. Падлевского. В обоих сооружениях за основу были взяты сельские храмы: шатровые – в Северной Руси, и прикарпатские – в Польше. Однако оба зодчих заметно стилизовали свои

²¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 1709.

²¹⁶ Приходской листок. 1915. № 36; 1916. № 111, 117, 225; ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 31, д. 496.

прототипы, добиваясь прежде всего живописно-декоративного эффекта, к которому в целом архитектура того времени не очень стремилась.



Казанская церковь на Преображенском кладбище

После 1917 г. зодчему нечего было делать на петроградских кладбищах. Разве что калечить уже созданное. Кладбищенские церкви пострадали в той же мере, как и другие. Некоторые ансамбли, например Митрофаниевского кладбища, были уничтожены полностью, другие – наполовину или меньше. Сегодня только действующие церкви радуют глаз, остальные (среди них замечательные сооружения) ждут тщательного восстановления.

Возможно, однако, что недалек тот день, когда прерванная на долгие годы традиция возобновится и храмы снова станут строиться там, где они крайне необходимы, – на новых кладбищах пятимиллионного города.

Т. С. Царькова, С. И. Николаев ЭПИТАФИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Кладбищенская культура слова включает в себя не только надгробные надписи. Слово на кладбище разнообразно – это служба и проповедь²¹⁷, девизы и надписи на эмблемах и гробах²¹⁸, «стихи на смерть», «стихи на гробницу» и прочее, т. е. слово – воплощенное (вечное) и произносимое (временное) – пронизывает все ритуально-архитектурное целое погребального обряда. Являясь составной частью особой кладбищенской культуры, слово на кладбище живет по законам «кладбищенской поэтики», основной закон которой для нас звучит так: о мертвых следует говорить или хорошо, или ничего. Отсюда предельная серьезность погребального слова, его проникновенность и эмоциональность. Несмотря на многие утраты в культурном обиходе и увядание самой кладбищенской культуры, кладбище до сих пор осознается как особое пространство («урочище»)²¹⁹, пространственно-культурный характер которого предопределяет как поведение, так и отношение к нему.

Но с течением времени, – а в подавляющем большинстве случаев очень скоро, – сложная словесная конструкция из упомянутых и других текстов естественным образом ветшает, распадается на отдельные части и от нее остается чаще всего одно лапидарное (в самом прямом смысле!) свидетельство – надгробная надпись.

Надгробная летопись Петербурга, поэтика и стилистика которой впитали в себя как национальную традицию уже XVII в., так и позднейшие европейские влияния, исключительно многообразна и богата. Правда, в ней есть досадные лакуны, особенно в первой половине XVIII в. С вынесением захоронений за пределы храма в надгробиях возникает европейская идея памятника на века (монумента). Однако и камень, и металл не всегда обеспечивают сохранность надписей. Уже В. Г. Рубан, издавая в 1779 г. в «Описании Санкт-Петербурга» надгробные надписи Александро-Невского монастыря, не смог включить некоторые стихотворные эпитафии, так как их «за ветхостию разобрать было не можно»²²⁰.

Приводимые ниже эпитафии далеко не все сохранились в настоящее время на памятниках. Наиболее представительным сводом эпитафий петербургского некрополя является известное одноименное издание 1912–1913 гг., из которого взято большинство цитат (что специально не оговаривается).

Самые ранние из известных нам петербургских надгробных надписей были прозаическими, назовем их просто опознавательными. Типичным примером является надпись на надгробии фельдмаршала Б. П. Шереметева в Александро-Невском монастыре.

От Рождества Христова 1719 года февраля 10 дня преставился в Москве раб Божий российских войск первый генерал фельтмаршал тайный советник и военный кавалер мальтийский славного чина святого апостола Андрея и протчих орденов граф Борис Петрович Шереметев а тело его по повелению царского пресветлого величества самодержца всероссийского из Москвы

²¹⁷ Один из самых ярких памятников первой половины XVIII в. – «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича (1725 г.).

²¹⁸ Так, на гробе лейб-медика Р. К. Арескина (1718 г.) была надпись на французском «Я мыслю более, чем говорю» (Рус. архив. 1872. № 7/8. Стб. 1642).

²¹⁹ Ср.: *Топоров В. Н.* К понятию «литературного урочища» // Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллинн, 1988.

²²⁰ *Богданов А.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. Спб., 1779. С. 422.

привезено в царствующий град Санктпетербург и погребено в Троицком Невском монастыре апреля 10 дня 1719-го.

Подобные надписи, помещавшиеся на надгробных плитах, обычно сводятся к перечислению чинов и заслуг, а когда в отдельных случаях говорят о добродетелях почившего, то лишены эмоционального тона. С 1740-х гг. прозаическим надписям начинают сопутствовать надписи стихотворные. Первоначально они пишутся вполне в духе силлабической эпитафии рубежа XVII–XVIII вв. и, дублируя прозаическую надпись, повторяют послужной список почившего. Такова эпитафия 1744 г. грузинского князя Стефана:

Аз тысяща семь сот двадцать девята лета
В 28 ноября жителем стал света.
А год, месяца семь сот был сорок четвертый,
13 июля, как вкусил я смерти.
В Голландии живота я тогда лишился,
Когда дел отечеству полезных учился,
При российском министре с братом, что в середине
Зде же лежит погребен в день и час единый.
В том только разнство, что мя мать несчастлива
В Голландию приехав, не застала жива,
А брата хотя здрава привезла с собою,
Но умершаго вскоре погребе со мною.
И тако с братом меньшим с малым трема годы
Оба здесь положены. Кия ж мы породы,
На отеческом сие гробе ты узнаешь,
Когда надпись полную тамо прочитаешь.

(Лазаревское кладбище)

Этот монолог от первого лица позволяет проиллюстрировать главную особенность «кладбищенской поэзии» вообще, а именно значительную степень консервативности жанра. Точно такие силлабические эпитафии известны как по московскому некрополю конца XVII в., так и по некрополям даже второй половины XVIII в., расходясь иногда лишь в деталях биографии. Эта консервативность объясняется, в частности, упоминавшейся особенностью поэтики кладбищенского слова: монотематизм жанра невольно приводит к повторению метафор, сравнений и устоявшейся поэтической фразеологии. Огромную роль играет и литературная традиция. Разумеется, в «высокой» поэзии приверженность традиции никак не стесняет поэта, но в массовой кладбищенской поэзии начинают действовать те же законы, которые отмечаются в художественном примитиве: хотя безвестные авторы эпитафий и соотносят свои тексты с существующим каноном, литературные достоинства почти всегда отступают на второй план перед выражением чисто человеческих чувств. Старые формы застывают и тиражируются, клише – самая характерная черта массовой эпитафии.

Однако замечательно, что в петербургском некрополе силлабических эпитафий значительно меньше, чем в московском, не говоря о провинциальном, в котором «протокольные» силлабические эпитафии встречаются до начала XIX в. Это вполне понятно – создаваемая в столице новая культура петербургского периода русской истории самым прямым образом сказывалась на кладбищенской литературе. В Петербурге уже с середины века зарифмованная биография начинает сменяться надписями панегирического и элегического характера. Меняется и соотношение прозы и стиха в надписях.

Сложились два типа панегирических надписей. Более распространенная представлена на серебряной гробнице Александра Невского, сооруженной в 1747–1752 гг., – подробная прозаическая надпись и стихотворная эпитафия, написанная М. В. Ломоносовым:

Святой и храбрый князь здесь телом почивает;
Но духом от небес на град сей призывает
И на брега, где он противных побеждал
И где невидимо Петру споспешествовал.
Являя дочь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого серебра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

Второй тип, явно ориентированный на гуманистическую надпись эпохи Возрождения, представлен на надгробии самого Ломоносова (Лазаревское кладбище), В. К. Тредиаковского (Смоленское кладбище), а в середине 1800-х гг. – М. Н. Муравьева²²¹. Обычно это двуязычная надпись на русском и латинском языках, представляющая собой торжественную прозу.

Более заметно изменение соотношения стиха и прозы в надписях элегических, например на надгробии поэтессы А. Ф. Ржевской (1769 г., Лазаревское кладбище)²²². На нем всего три надписи: две прозаические и одна стихотворная. Первую краткую прозаическую надпись можно назвать опознавательной-биографической, вторая – это уже развернутая похвала добродетелям и талантам, повторенная еще и в большой стихотворной надписи, но в другой интонации, интонации философско-медитативного размышления, завершающегося сентенцией:

Супруг в ней потеряв любовницу и друга,
Отчаясь слезы льет и будет плакать век.
Но что ж ей пользы в том? Вот, что есть человек.

²²¹ Ср.: Топоров В. Н. Материалы к русской стихотворной эпитафии // Конференция «Балтославянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд»: Тезисы докл. М., 1985. С. 117–118.

²²² Эпитафию ей, также элегическую, написал Сумароков. См.: Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. М., 1787. Ч. 9. С. 141.



Надгробие М. В. Ломоносова на Лазаревском кладбище

С этой эпитафией сходна по структуре надпись на могиле Ф. Ф. Дубянского (1774 г., Лазаревское кладбище):

Для общества кто жизнь полезну проводит
И во младых летах нечаянно скончает, —
Достойно ль сожалеть о случае таком,
Коль многого и вдруг лишаемся мы в ком?
Лежащий в гробе здесь кем ни был в свете знаем,
Днес в горестных слезах он всеми вспоминаем.

Сей ревностно по смерть отечеству служил,
Любя всех искренно, всегда добро творил.
Почтенный в свете муж ничем не был прельщенный,
Хранил законы все граждански и священные;
Делами так сиял, презревши ложь и лесть,
Что вечно процветет его хвала и честь.
Но ах! Дубянский сам теперь сего не внемлет!
Едины лишь от нас с желанием приемлет
Усердные иметь молитвы пред Творцом,
Чтоб увенчал его небесных благ венцом.
Внемли ж, Всевышний, нас с молением сердечным
И в небе награди его блаженством вечным.

Эпитафии крупных поэтов XVIII в. (Ломоносова, Сумарокова и др.) несомненно оказали влияние на общее развитие жанра в петербургском некрополе, однако их надписи появляются на надгробиях сравнительно редко. Новые образцы, в том числе опубликованные в журналах, тиражируются на кладбищах уже почти профессиональными сочинителями эпитафий. С одним из них, В. Г. Рубаном, связано появление нового типа эпитафии (чаще всего крупному чиновнику), в котором отчасти воскрешаются черты силлабического панегирика, при этом надпись прозаическая сведена до минимума. Типична его эпитафия А. В. Олешеву (1788 г., Лазаревское кладбище):

Чем Шпалдинг, де Мулин и Юнг себя прославил,
То Олешев своим соотчикам оставил.
Был воин, судия, философ, эконоом,
Гостеприимством всем его известен дом.
Жил добродетельно и кончил жизнь без страху.
Читатель, ты его воздав почтенье праху,
К Всевышнему мольбу усердну вознеси,
Да царствует его дух вечно в небеси²²³.

Многократное повторение этой схемы, сухой и безличной, сочиняемой обычно по заказу, и создало Рубану репутацию «надгробописца» (Д. И. Хвостов).

²²³ В данном случае эпитафия цитируется по автографу В. Г. Рубана (ОР ГПБ. Ф. 653, № 2, л. 71).



Надгробие И. М. Измайлова на Лазаревском кладбище



Надгробие М. Н. Муравьева на Лазаревском кладбище

К концу века обширные панегирические надписи, равно как и пышные гробницы, подвергаются осуждению. Эпитафия предромантизма оказалась более чуткой, чем силлабическая, к смене литературных вкусов. С восстановлением равновесия и пропорций между стихотворными и прозаическими надписями в петербургском некрополе получает распространение более привычный уже для XIX в. тип небольшой эпиграмматической эпитафии, в которой проявляется, а в эпоху сентиментализма закрепляется интимный характер публичного культа умерших. Впрочем, одной из первых была эпитафия А. П. Сумарокова А. П. Шереметевой (1768 г., Лазаревское кладбище):

А ты, о Боже, глас родителя внимли!
Да будет дочь его, отъятая судьбою,
Толико в небеси прехвальна пред тобою,
Колико пребыла прехвальна на земли.

Избавленные от биографических и служебных подробностей, эти эпитафии строятся на обыгрывании противопоставлений «жизнь—смерть», «душа—тело», «земля—небеса» и др. Может быть, особенно наглядны двустушия драматургам Я. Б. Княжнину (1791 г., Смоленское кладбище):

Твореньи Княжнина Россия не забудет,
Он был и нет его; он есть и вечно будет.

В. И. Лукину (1794 г., Лазаревское кладбище):

Я умер! Здесь мой сокрыт во гробе прах.
Я духом жив и буду жить у искренних друзей в сердцах.

В 1810-х гг. четверостишие становится основной формой эпитафии. Она приобретает характер дружеских или родственных переживаний, «герой» стихотворной надписи совершенно освобождается от социальных характеристик, как в эпитафиях Г. Р. Державина – поэту и одновременно крупному чиновнику М. Н. Муравьеву (1807 г., Лазаревское кладбище):

Дух кроткий, честный, просвещенный,
Не мира гражданин сего
Взлетал в селении священный,
Здесь друга прах почит моего²²⁴.

или жене (1794 г., Лазаревское кладбище):

Где добродетель? Где краса?
Кто мне следы ее приметит?
Увы! здесь дверь на небеса...
Сокрылась в ней – да солнце встретит!

Кладбищенская литература далеко не сразу стала осознаваться «сниженным культурным фондом», некрополь как раз в литературной своей части тесно связан с текущей литературой. Эпитафия одновременно «публиковалась» на надгробной плите и на журнальных страницах, как, например, эпитафия поэту М. В. Милонову (1821 г., Георгиевское кладбище) В. И. Панаева:

У славы, у надежд отчизны похищенный,
Погибший в цвете лет, Милонов здесь лежит.
В чью грудь доступен огонь поэзии священной,
Тот искренней слезой прах юноши почтит²²⁵.

²²⁴ В бумагах поэта сохранился несколько отличный текст, см.: *Державин Г.* Стихотворения. Л., 1933. С. 369.

²²⁵ Ср.: *Благонамеренный*. 1821. № 23/24. С. 286.

Кладбища, гробницы, мавзолеи, надписи – постоянные темы журнальных публикаций; «прогулки на кладбище» – характерный литературный жанр конца XVIII-первой трети XIX вв. Литературная репутация эпитафии была очень высока: после смерти И. Ф. Богдановича (1803 г.) Н. М. Карамзин объявил в «Вестнике Европы» конкурс на лучшую эпитафию, а кончина А. В. Суворова вызвала целый цикл эпитафий от обширной биографически-панегирической А. С. Шишкова²²⁶ до двустихия Н. И. Гнедича:

Ты ищешь монумента?..
Суворов здесь лежит²²⁷.

Хотя текст надписи был избран еще самим Суворовым в разговоре с Державиным – «Здесь лежит Суворов».



Надгробие А. А. Полянского на Лазаревском кладбище

В классицистической эпитафии XVIII в. звучал пафос гражданственности и честно исполненного долга. Это можно заметить еще в стихах на памятнике адмиралу П. И. Ханькову на Лазаревском кладбище (1812 г.):

Здесь старец опочил, благословенный свыше,
Вождь сил, носящийся с громами по морям,
Он был в день брани – лев, в день мира агнца тише,
России верный сын, слуга и друг царям.
Он с верою протек путь жизни скорбный, тесный,

²²⁶ Ср.: Поэты 1790– 1810-х годов. Л., 1971. С. 359–361.

²²⁷ Гнедич Н. Стихотворения. Спб., 1832. С. 204. О специфике жанра см.: Кормилов С.И. Русский лапидарный «удетерон» и моностих // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 50. М., 1991. С. 124–134.

И в смерти с верою сподобен торжества.
За подвиг на земли приял венец небесный
И славой воссиял во свете Божества.

Своеобразной реминисценцией «послужных списков» эпитафий прошлого века является надпись на могиле Г. С. Лебедева, похороненного в 1817 г. на Георгиевском кладбище. Стихи на памятнике известному путешественнику и исследователю Индии гласят:

Сей муж, с названием согласно,
Три части света пролетел;
Полет он делал не напрасно
Во отдаленнейший предел;
Он первый из сынов Российских
Восточну Индию проник
И, списки нравов сняв индийских,
В Россию их принес язык.
Без всех ума образований,
Толь важный совершил полет;
Состав от Индских мурований
Небезуспешно выдал в свет.
Судьба всеобща упредила
Труды покоем наградить.
Супруга нежна рассудила
Сей памятник соорудить.
Да сим любви ее залогом
Пришельцев убедить земных,
Да с нею воздохнуть пред Богом,
Ему желая мест святых.

Однако для первой трети XIX в. более типичны тексты, абстрагирующиеся от биографических реалий. Эпоха романтизма поднимает в стихотворном жанре эпитафии вечные вопросы жизни и смерти, любви и веры.

Ни тяжкая земля, ни камень гробовой
Души бессмертныя не окуют полета.
Она, как узница от цепи роковой.
Летит в безбрежну даль сияния и света.

Земная жизнь, как тяжкий плен стесняет.
Удел земли – мятеж и суета.
Но в дебрях жизни сей нас грустных утешает
Животворящее сияние креста;

За ним, христианин, – сотрешь сей жизни бремя,
За ним, туда, где зародилось время,
Отколь связует все цепь древняя веков;
Тебя, как сына, там ждет вечная любовь!

Это стихи на памятнике участника Отечественной войны 1812 г. князя Б. А. Голицына на Лазаревском кладбище (1822 г.). С ними перекликаются проникнутые религиозным чувством строки эпитафии В. Ф. Резановой (1820 г.):

Хранитель Ангел твой, как сирота, унылой
Невидимо живет над мирной здесь могилой.
И посреди молитв, близ урны притаясь,
К тебе друзей твоих приход благословляет,
Их слезы о тебе, их вздохи собирает
И ждет в томлении, когда ударит час —
И спящих под землей пробудит Бог трубою!
И явится на суд Сопутник твой с тобою?

В контексте романтизма приобретает особую выразительность мотив будущей – за гробом – встречи любящих душ:

Супруга милая, тебя уж нет со мной,
Дни счастья моего с тобой навек сокрылись!
Так что ж осталось в сей участи мне злой?
Желать, чтоб в вечности скорей мы съединились.

(1808 г., Лазаревское кладбище, княгине А. И. Урусовой)



Надгробие В. Я. Чичагова на Лазаревском кладбище



Надгробие А. Н. Оленина на Тихвинском кладбище

Другой столь же постоянный мотив: на тех, кого призывает к себе Бог, лежит печать избранника:

Бесценной супруге
Ты жизни цену мне прямую показала,
Ты год блаженства мне небесного дала.
Но ангел кроткий наш, Ты нам на миг сияла
И к ангелам в свое отечество пришла.

(1823 г., Смоленское кладбище, А. П. Инглис)

Характерен также для эпитафии романтизма экспрессивный взрыв, выражение безудержного горя и потрясения. Стихи мужа на памятнике А. А. Лобановой:

И дружба, и любовь, и самый прах мне милой —
Все, все поглощено могилой.

(1836 г., Ново-Лазаревское кладбище)

Стихи на памятнике Е. Л. Владимировой (рожд. кн. Шаховской), о которой сообщается, по обычаю тех лет, что в замужестве она была 9 месяцев и 11 дней:

Мой друг, как ужасно, как сладко любить!
Весь мир так прекрасен, как лик совершенства.

(1836 г.)

Нельзя не заметить достаточно высокий литературный уровень эпитафии начала XIX в., по преимуществу анонимной, но находящейся в русле настоящего поэтического искусства. В отличие от дежурных эпитафий «надгробописца» Рубана, стихотворные тексты, создававшиеся известными поэтами XIX в., имеют вполне определенный повод для написания, адресованы к друзьям и близким. Так, А. С. Пушкин в 1828 г. пишет эпитафию младенцу Николеньке Волконскому, сыну декабриста С. Г. Волконского и М. Н. Волконской (рожд. Раевской), уехавшей вслед за мужем в Сибирь:

В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

И. А. Крылов сочинил надгробную надпись на памятник Е. М. Олениной, к которой относился с большой признательностью и уважением; это были последние стихотворные строки, сочиненные Крыловым. На памятнике А. Н. Оленина сохранилась эпитафия, написанная А. П. Керн, приходившейся племянницей его супруге. Заслуживает внимания жанр эпитафии в творчестве П. А. Вяземского. В некрополях Александро-Невской лавры сохраняются памятники с его стихотворными надписями. Одна посвящена двадцатилетнему поручику Семёновского полка Владимиру Смирнову, прошедшему поля сражений Отечественной войны и неожиданно скончавшемуся в 1815 г. в родительском доме:

Цвет юности его в боях судьба щадила,
При взорах матери ждала его могила.
Таинственной руки непостижим закон!
Едва приветствуем семейством дружным он,
И сей привета глас – глас вечного прощанья:
Болезнью свержен он на хладный одр страданья.
От юного чела отринуть не могли
Удара плач сестер, родителей стенанье.
Покойся, добрый сын, минутный гость земли!

Утешьтесь, мать, отец! За гробом есть свиданье.

Романтическая идеализация, однако, превращается в штамп, риторическую фигуру, не имеющую отношения к реальной действительности. На памятнике графа А. И. Моркова, не блиставшего дипломатическими и государственными заслугами, его внебрачная дочь, унаследовавшая значительное состояние, поместила следующие анонимные стихи:

Поборник истины, блюститель правоты,
Служил, как верный сын, Отечеству, престолу,
Как столп, недвижим, непреклонен долу
Высокий, тонкий ум и сердца доброты
Всегда он озарял чистейшею душою;
Был славен на земли, но верою святою
В прекрасных днях своих стремился к небесам;
Здесь в памяти живет, а дух бессмертный – там;
Дочь благодарная печалью сражена,
Лежит едва дыша у праха ей священна.
Лежит и молится и про себя, и вслух,
Да в лоне Божиим его почит дух.

(1827 г., Лазаревское кладбище)



Надгробие А. Бозио на Выборгском римско-католическом кладбище



Надгробие А. И. Моркова на Лазаревском кладбище

Романтическая поэтика обнаруживает себя и в постоянных, устойчивых (до навязчивости) рифмах: друг – супруг, могила – разлучила, прах – слезах и т. п.; в обращении к традиционному, многократно испытанному арсеналу образов. Вот эпитафия на могиле сестер Е. А. и М. А. Бек. Одна умерла девицей, другая – матерью четверых детей:

Одна развиться не успела,
Другая пышно расцвела —
Лишь утра блеск одна узрела,
Другая в полдень отцвела.

Так улететь спешат две розы
Дыханьем чистым в небеса;
Их цвет лишь прах; как наши слезы,
На них алмазная роса.

(1834 г., Лазаревское кладбище)

Другой романтический штамп:

Жизнь! Ты море и волненье,
Смерть! Ты пристань и покой;
Будет там соединенье
Разлученных здесь волной.

(1834 г.)

Эпитафия как литературная форма и факт бытовой культуры по природе своей явление не собственно русское, заимствованное. В качестве художественного текста эпитафия, даже в пору расцвета жанра – в конце XVIII—начале XIX вв. – встречается лишь на городских кладбищах, богатых дворянских и купеческих надгробиях. Не случайно кризис жанра совпал с кризисом романтизма, художественного направления, поэтику которого жанр эпитафии наиболее органично воспринял.

Примечательно, что именно в поэзии романтиков отразилось ощущение противоречия между клишированными образами текстов эпитафий и непосредственностью чувства, связанного с могилой близкого человека.

Н. М. Языков в 1829 г. завещал:

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой.
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

(«Песня»)

Поэт-романтик Д. Струйский писал в 1841 г.:

Крест деревянный над могилой
Какой-то мирной простотой
Влечет к себе мой дух унылый —
И верю я: он друг прямой.
Но с эпитафией слезливой —
На светлом мраморе венец,
Из меди вылит горделивой, —
Мне подозрителен, как льстец.

(«Предубеждение»²²⁸)

²²⁸ Пантеон. 1841. № 6. С. 83.

Еще определеннее эта мысль прозвучит в «Завещании» Н. В. Гоголя: «Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном»²²⁹.



Надгробие Ф. И. Шуберта на Смоленском лютеранском кладбище

С иронией об «общеупотребительных на могилах среднего люда кладбищенских стихах» говорит Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых», смеется над ними и Марко Вовчок в романе «Записки причетника». Как известно, могила Л. Н. Толстого лишена какой-либо надписи. Но, пожалуй, с наибольшей резкостью и идеологической направленностью об этом предмете высказывался Н. С. Лесков: «...скромному и истинно святому чувству нашего народа глубоко противно кичливое стремление к надмогильной монументальности с дутыми эпитафиями, всегда более или менее неудачными и неприятными для христианского чувства. Если такая претенциозность и встречается у простолюдинов, то это встречается как чужеземный нанос – как порча, пробирающаяся в наш народ с Запада, – преимущественно от немцев, которые любят «возводить» монументы и высекать на них широковещательные надписи о деяниях и заслугах покойника. Наш же русский памятник, если то кому угодно знать, – это дубовый крест с голубцом – и более ничего. Крест ставился на могиле в знак того, что здесь погребен христианин; а о делах его и значении не считают нужным писать и возвещать, потому что все наши дела – тлен и суета. Вот почему многих и самых богатых и почетных в своем кругу русских простолюдинов камнями не прессуют, а «означают», – заметьте, не украшают, а только «означают» крестом. А где от этого отступают, там, значит, отступают уже от своего доброго родительского обычая, о котором весьма позволительно пожалеть»²³⁰. Лесков завещал похо-

²²⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8. М.-Л., 1952. С. 219.

²³⁰ Лесков Н. С. Карикатурный идеал // Собр. соч. Т. 10. М., 1958. С. 214–215.

ронить его «самым скромным и дешевым порядком», просил никогда не ставить на могиле «никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста»²³¹.

Уже из этих свидетельств ясно, что во второй половине XIX в. сложились новые общественные и общекультурные условия, прямо или косвенно отразившиеся в том частном факте, что число эпитафий, особенно стихотворных, резко уменьшилось. В 1840-е гг., в эпоху прозы, «натуральной школы», анализа, критики, публицистики, – чувствительные надписи на памятниках воспринимаются как анахронизм.

В то же время усиление позиций ортодоксального православия отражается в широком цитировании на памятниках церковных текстов, вытесняющих светскую эпитафию. Наиболее часто использовались тексты из Евангелий: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф., 5, 8), «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф., 11, 28), «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк., 10, 14) и др. Тексты эти становятся столь функционально устойчивы, что иногда не воспроизводятся, а дается лишь отсылка на главу и стих Евангелия.

В некоторых эпитафиях зарифмованы упоминания о конкретных видах деятельности погребенного. На могиле неизвестного, имеющего отношение к кровельному делу:

Я крыл и храмы, и дворцы,
Простите, братия отцы²³².

Над смотрителем Волковского кладбища А. А. Худяковым (1879 г.) положен камень с такой надписью:

Прохожий, здесь лежит смотритель.
Живых он в горе утешал.
А мертвых в вечную обитель
Сам каждодневно провожал.
17 лет он здесь трудился,
Квартиры мертвым отводил.
Когда же с жизнью распростился
И бранный труп его остыл,
Он сам в квартире стал нуждаться,
Таков, знать, час уже пришел.
А новый
Квартиру здесь ему отвел.

Но, пожалуй, один из самых оригинальных в Петербурге надгробных памятников – книгоиздателю И. Т. Лисенкову на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Литераторам-современникам он был хорошо известен: родом с Украины, никакого образования не получил, но всю жизнь провел с книгой, издал Гомера в переводе Гнедича, Шевченко, Котляревского. Рядом с Гнедичем он и купил себе заранее место для могилы, установив на месте будущего погребения гранитный саркофаг, со всех сторон испещренный стихотворными и прозаическими текстами. Подбор их явно свидетельствует о вкусах заказчика, имени которого, как и даты смерти (1881 г.), на памятнике нет.

²³¹ Подробнее о завещании и похоронах Лескова см.: Чудинова Л. Г. Лесков в Петербурге. Л., 1975. С. 250.

²³² Историко-статистические сведения о Санктпетербургской епархии. Вып. 4. Спб., 1875. С. 149.

Фрагменты пространной лисенковской автоэпитафии, сохранявшей популярность в течение более чем столетия, воспроизводились на различных памятниках уже в XX в. Приведем некоторые из этих текстов.

Уходит человек из Мира,
Как гость с приятельского пира;
Он утомился кутерьмой;
Бокал свой допил, кончил ужин,
Устал – довольно! отдых нужен:
Пора отправиться домой!
Прохожий! Бодрыми ногами
И я ходил здесь меж гробами,
Читая надписи вокруг,
Как ТЫ мою теперь читаешь...
Намек ТЫ этот понимаешь.
Пр<ощай> же!.. До св<иданья>, д<ру>г!

Золотые правила жизни: I. Употребил труд, храни мерность – богат будешь. II. И воздержно пей, мало яждь – здоров будешь. III. Делай благо, бегай злаго – спасен будешь.

Река времён в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, Царства и Ц<ар>ей.
Неувядаемые цветы —
Живая речь поэзии:
К гробам усопших приступая,
Сознай, сколь тщетна жизнь земная,
И твердо в жизнь иную верь!
Что смертный? Бренный злак в пустыне.
Я тем был прежде, что ТЫ ныне,
ТЫ будешь тем, что я теперь.
Гробницы, гробы здесь на явке
Стоят, как книги в книжной лавке,
Число страниц их видно ВАМ;
Заглавье каждой книги ясно;
А содержание беспристрастно,
Подробно разберется ТАМ!

Но здесь Нева где вечно плещет о гранитные брега грядущим Векам,

Не посещай сих мест без нужды
С житейской радостью твоей:
Разочарованному чужды
Воспоминанья прежних дней.

В себе заблужденья не множь:
Не заводи о прежнем слова,
Моей дремоты не тревожь:

Бывалого не воротишь снова.

Я сплю, мне сладко усыпление.
Забудь бывалые мечты:
Оне одно лишь волнение,
Их не пробудишь ты.

На памятниках второй половины XIX в. встречаются надписи яркие, неординарные, как и те личности, о которых они говорят миру. Афористическая эпитафия на памятнике Н. И. Уткину, профессору Императорской Академии художеств (1863 г.):

Художник-человек – он в простоте сердечной
Талантом сочетал земную славу с вечной.

У поэта-сатирика В. С. Курочкина начертаны стихи (1875 г.), написанные его братом Николаем Курочкиным:

Честным я прожил певцом,
Жил я для слова родного.
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого

В жизни прошел я путем;
Пел и боролся со злом
Силой я смеха живого.

Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

Взрыв интереса к поэзии на рубеже XIX и XX вв. бросил отсвет и на кладбищенские стихи. Произошло это прежде всего потому, что тема смерти занимает заметное место в творчестве поэтов-символистов и «преодолевших символизм». Стихотворения под названием «Эпитафия» есть у А. Белого, Ю. Кричевского, В. Зоргенфрея и у многих других. Снова на памятниках появляются большие по объему эпитафии, например:

I

Держа в руках немые иммортели,
С венком из красных роз на черных волосах,
Она придет и станет у постели.
В ее внимательных и ласковых глазах
Прочту я то, о чем мне столько лгали,
Прочту я все без боли и печали,
И будет в сердце радость, а не страх.

II

Мне так близка и так желанна тайна,
Страшущая других пугливые сердца

Тем, что она всегда необычайна.
Впиваясь в красоту нездешнего лица,
Приподнимусь, торжественный и строгий,
И протяну ей руки без тревоги
В предчувствии покоя и конца.

III

В последний миг рассудок не обманет,
Спадет завеса с глаз и будет даль ясна,
И первая последней встречей станет,
И чашу хрупкую, что выпил я до дна,
Моя рука бестрепетно уронит,
И звон стекла разбитого утонет
Там наверху, где вечно тишина

(1917 г., Смоленское кладбище, А. И. Ушаковой)

Собственно, это – лирическое стихотворение с обозначенным авторством – Герман Лазарис. Вероятно, не являясь эпитафией по авторскому замыслу, оно стало эпитафийным по способу воспроизведения.

Использование неэпитафийных текстов на надгробных памятниках – интересный аспект темы связи «реальной эпитафии» с «большой литературой». Это может быть стихотворение на случай: как, например, на памятнике министру А. М. Княжевичу на Смоленском кладбище (1872 г.) выбиты строки написанного за тридцать лет до того стихотворения В. Г. Бенедиктова к пятидесятилетию этого государственного деятеля.

Если поэты XVIII—начала XIX вв. писали стихи именно для воспроизведения их на надгробных памятниках, то к середине прошлого века жанр «реальной эпитафии» вытесняется лирическими стихотворениями типа «На смерть...», «Памяти...», «У могилы...» и т. п. А цитаты из этих надгробных элегий могли быть воспроизведены позднее на памятниках, чаще всего независимо от воли автора. Так многократно происходило с Некрасовскими строками: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!», с Никитинскими: «Тише... О жизни покончен вопрос. Больше не нужно ни песен, ни слез...». Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гёте»:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна —

были выбиты на памятнике «генералу от артиллерии» на Никольском кладбище (1912 г.). Песенный «Вечерний звон» И. И. Козлова – на Волковском, у престарелой дамы (1916 г.). Возможно, это был ее любимый романс. В XX в. обращение к песенным текстам как эпитафиям будет частым, что можно объяснить влиянием массовой культуры.



Надгробие М. Я. Мудрова на Выборгском холерном кладбище

Эпитафия – жанр не только художественный, но в какой-то степени и документальный, опирающийся на реальную биографию или личностные черты. В этой связи использование или цитирование известных литературных текстов в ряде случаев не могло не приводить к их искажению, переименованию, приспособлению к конкретным обстоятельствам. Через два века прошли и дожили до наших дней в многочисленных вариациях и в самых свободных стиховых объемах эпитафии – изначально шестистишная «Прохожий, ты идешь, но ляжешь так, как я...» П. И. Сумарокова²³³ и моностих «Покойся, милый прах, до радостного утра...» Н. М. Карамзина.

Стихи на памятнике актрисе В. Н. Асенковой:

Все было в ней: душа, талант и красота,
И скрылось все от нас, как светлая мечта, —

перекликаются как с первоисточником с эпитафией А. Е. Измайлова С. Д. Пономаревой (1824 г.):

Все скрыто здесь: и ум и красота,
Любезность, дарованья,
Вкус тонкий, острота,
Приятные и редкие познания
И непритворная, прямая доброта²³⁴.

²³³ Об авторстве Сумарокова см.: Николаев С. И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров: Эпитафия // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 50.

²³⁴ Измайлов А. Е. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1890. С. 386.

В свою очередь перефразированная асенковская эпитафия почти через четыре десятилетия (1878 г.) появляется на Волковском кладбище как фрагмент очень искренней, но наивной и эклектичной («сборной») в стилевом отношении надгробной надписи над могилой юноши:

Прощай, Коля, милый, добрый, ненаглядный.
Зачем так рано покинул мать
Тебе в жизни все улыбалось
Тебе только жить да радоваться
А не в сырой могиле лежать.
В тебе был ум, талант и красота
И все прошло для меня как светлая мечта

Спи мой ангел незабвенный
Быть может скоро я
Оставлю путь сей тленный
И увижу там тебя.

Повсеместно распространена в многочисленных вариантах эпитафия:

Покойся, друг души бесценной,
В стенах обители святой.
Приидет час благословенный,
И мы увидимся с тобой.

На петербургско-ленинградских кладбищах она встречается: на Лазаревском (1833 г.), на Волковском (1848, 1859 гг.), на Смоленском и Новодевичьем – многократно (конец XIX – начало XX вв.), на Охтинском (1950-1960-е гг.), на кладбищах других городов (XX в.). По способам бытования тексты такого типа сродни уже фольклорным жанрам.

Другая грань соприкосновения с «большой литературой» – это, условно говоря, автоцитация, т. е. воспроизведение на надмогильном памятнике слов или стихотворных строк из произведений похороненных здесь авторов. В первой половине XIX в. примеры тому единичные. На Тихвинском кладбище:

Гнедичу обогатившему
русскую словесность
переводом Омира

речи из уст его вещей
сладчайшая меда, лилися

Илиада II. 1. С. 249
От друзей и почитателей

Е. А. Боратынский (1800–1844):

Господи, да будет воля Твоя!
В смиреньи сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.

Его слова.

Во второй половине века цитация становится все привычнее и обильнее. Декламационно-афористические строки на памятнике С. Я. Надсону:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Не говорите мне: он умер.
Он живет; Пусть жертвенник разбит – огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана – она еще цветет,
Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!
Он в песнях боролся с тяжелой мглой,
Он в песнях с измученным братом страдал.

В начале XX в. эпитафия-цитата живым словом литератора спорит с самой смертью: «Понять закон развития вовсе не значит слепо подчиниться ему» (Филиппов М. М., 1903 г., Волковское кладбище); «И все же мы живем и даже хотим жить, будем жить...» (Соловьев (Андреевич) Е. А., 1905 г., Волковское кладбище); «Жить тысячу жизней, страдать и радоваться тысячу сердец – жить где настоящая жизнь и настоящее счастье» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, 1912 г., Никольское кладбище).

На памятниках композиторам – начиная с М. И. Глинки – воспроизводятся, как правило, нотные тексты. Выбор музыкальных фраз очевидно не случаен: они ключевые для творчества музыкантов, как хор «Славься» у Глинки, монолог Пимена на памятнике Мусоргского, цитата из «Богатырской» симфонии Бородина и т. д. На многих памятниках деятелям, связанным с литературой и публицистикой, в конце XIX – начале XX вв. помещаются перечни их наиболее значительных произведений и изданных трудов (писателей И. В. Федорова-Омулевского, Н. А. Панова, юриста В. Р. Завадского, военного историка С. Н. Шубинского и др.).

Эпитафия до известной степени продолжает выполнять информативную функцию, но значение ее как оригинального литературного жанра в памятниках частным лицам в XX в. умалается.

В любую эпоху жизни некрополя типы эпитафий клишируются, но общее выражение его лишено монотонности, так как новые типы надписей не просто соседствуют со старыми, но вступают с ними в переключку, выходя за рамки собственно некрополя.

Ю. М. Пириутко

КЛАДБИЩА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

(Площадь Александра Невского, 1)

Направляясь в сторону лавры по Невскому проспекту, издалека видишь замыкающее перспективу здание надвратной Скорбященской церкви с невысоким куполом и фронтоном над аркой проезда, обрамленной пилястрами. Справа и слева, за каменными оградами, полуциркулем охватывающими площадь, видны купы деревьев, кресты, памятники, часовни. Там – лаврские некрополи. В глубине вырисовывается башнеобразный силуэт Благовещенской церкви, а правее – мощный купол Свято-Троицкого собора. Архитектурный ансамбль Александро-Невской лавры формировался на протяжении всего XVIII в., в его создании принимали участие многие зодчие: Д. и П. Трезини, Т. Швертфегер, М. Земцов, П. Еропкин, И. Росси, М. Растрогуев, И. Старов.

Основание Александро-Невского монастыря в 1710 г., всего через семь лет после закладки Петербурга, имело особый смысл. С именем Александра Невского связана история многовековой борьбы русских людей за выход к Балтике. 15 июля 1240 г. на берегах Невы произошла битва новгородского войска, возглавляемого князем Александром Ярославичем, со шведами. В память об этой победе князь получил прозвание Невского. В XIV в. Александр Невский был приобщен русской православной церковью к лику святых.

В годы Северной войны 1700–1721 гг. почитание героя Невской битвы приобрело государственное значение. Мощи святого Александра Невского, погребенного во Владимире, в 1724 г. были торжественно перенесены в Петербург и помещены в монастыре, посвященном его имени.

Александро-Невский монастырь, получивший в 1797 г. титул лавры, наряду с Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лаврами входил в число наиболее известных обителей России. Это был центр духовного образования и благотворительности. В 1714 г. при монастыре открылась первая богадельня, с 1720 г. действовала типография, а «Славянская школа» (1721 г.) стала основой всех духовных учебных заведений города. С учреждением в 1742 г. самостоятельной петербургской епархии лавра стала резиденцией архиепископов (с 1783 г. – митрополитов), являвшихся, по традиции, настоятелями этого монастыря.

К началу XX в. при лавре действовали Духовная академия и семинария, Антониевское духовное училище, Исидоровское епархиальное женское училище, Александро-Невский дом призрения. Отдельное здание занимали богатейшая библиотека, архив и древлехранилище.

Архитектурный ансамбль Александро-Невской лавры занимает обширную территорию между площадью Александра Невского и Обводным каналом, разделенную речкою Монастыркой на две неравные части: северную, с музейными некрополями, и южную, где размещены основные монастырские строения.

Каменный городок на правом берегу Монастырки представляет собой каре из нескольких корпусов, окружающих трапезиевидный в плане двор с башнеобразными зданиями церквей на углах. В северо-восточной части, возле моста через Монастырку, возвышается старейшая каменная постройка в лавре – Благовещенская церковь. В двухэтажном объеме здания, увенчанного барабаном с двойным куполом, Благовещенская церковь, служившая усыпальницей, находилась на первом этаже. Верхний этаж – церковь св. Александра Невского, в которой с 1724 по 1790 г. (до переноса в Троицкий собор) покоились его мощи.

Обстройка монастырского двора шла «по часовой стрелке»: сначала к югу от Благовещенской церкви был выведен восточный фланг строения, затем заложили фундаменты для постройки южного фланга и т. д. В восточных корпусах – Духовском и Федоровском – разме-

щались монашеские кельи, трапезные и залы. С запада двор замкнут Митрополичьими палатами. Южный корпус – Семинарский; северный, выходящий к берегу Монастырки, – Просфорный. Симметрично Благовещенской в юго-восточном углу возведена Федоровская церковь. По сторонам Митрополичьего корпуса высятся Библиотечная (южная) и Ризничная (северная) башни.

Ансамбль монастырского двора – это архитектура русского барокко XVIII в., с его праздничностью, нарядностью, живописным размахом галерей с мелкой расстекловкой, вычурными капителями и изысканными по рисунку наличниками окон с букраниями (бычьими головами), высокими кровлями с изломом, звучным сочетанием багрянца стен с белизной декоративных деталей. Как мощный, стройный аккорд иной тональности, звучит здесь Троицкий собор, принадлежащий целиком к архитектуре иного периода – раннего классицизма, возвышенного и монументального в строгой лаконичности скульптурного декора. Первоначальное здание собора, строившегося с 1722 г., в 1755 г. было разобрано до основания. По новому проекту И. Е. Старова Троицкий собор возводили двенадцать лет – с 1778 по 1790 г.

С первых лет существования монастыря на его территории происходили погребения. Старейшее из монастырских кладбищ – Лазаревское, нынешний Некрополь XVIII века. На сто десять лет моложе бывшее Тихвинское кладбище – Некрополь мастеров искусств. Они находятся на левом берегу Монастырки. С 1861 г. существует Никольское кладбище, расположенное за Троицким собором, вдоль нынешнего проспекта Обуховской обороны. Ряд монастырских церквей (начиная с Благовещенской) строились как усыпальницы: Лазаревская, Духовская, Тихвинская, Федоровская, Исидоровская, Никольская. Погребения были одной из важных статей монастырского дохода. Средства, полученные от продажи места за могилу, шли на содержание духовной семинарии.

Богослужения в Александро-Невской лавре продолжались до 1935 г., хотя конфискация монастырских зданий началась с 1918 г., Троицкий собор, закрытый в 1932 г., через двадцать три года был возвращен церкви. В 1957–1960 гг. и 1986–1988 гг. в соборе проходили крупные реставрационные работы. Возрождено в полном блеске его великолепное внутреннее убранство: скульптуры и барельефы работы Ф. И. Шубина, росписи по эскизам Д. Кваренги, живописные полотна работы Г. И. Угрюмова, П. С. Дрожжина, Я. Меттенлейтера и др. В крипте Троицкого собора погребены ленинградские митрополиты Григорий (Чуков, 1870–1955), Елевферий (Воронцов, 1892–1959). 3 июня 1989 г. в храм были торжественно возвращены мощи святого благоверного великого князя Александра Невского, находившиеся с 1922 г. в фондах Музея истории религии и атеизма.

На основе богатейшего собрания надгробных памятников XVIII—начала XX вв. в Александро-Невской лавре в 1932 г. был создан музей-некрополь. С 1939 г. в его ведение перешли все памятники, монументы и мемориальные доски Ленинграда; отсюда его название – Государственный музей городской скульптуры. Не являются музейными объектами Никольское кладбище и кладбище на монастырском дворе, существующее с лета 1917 г. В последние годы на Никольском кладбище возобновлены захоронения.

Ю. М. Пирютко ЛАЗАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Вступая под арку Святых ворот под Скорбященской церковью, проникаешься ощущением прочности исторического ландшафта, сложившегося за стенами лавры и не претерпевшего существенных изменений в течение многих десятилетий.

Колоколов перезвон раздавался,
Как проходил он над лаврским мостом.
Вот и кладбище в стенах отбеленных...
И из-за стен на дорогу глядит
Много столбов и крестов золоченых,
Мраморы, бронза, порфир и гранит.

К. К. Случевский

Проезд между оградами некрополей, ведущий к 1-му Лаврскому мосту через реку Монастырку, вымощен брусчаткой и каменными плитами. В оградах симметрично расположены входные калитки. Слева – вход в Некрополь XVIII века.

Это место – своего рода ядро, от которого началось строительство Александро-Невского монастыря. Известно, что, когда в июле 1710 г. Петр I в сопровождении будущего архимандрита Невского монастыря, а тогда настоятеля новгородского Хутынского монастыря Феодосия (Яновского), А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина, И. А. Мусина-Пушкина осматривал местность, на двух берегах Черной речки были водружены деревянные кресты²³⁵. В 1712 г. на левом берегу заложили первую деревянную церковь. Она была освящена 25 марта 1713 г. в память Благовещения Пресвятой Богородицы и представляла собой квадратное здание, увенчанное барабаном со шпилем и крестом²³⁶. За ее алтарем с 1717 г. существовала небольшая каменная Лазаревская церковь – усыпальница.

Рядом начали строить мазанковые кельи, настоятельские палаты, хозяйственные службы и прочее «партикулярное строение», в основном готовое уже к 1714 г. Именно здесь, на месте будущего Лазаревского кладбища, располагался монастырь в то время, когда на противоположном берегу разворачивалось каменное «генеральное строение» по проекту Д. Трезини, утвержденному в 1715 г.

В 1712–1715 гг. от Адмиралтейства и монастыря на соединение с Московским трактом прокладывалась «перспективная дорога» (нынешний Невский проспект). Проезд по линии дороги через монастырский двор доходил до Черной речки, через которую в 1712 г. соорудили наплавной мост, переделанный два года спустя в подъемный²³⁷. Шесть мазанковых келий для монахов располагались попарно с левой стороны проезда. К ограде со стороны Невы примыкало здание монастырской канцелярии. Справа от проезда, на территории нынешнего Некрополя мастеров искусств, располагались настоятельские палаты и обширный сад с оранжереями²³⁸.

²³⁵ Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. СПб., 1913. Прил. С. 4.

²³⁶ РГИА. Ф. 815. Оп. 9. Д. 7/ 1860 г. Л. 2.

²³⁷ Там же. Л. 9.

²³⁸ Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 354.

Над главными воротами соорудили звонницу, которая к 1730-м гг. «весьма обветшала», и на ее месте в 1754 г. была по проекту М. Д. Расторгуева построена из дерева великолепная трехъярусная колокольня²³⁹. Со стороны Невы была еще одна колокольня, с мазанковым верхом и деревянным шпием.

Местоположение первой деревянной Благовещенской церкви можно установить по сохранившемуся каменному зданию Лазаревской усыпальницы, сооружение которой в конце XVIII в. началось на месте первоначального монастырского храма. Очевидно, в Благовещенской церкви и происходили первые погребения: П. Ушакова в 1714 г., А. М. Головина в 1718 г., Р. К. Арескина и Б. П. Шереметева в 1719 г., А. А. Вейде и Я. Ф. Долгорукова в 1720 г.²⁴⁰ Есть сведения, что в монастыре в 1718 г. был погребен знаменитый «князь-кесарь» Ф. Ю. Ромодановский²⁴¹.

В 1756–1758 гг. была построена новая деревянная Благовещенская церковь, к северу от прежней, тогда же разобранной. Она была пятиглавой, с галереей у входа, украшенной девятью колоннами²⁴². Первоначальные погребения в старой церкви не сохранились, за исключением могилы фельдмаршала Б. П. Шереметева, потомки которого дали средства на расширение Лазаревской церкви и сооружение нового памятника. Перестройка Лазаревской церкви происходила в 1787–1789 гг., когда оказалась разобрана и вторая деревянная Благовещенская церковь, служившая приходской (ее функции перешли к вновь построенной Скорбященской церкви).

А. И. Богданов в «Описании Петербурга», относящемся к середине XVIII в., упоминал кладбище в «Невском монастыре при деревянной церкви Благовещения Богородицы»²⁴³. К этому же времени относится упоминание в монастырском архиве о месте «за монастырем, где кладутся умершие»²⁴⁴. Очевидно, для жителей подмонастырской слободы существовало отдельное приходское кладбище, тогда как внутри монастырских стен погребали лишь по специальному разрешению.

В 1783–1786 гг. возвели Святые ворота монастыря – надвратную церковь во имя иконы Богоматери Всех Скорбящих Радости. Сооруженный по проекту И. Е. Старова храм стал центром ансамбля, возникшего на въезде в лавру со стороны Невского проспекта. Одновременно строились каменные ограды, определившие окончательные границы Лазаревского кладбища, целиком занявшего бывший монастырский двор²⁴⁵. Захоронения продолжались здесь вплоть до начала XX в.

Некрополь XVIII в. в большей степени, чем все остальные петербургские кладбища, сохранил свой исторически сложившийся ландшафт. Основные черты планировки, местоположение отдельных памятников, зафиксированных в описаниях лавры XVIII–XIX вв., остались неизменными. Облик кладбища определяют памятники, созданные в XVIII–первой половине XIX в., хотя сохранились и более поздние надгробия. Все это заставляет видеть в Лазаревском некрополе уникальный по целостности художественно-исторический комплекс.

Хотя в 1823 г. было основано Ново-Лазаревское кладбище, погребения продолжались в обоих некрополях. Духовный собор лавры в 1859 г. отмечал, что «кладбище Лаврское, имея в настоящее время еще весьма довольно свободного места, открыто не для всех, как городские кладбища, а погребаются здесь только немногие особы из подвизавшихся на поприще Госуда-

²³⁹ Русская архитектура первой половины XVIII века: Исслед. и материалы. М., 1954. С. 358.

²⁴⁰ Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 351.

²⁴¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 535.

²⁴² РГИА. Ф. 815. Оп. 5. Д. 74, 1756 г. ... Л. 23; Титов А. А. Дополнение к Историческому описанию Петербурга, сочиненному А. Богдановым. М., 1903. С. 68.

²⁴³ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... Пб., 1779. С. 460.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 5. Д. 74, 1756 г. Л. 23.

²⁴⁵ Там же. Оп. 7. Д. 34.

ревой службы и лица почетного звания, с согласия Начальства Лавры и по особенным уважениям; а при погребении, кроме исполнения общих по сему предмету узаконений, соблюдается еще и то, что могилы всегда обкладываются кирпичными стенами и сводами»²⁴⁶. Надгробия здесь неизменно отличались высоким качеством исполнения, богатством материала. Памятники для Лазаревского кладбища создавали И. П. Мартос, М. И. Козловский, И. П. Прокофьев, Ф. П. Толстой, мастера известнейших петербургских монументных мастерских Земмельгака, Трискорни, Мадерни. Однако ни высокий художественный уровень, ни бесспорное историческое значение надгробий не принимались монахами лавры во внимание. В 1860 г. на запрос Комиссии по устройству кладбищ лаврский ризничий отвечал, что «по тщательном осмотре через особо назначенных Собором лиц памятников, существующих на Лаврском кладбище, таких особенно замечательных, которые бы относились к прошлому столетию, нет»²⁴⁷.

О «забытых могилах» Лазаревского кладбища в 1907 г. писал историк искусства Н. Н. Врангель. «Когда знаешь жизнь тех, кто лежит под этими плитами, – поражаешься тем странным сплетением обстоятельств, которое соединяет и разъединяет людей. Как будто здесь собрались после смерти все те, кто когда-то составляли тесный кружок придворного общества. На маленьком пространстве старого Лазаревского кладбища погребена целая эпоха, целый мир отживших идей, почти все придворное общество Елизаветы, Екатерины и Павла. Здесь, над могилами этих людей, стоят памятники, плачущие женщины над урнами, молящиеся дети, вазы, саркофаги, дуб, сломанный грозой, – аллегорическое изображение погибшей молодой жизни»²⁴⁸.

Состояние «забытых могил» далеко не было образцовым. Мраморная скульптура разрушалась, памятники утопали в земле, расколотые надгробные плиты использовались для мощения дорожек и забутовки оснований под новые памятники. Множество надгробий, расположенных на тесном пространстве (менее гектара), оказались погребенными под последующими захоронениями. Захоронения на кладбище были прекращены в 1919 г., а с 1923 г. этот некрополь закрыли для посещения. Общество «Старый Петербург» взяло кладбище в аренду, начав там научно-исследовательские и реставрационные работы. Велись обмеры и фотофиксация памятников, составлен полный перечень сохранившихся надгробий.

В мае 1927 г. начались раскопки у западной стены Лазаревской усыпальницы. Инициатором этих раскопок был активист общества «Старый Петербург» Н. В. Успенский, ставший хранителем Лазаревского некрополя²⁴⁹. На глубине до двух метров найден целый ряд надгробных плит первой половины XVIII в., в том числе и древнейшие из сохранившихся надгробных памятников Петербурга – плиты И. И. и Д. Г. Ржевских (1710-1720-е гг.). Близ усыпальницы на месте раскопок оставлен приямок, позволяющий судить о толщине культурного слоя в некрополе. В 1929 г. обнаружено мощение клинкерным кирпичом главной дорожки, идущей от входа к Лазаревской усыпальнице. Велась реставрация наиболее пострадавших от времени надгробных памятников: Е. Я. Державиной и А. С. Попова.

В 1931 г. Наркомпросом РСФСР было выдвинуто предложение создать музеи-некрополи на базе Лазаревского кладбища в Ленинграде и Донского монастыря в Москве. Это было продиктовано реальной необходимостью: в связи с планами уничтожения ряда исторических кладбищ возникла опасность безвозвратной утраты многих исторических захоронений и ценных художественных надгробий.

²⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 800. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.

²⁴⁷ Там же. Л. 11.

²⁴⁸ Врангель Н.Н. Забытые могилы // Старые годы. 1907. Февр. С. 44.

²⁴⁹ Пирютко Ю.М. Первый хранитель пантеона // Ленингр. панорама. 1987. № 10. С. 37–38.

Уже в октябре 1931 г. на Лазаревское кладбище со Смоленского были перенесены останки скульпторов М. И. Козловского, Ф. И. Шубина и поэтессы Е. Б. Кульман²⁵⁰. Перевезли в некрополь и их надгробные памятники. В то же время начался вывоз наиболее ценных скульптурных памятников (без перезахоронений) с Волковских кладбищ (М. С. Таировой, Г. и И. Фредерикс). Несколько скульптурных и архитектурных надгробий перенесли с кладбища Сергиевой пустыни, обреченного на полное уничтожение.

Точную цифру перенесенных памятников в настоящее время указать невозможно, так как некоторые не переносились полностью, с них лишь снимались скульптурные детали; другие, из числа перевезенных на Лазаревское кладбище, позднее были перенесены в соседний Некрополь мастеров искусств; ряд памятников в процессе переноса был утрачен. В настоящее время на музейном учете в Некрополе XVIII века находятся сорок два памятника из числа перенесенных в 1932–1939 гг. Среди них надгробия И. П. Мартоса, Ф. Ф. Щедрина, В. Л. Боровиковского, А. Д. Захарова, Ж. Тома де Томона – со Смоленских кладбищ; К. И. Росси, А. Д. Литке – с Волковского лютеранского и т. д. Процесс перезахоронений, прерванный войной, продолжился в начале 1950-х гг., когда в Некрополь XVIII века были перенесены прах и надгробия академика Л. Эйлера – со Смоленского лютеранского, и академика А. К. Нартова – с упраздненного Благовещенского кладбища.

С декабря 1932 г. на территории Лазаревского некрополя начался снос памятников, не представлявших, по понятиям того времени, художественного и исторического интереса. Только в декабре 1932 г. было уничтожено двадцать пять памятников, в феврале 1934 г. – пятнадцать. Сносу подлежали главным образом надгробия, сооруженные в конце XIX—начале XX в.²⁵¹

Знакомясь с Лазаревским некрополем в его современном состоянии, надо учитывать, что далеко не все исторические захоронения пропали именно в 1930-е гг. Многие погибли в течение исторического существования кладбища, в ходе его естественного обновления. Сейчас в некрополе находится несколько десятков надгробных плит, найденных во время археологических раскопок и в начале XX в. считавшихся навсегда утраченными.

Единственное захоронение послереволюционного времени в Лазаревском некрополе – скульптора Л. В. Блезе-Манизера, скончавшейся в 1924 г.²⁵²

«Кладбище-музей надгробных памятников», как именовалось Лазаревское согласно Постановлению президиума Ленсовета от 23 июля 1932 г., в 1939 г. назвали Некрополем XVIII века, и оно стало частью экспозиции Музея городской скульптуры. Однако до самой войны посещение некрополя было возможно лишь в составе организованных групп. В первые послевоенные годы были проведены первоочередные работы по благоустройству некрополя, и с конца 1940-х гг. его открыли для посетителей.

В Некрополе XVIII века ведутся значительные реставрационные работы. В 1954–1955 гг. ряд уникальных скульптурных памятников, хранение которых на открытом воздухе представлялось губительным, перенесены в музейную экспозицию Благовещенской усыпальницы. Среди них надгробия Е. С. Куракиной и Е. И. Гагариной, детали памятников А. Ф. Турчанинову, А. С. Попову, М. С. Таировой.

В 1960–1980-е гг. в Некрополе произошло еще три перезахоронения. В 1967 г., когда отмечалось столетие со дня смерти Д. Кваренги, ленинградские историки попытались найти место захоронения великого архитектора на Волковском лютеранском кладбище. В результате специальных архивных исследований и археологических раскопок останки Д. Ква-

²⁵⁰ Архив ГМГС, журнал записей. 21.10.1931 г.

²⁵¹ Там же, записи от 17.12.1932 г.; 28.02.1934 г.

²⁵² Там же, запись от 21.10.1931 г. – об установке надгробия работы М. Г. Манизера.

ренги были обнаружены и перенесены в музейный некрополь²⁵³. В 1979 г. было проведено перезахоронение со Смоленского лютеранского кладбища выдающегося инженера и механика А. Бетанкура. Его надгробие в виде шестиметровой чугунной колонны, отлитой по проекту О. Монферрана в 1825 г., нуждалось в срочной реставрации. Эту работу провел Музей городской скульптуры, в некрополь которого и перенесли прах и памятник А. Бетанкура.

Наконец, в 1988 г. в некрополе были захоронены останки академика С. П. Крашенинникова, путешественника и исследователя Камчатки. Выдающийся ученый был похоронен на кладбище у Благовещенской церкви на Васильевском острове. При строительных работах, проходивших в 1955 г. на месте давно несуществующего кладбища, случайно была найдена часть надгробной плиты Крашенинникова. При вскрытии обнаруженного склепа найден череп, по которому ученики антрополога М. М. Герасимова воссоздали документальный портрет ученого²⁵⁴.

В настоящее время на территории Некрополя XVIII века сохранилось 1 126 памятников. До начала реконструктивных работ, по описи Лазаревского кладбища 1935 г., насчитывалось 1503 надгробия²⁵⁵.

Важнейшим источником, по которому можно установить, кто был погребен в этом некрополе, является рукописный «Хронологический список особ, погребенных в Александро-Невском монастыре» в трех томах, доведенный до 1916 г.²⁵⁶ Здесь помещены записи о погребениях с 1716 по 1916 г. на всех лаврских кладбищах и в усыпальницах – общим числом двенадцать тысяч двести восемь. Списки эти, однако, не полны. В них отсутствуют, например, ряд погребений, отмеченных в списках эпитафий Лазаревского некрополя в «Описании Петербурга» А. И. Богданова и В. Г. Рубана 1779 г. Около четырехсот памятников XVIII – первой половины XIX в., не отмеченных в «Хронологическом списке», находятся сейчас на территории Некрополя XVIII века.

Не имея возможности дать полный перечень утрат, назовем лишь некоторые; захоронения XVIII в. в большинстве исчезли еще в прошлом столетии:

Аргамаков Алексей Михайлович. 1711–1757. Директор Московского университета, советник мануфактур-коллегии.

Арескин Роберт Карлович. 1677–1718. Лейб-медик, президент Аптекарской канцелярии.

Бегер Федор Федорович. 1790–1861. Томский гражданский губернатор, начальник горных Алтайских заводов.

Болтин Иван Никитич. 1735–1792. Историк, государственный деятель.

Вейде Адам Адамович. 1667–1720. Генерал, сподвижник Петра I, участник Азовского, Прутского походов, Гангутского сражения.

Голицын Юрий Николаевич, кн. 1823–1872. Музыкальный деятель; знакомый А. И. Герцена, писавшего о нем в «Былом и думах».

Головин Автоном Михайлович. Ум. 1718. Комнатный стольник Петра I, полковник Преображенского полка, участник Азовского похода, был пленен под Нарвой и обменян в 1718 г.

Дивниер Антон Мануилович, гр. 1676–1745. Генерал-аншеф, первый генерал-полицмейстер Петербурга; в 1727 г. сослан, в 1743 г. возвращен в Петербург.

Дивов Иван Иванович. 1707–1773. Президент юстиц-коллегии.

²⁵³ Кирпичников А. Поиски Джакомо Кваренги // Неделя. 1970. № 29.

²⁵⁴ История одного экспоната / Сост. Г. И. Сапунова. Л., 1982.

²⁵⁵ Некрополь XVIII века (Лазаревское кладбище). Лазаревская усыпальница. План-путеводитель. Спб., 2006; Перечень могил и надгробий Лазаревского кладбища, 1935 г. // Архив ГМГС.

²⁵⁶ Находится в научной библиотеке ГМГС.

Долгоруков Яков Федорович, кн. 1639–1720. Государственный деятель, дипломат, сподвижник Петра I; плененный шведами под Нарвой, бежал из плена в 1711 г., захватив вражеский фрегат.

Жандр Андрей Андреевич. 1789–1873. Близкий друг А. С. Грибоедова, сохранивший наиболее авторитетный список «Горя от ума».

Жуков Петр Федорович. 1736–1782. Председатель Петербургского губернского магистрата; библиофил, книжное собрание которого стало основой Библиотеки Петербургского университета.

Затрапезнов Алексей Иванович. 1732–1773. Последний в роде владелец Ярославской большой полотняной мануфактуры.

Квашнина-Самарина Анна Юрьевна (рожд. Ржевская). Ум. 1781. Сестра Сары Юрьевны Ржевской, вышедшей замуж за А. Ф. Пушкина; ее племянница, М. А. Пушкина, жена О. А. Ганнибала, бабушка А. С. Пушкина.

Кондоиди Павел Захарович. 1710–1760. Лейб-медик, заложил основы медицинского законодательства в России.

Никодим (Адам Селий). 1675–1745. Монах Александро-Невского монастыря, преподаватель духовной семинарии, автор «Истории Российской иерархии», написанной на латыни.

Перфильев Степан Васильевич. 1734–1793. Генерал-майор, один из воспитателей Павла I, масон.

Сидоров Михаил Константинович. 1823–1887. Путешественник, исследователь Русского Севера, почетный член Вольного экономического общества.

Ушаков Федор Иванович. 1693–1766. Генерал-аншеф, подполковник Преображенского полка, дипломат.

Чемесов Евграф Петрович. 1737–1765. Художник, заведующий гравировальным классом, конференц-секретарь Академии художеств.

Названия дорожек Некрополя XVIII века связаны с памятниками, находящимися на них: Ломоносовская, Россиевская, Бетанкуровская, Захаровская, Радищевская, Старовская и Фонвизинская. От входа в некрополь идет вымощенная кирпичом Петровская дорожка, от нее через центр некрополя проходит дорожка Мастеров искусств.

Для Лазаревского кладбища характерны сохранившиеся родовые гнезда. Так, близ входа в некрополь находятся памятники Ольхиных, Ростовцевых, Кусовых и Кокушкиных – представителей богатого петербургского купечества, связанных семейными узами. Тут же памятники родственных семей Яковлевых, Зиминых, Авдулиных, Шишмаревых, происходящих от оstashковского крестьянина Саввы Яковлева, крупнейшего русского заводчика XVIII в.

Хотя первоначально на Лазаревском кладбище хоронили лишь дворян, с 1740-х гг. появляются и купеческие памятники. Обыкновенный взнос за погребение на Лазаревском кладбище в середине XVIII в. составлял пятьдесят рублей, погребение в церкви стоило вдвое дороже. Больших средств требовали также заказ заупокойных служб, поминальная трапеза для монахов и т. д.

Близ Лазаревской усыпальницы – родовое гнездо Шереметевых, Колычевых, Хитрово, тесно связанных генеалогически. Много в некрополе памятников рода Демидовых, с которыми связаны были архитекторы И. Е. Старов и А. Ф. Кокоринов. Сохранился ряд памятников Мордвиновых, Столыпиных, Муравьевых, родившихся в разных поколениях. Фамилия М. В. Ломоносова представлена надгробиями его дочери и внучки вблизи памятника самому ученому, а также саркофагом Николеньки Волконского, с эпитафией, написанной А. С. Пушкиным, – у южной ограды некрополя. Мать Николеньки, жена декабриста С. Г. Волконского, Мария Николаевна Раевская – правнучка Ломоносова по матери.

В Лазаревском некрополе похоронены: вдова А. С. Пушкина, Наталья Николаевна, со своим вторым супругом, генералом П. П. Ланским; жены А. Н. Радищева, Г. Р. Державина,

матери К. Н. Батюшкова, Н. П. Огарева, поэта-декабриста А. И. Одоевского и другие родственники наших известных литераторов, музыкантов, ученых.

Предлагаемые списки надгробий дают представление о Некрополе XVIII века как неоценимом первоисточнике для исследователей русской культуры, истории, генеалогии, геральдики, монументального искусства. По условиям издания, списки не являются исчерпывающими. В них включены в первую очередь памятники, представляющие несомненный исторический интерес, уникальные в художественном отношении или характерные по стилю для того или иного периода существования некрополя. Биографические сведения максимально ограничены. При разночтениях в датах жизни приняты даты, закрепившиеся в литературе. Для удобства нахождения памятников указаны участки, расположение которых соответствует прилагаемому плану.

Исторические захоронения на Лазаревском кладбище

1. **Авдулин** Алексей Николаевич. 1776–1838. Генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г. Глыба с крестом. В одной ограде с памятником жене, Е. С. Авдулиной (рожд. Яковлевой). 1789–1832. IX уч.

2. **Авраам**, инок. Ум. 1 декабря 1801 г., 115 лет от роду. Монах Александро-Невской лавры. Саркофаг из плит. XII уч.

3. **Ададунов** Василий Васильевич. 1764–1845. Генерал-майор; сын В. Е. Ададунова. Гранитная колонна. III уч.

4. **Ададунов** Василий Евдокимович. 1709–1780. Сенатор, куратор Московского университета, математик, геральдист, воспитатель имп. Екатерины II. Стела-обелиск с гербом и эпитафией. IV уч.

5. **Александрова** Екатерина (рожд. Дедешина). 1748–1805. Жена Никиты Александрова, управляющего гр. Н. П. Шереметева. Саркофаг на ножках-шарах. VII уч.

6. **Алексеева** Екатерина Михайловна. 1769–1804. Жена генерал-майора (И. И. Алексеева?). Скульптура «плакальщицы Трискорни» на мраморном постаменте с бронзовыми деталями, со стихотворной эпитафией. Мастерская А. Трискорни, 1800-е гг. II уч., в конце Петровской дор.

7. **Альбрехт** Варвара Сергеевна (рожд. Яковлева). 1803–1831. Дочь заводчика С. С. Яковлева, жена генерал-майора К. И. Альбрехта. Гранитная полуколонна, однотипная с соседним памятником сестре, Е. С. Авдулиной. IX уч.

8. **Амосов** Иван Григорьевич. 1709–1779. Штаб-квартирмейстер Императорского двора. Мраморный постамент с рельефами. VII уч.

9. **Анна Даниловна**. 1729–1786. Придворная карлица с 1748 г. Плита из известняка. V уч.

10. **Антропов** Алексей Петрович. 1716–1795. Живописец. Гранитный саркофаг. III уч., у вост. ограды.

11. **Апайщикова** Анна Ивановна. 1769–1811. Дочь именитого гражданина И. А. Апайщикова. 1728–1793. Мраморный портал с рельефом плакальщицы, стихотворная эпитафия. IX уч., у зап. ограды, на семейном месте Апайщиковых.

12. **Апраксин** Алексей Петрович, гр. 1711–1733. Камер-юнкер, в 1729 г. принял католичество, сделан шутом имп. Анны Иоанновны. Чугунная плита, найденная при раскопках 1929–1931 гг. Вмурована в зап. стену Лазаревской церкви.

13. **Апраксин** Матвей Федорович, гр. 1744–1803. Двоюродный внук генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, сподвижник Петра I. Полуколонна на постаменте. VII уч.

14. **Арбеньев** Иосаф Иевлевич. 1742–1808. Генерал от инфантерии, командир Измайловского полка. Полуколонна с гербом; рядом памятник жене, М. И. Арбеньевой (рожд. Козловой). 1741–1804. IV уч., слева от Петровской дор.

15. **Армянинов** Илья Иванович. 1746–1797. Петербургский купец.

Армянинов Александр Ильич. 1791–1822. Сын И. И. Армянинова. Полуколонна с рустом; стихотворная эпитафия. Неизв. мастер, 1820-е гг. VIII уч., на семейном месте Армяниновых.

16. **Архаров** Иван Петрович. 1744–1815. Генерал от инфантерии, военный губернатор Москвы; тесть писателя В. А. Соллогуба. Гранитный саркофаг с медной доской на крышке, однотипный с соседним памятником второй жене, Е. А. Архаровой (рожд. Римской-Корсаковой). 1755–1836. IV уч., в начале Ломоносовской дор.

17. **Багратион-Имеретинский** Александр Георгиевич, кн. 1796–1862. Генерал о г кавалерии, генерал-адъютант. Гранитная колонна, однотипная с соседним памятником брату, кн. Д. Г. Багратиону-Имеретинскому 1800–1846. VI уч., близ часовни М. Н. Муравьева.

18. **Бакунин** Павел Петрович. 1762–1805. Сын П. В. Бакунина, камер-юнкер; был женат на Е. А. Саблуковой, в их дочь Екатерину был влюблен А. С. Пушкин. Мраморный обелиск на ножках-шарах. II уч., близ Лазаревской церкви.

19. **Бакунин** Петр Васильевич, «меньшой». 1734–1786. Тайный советник, член Иностранной коллегии; входил в кружок Г. Р. Державина, Н. А. Львова, В. В. Капниста. Мраморный саркофаг на постаменте. Поставлен на средства гр. А. Р. Воронцова. Итальянский мастер (?). У входа в Лазаревскую церковь.

20. **Балк-Полев** Петр (Павел) Федорович. 1689–1743. Генерал-лейтенант, камергер, участник Северной войны, отличился в сражении при Лесной; сын Ф. Н. Балка и М. И. Монс, сестры Анны Монс, фаворитки Петра I. Чугунная плита с гербом. I уч.

21. **Барятинский** Михаил Данилович, кн. 1715–1806.

Челищев Алексей Богданович. 1744–1806. Пирамида из плит на постаменте. I уч.

22. **Баташев** Александр Иванович. 1741–1807. Заводчик. Похоронен с женой, дочерью заводчика Саввы Яковлева А. С. Баташевой (рожд. Яковлевой). Ум. 1825. Мраморный пилон с рельефом плакальщицы. VII уч.

23. **Баташев** Андрей Андреевич. 1746–1816. Коллежский асессор. Чугунный саркофаг с мраморной скульптурой; стихотворная эпитафия; художественная ограда. Памятник перенесен из Сергиевой пустыни в 1930-е гг.

24. **Баташев** Сила Андреевич. 1794–1838. Полковник. Мраморная стела с рельефом военной armатуры. Памятник перенесен из Сергиевой пустыни в 1931 г. X уч.

25. **Баташева** Анна Герасимовна (рожд. Сушкина). 1754–1781. Жена тульского купца Авраама Баташева. Мраморный постамент с рельефами. VII уч.

26. **Баташева** Анна Лукьяновна. 1726–1786. Вдова Федора Тарасовича Баташева. Мраморный постамент с рельефами (выполнен в той же мастерской, что и памятник А. Г. Баташевой?). VII уч.

27. **Батурий** Евграф Петрович. 1767–1811. Полковник. Пилон с урной; герб; стихотворная эпитафия. V уч.

28. **Батюшкова** Александра Григорьевна (рожд. Бердяева). Ум. 1795. Супруга вятского губернского прокурора Н. Л. Батюшкова, мать поэта К. Н. Батюшкова. Гранитный постамент с вазой. Памятник поставлен мужем в 1795 г. VIII уч.

29. **Безобразова** Анна Александровна. 1815–1830. Внучка обер-штеркригс-комиссара М. О. Безобразова. 1746–1789. Гранитный постамент со скульптурной мраморной вазой. VIII уч., на семейном месте Безобразовых, рядом с памятником деду сооруженным в 1822 г.

30. **Бек** Иван Александрович. 1807–1842. Камер-юнкер, поэт, переводчик; его вдова, М. А. Столыпина, была вторым браком за П. П. Вяземским, сыном поэта. Мраморный саркофаг с рельефами; художественная ограда. V уч., на семейном месте Беков.

31. **Беклешева** Анна Ивановна (рожд. Неронова). 1753–1805. Жена Н. А. Беклешева, в первом браке Байкова.

Беклешев Николай Андреевич. 1741–1822. Сенатор. Гранитный обелиск на ножках-шарах; в ограде из цепей. IV уч.

32. **Белавина** Анна Сергеевна (рожд. Шкурина). 1791–1810. Жена штабс-ротмистра Кавалергардского полка В. И. Белавина. Мраморная полуколонна с урной. I уч.

33. **Белосельская-Белозерская** Анна Григорьевна, кн. (рожд. Козицкая). 1773–1846. Статс-дама, дочь Г. В. Козицкого, статс-секретаря имп. Екатерины II, вторая жена кн. А. М. Белосельского-Белозерского. Портал с горельефной композицией. Ск. И. П. Витали, 1846 г. В сев. стене Лазаревской церкви.

34. **Белосельский-Белозерский** Александр Михайлович, кн. 1752–1809. Дипломат, литератор, философ; отец З. А. Волконской. Портал с портретом и скульптурной группой. Арх. Тома де Томон, ск. Ж. Камберлен, 1810 г. Стихотворная эпитафия И. И. Дмитриева. В сев. стене Лазаревской церкви.

35. **Бем** Надежда Степановна (рожд. Мамонтова). 1799–1856. Жена статского советника П. Н. Бема.

Оппенгейм Варвара Петровна. Ум. 1886.

Оппенгейм Эдуард Михайлович. Ум. 1909. Сень-грот из туфа. Неизв. мастер, 1850-е гг. XI уч.

36. **Берилова** (Гладышева) Анастасия Парфентьевна. 1778–1804. Первая танцовщица придворного театра. Архитектурное надгробие; стихотворная эпитафия. VI уч., слева от Ломоносовской дор.

37. **Беспалов** Василий Семенович. 1772–1791. Сын петербургского купца. Гранитный саркофаг. II уч.

38. **Бестужев-Рюмин** Петр Дмитриевич, кн. 1709–1759. Генерал-майор, командир 3-го кирасирского полка. Плита известняковая с гербом. Памятник возобновлен в 1914 г. VII уч., Петровская дор.

39. **Бетанкур** Августин. 1758–1824. Инженер-механик, основатель Института инженеров путей сообщения. Чугунная колонна с урной. Арх. О. Монферран, 1825 г. Памятник изготовлен в Нижнем Новгороде. Прах и памятник перенесены в некрополь со Смоленского лютеранского кл. в 1979 г. Бетанкуровская дор., у зап. стены.

40. **Бибииков** Александр Александрович. 1765–1822. Сенатор, командующий Петербургским ополчением в Отечественную войну 1812 г. Гранитная полуколонна на постаменте, рядом с памятником матери, А. С. Бибииковой (рожд. кн. Козловской). 1729–1800. IX уч.

41. **Бибиикова** Анна Васильевна (рожд. Ханыкова). 1772–1826. Вдова А. А. Бибиикова. Гранитная полуколонна с чугунным крестом, оплетенным змеей. IX уч.

42. **Бибиикова** Варвара Никитична (рожд. Шишкова). 1719–1773. Вторая жена генерал-инженер-поручика И. А. Бибиикова, мать жены М. И. Кутузова. Мраморная полуколонна на постаменте. Памятник сооружен в 1807 г. дочерью, Е. И. Голенищевой-Кутузовой. IV уч., слева от Петровской дор.

43. **Бизюкин** Гаврила Васильевич. 1697–1775. Полковник Адмиралтейской коллегии. Плита с эпитафией. IV уч.

44. **Бичурин** Иоакимф (Никита Яковлевич). 1777–1853. Ученый-китаевед; монах Александро-Невской лавры. Гранитная капличка с крестом; эпитафия китайскими иероглифами. Неизв. мастер, 1865 г. В сев. – зап. углу некрополя.

45. **Блезе-Манизер** Лина Валерьяновна. 1891–1924. Скульптор; первая жена скульптора М. Г. Манизера. Архитектурное надгробие с портретом. Ск. М. Г. Манизер, 1926 г. V уч.

46. **Блудова** Авдотья Ферапонтовна (рожд. Суровцева). 1754–1793. Жена артиллерии капитана И. Я. Блудова. Мраморная плита с эпитафией. IV уч.

47. **Богданович** Иван Петрович. 1801–1819. Корнет Кавалергардского полка. Колонна с рустом и со скульптурой «плакальщицы Трискорни». I уч.

48. **Богданович** Лука Федорович. 1779–1865. Адмирал. Гранитная стела в ограде из якорей и цепей. IX уч., у зап. стены.

49. **Болотников** Алексей Ульянович. 1760–1828. Сенатор, помощник поэта И. И. Дмитриева на посту министра юстиции.

Болотников Ульян Тихонович. 1722–1782. Полковник Адмиралтейского ведомства. Скульптура молящейся у алтаря. Неизв. мастер, кон. 1820-х гг. V уч.

50. **Боровиковский** Владимир Лукич. 1757–1825. Живописец. Гранитный саркофаг на львиных лапах. Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1931 г. III уч.

51. **Борщова** Александра Федоровна (рожд. Дубянская). 1769–1798. Дочь Ф. Я. Дубянского, жена генерал-лейтенанта С. С. Борщова.

Борщов Александр Сергеевич. 1792–1807. Сын С. С. и А. Ф. Борщовых. Постамент из плит с вазой-светильником. Неизв. мастер, 1820-е гг. На одном постаменте с памятником дочери Борщовых, М. С. Задонской (1791–1825), жены генерал-лейтенанта В. Д. Задонского. IV уч., на семейном месте Борщовых и Дубянских.

52. **Брусилова** Екатерина Петровна. 1778–1801. Дочь дворянина Орловской губ. П. И. Брусилова. Полуколонна с вазой. Памятник поставлен отцом в 1801 г. V уч.

53. **Булгари** Николай Антонович, гр. 1739–1812. Отец Я. Н. Булгари, участника восстания Ипсиланти и тайного общества «Филики Этерия»; дед декабриста Н. Я. Булгари. Архитектурное надгробие. Памятник поставлен сыном в 1812 г. VIII уч.

54. **Бутков** Владимир Петрович. 1814–1881. Государственный деятель, инициатор судебных реформ 1864 г.

Буткова Наталья Владимировна. 1820–1885. Жена В. П. Буткова. Гранитный саркофаг с массивным крестом. XII уч., у сев. стены.

55. **Вадковский** Федор Федорович. 1756–1806. Сенатор, действительный тайный советник; отец декабриста Ф. Ф. Вадковского. Гранитный алтарь с мраморной книгой; рядом с памятником родителям, Ф. И. Вадковскому (1712–1783) и И. А. Вадковской (ум. 1774). IX уч.

56. **Ванифантьева** Анастасия. 1761–1788. Жена петербургского купца и директора Государственного ассигнационного банка И. М. Ванифантьева. Гранитный саркофаг с эпитафией, рядом с памятниками мужу, И. М. Ванифантьеву (ум. 1813), и сыну, Н. И. Ванифантьеву (1780–1823). V уч.

57. **Варварин** Иван Федорович. 1750–1825. Петербургский, ранее любимский купец. Гранитный саркофаг, однотипный с соседними, семьи Варвариных. III уч.

58. **Варенцов** Алексей Николаевич. 1751–1807. Обер-провиантмейстер.

Варенцова Анна Ивановна (рожд. Куманина). 1756–1801. Первая жена А. Н. Варенцова.

Варенцова Екатерина Алексеевна (рожд. Сырейщикова). 1775–1804. Вторая жена А. Н. Варенцова.

Постамент-жертвенник с вазой. II уч.

59. **Васильев** Алексей Иванович, гр. 1742–1806. Директор Медицинской коллегии, государственный казначей, министр финансов. Архитектурное надгробие с аллегорическими рельефами. Арх. Д. Кваренги, ск. И. П. Мартос, кон. 1800-х гг. В одной ограде с памятником брату, Ф. И. Васильеву (1749–1798). X уч.

60. **Вахтина** Елизавета Федоровна. 1734–1773. Жена секретаря Главной дворцовой канцелярии Ф. Г. Вахтина. Саркофаг из плит, с эпитафией. I уч.

61. **Вейдемейер** Иван Андреевич. 1752–1820. Сенатор, член Государственного совета. Гранитная колонна с крестом. IX уч.

62. **Веневитиновы** Георгий и Анна. Младенцы, дети А. В. Веневитинова, брата поэта Д. В. Веневитинова, и А. М. Веневитиновой (рожд. Виельгорской). Гранитные саркофажцы с накладными бронзовыми крестами. Неизв. мастер, 1840-е гг. На семейном месте Виельгорских. XI уч.

63. **Веригин** Федот Михайлович. 1722–1783. Генерал-майор, член Военной канцелярии. Саркофаг из плит. VIII уч.

64. **Ветошников** Михаил Николаевич. 1751–1791. Архитектор, строитель Кронштадта. Гранитная плита; рядом с памятником жене, Т. А. Ветошниковой (рожд. Березиной). 1760–1811. II уч.

65. **Вечерухина** Стефанида Матвеевна. 1747–1813. Жена петербургского купца И. В. Вечерухина. Архитектурное надгробие со стихотворной эпитафией, близкое по форме к надгробию А. П. Бериловой. VIII уч.

66. **Вешняков** Иван Петрович. 1791–1841. Генерал-майор. Мраморный скульптурный трехгранный жертвенник. IV уч., в начале Ломоносовской дор.

67. **Вешнякова** Софья Николаевна (рожд. Толстая). 1801–1827. Жена полковника И. П. Вешнякова. Гранитный жертвенник с накладными чугунными деталями. IV уч., в начале Ломоносовской дор.

68. **Виельгорская** Софья Дмитриевна (рожд. гр. Матюшкина). 1755–1796. Дочь гр. М. А. Матюшкина и кн. А. А. Гагариной, первая жена гр. Ю. М. Виельгорского, мать Михаила и Матвея Виельгорских. Полуколонна с гербом и портретом на постаменте. На семейном месте. XI уч.

69. **Виельгорский** Иосиф Михайлович, гр. 1817–1839. Сын Мих. Ю. Виельгорского, друг Н. В. Гоголя. Умер в Риме. Гранитный саркофаг. XI уч.

70. **Витте** Сергей Юльевич, гр. 1849–1915. Министр финансов, председатель Совета Министров, мемуарист. Газон с оградой. Бетанкуровская дор., у зап. стены.

71. **Власьева** Екатерина Дмитриевна (рожд. Бехтеева). 1782–1824. Жена коллежского асессора. Архитектурное надгробие со скульптурой плакальщицы. XI уч.

72. **Волконский** Николай Сергеевич. 1826–1828. Младенец, сын декабриста кн. С. Г. Волконского и М. Н. Раевской. Гранитный саркофаг со стихотворной эпитафией А. С. Пушкина. I уч., у юж. стены.

73. **Воронихин** Андрей Никифорович. 1759–1814. Архитектор. Колонна с рустом, на котором изображен Казанский собор, увенчанная скульптурой. Ск. В. И. Демут-Малиновский (?), 1814 г. VI уч., Дор. мастеров искусств.

74. **Воронцов** Илларион Иванович, гр. 1760–1790. Камер-юнкер. Мраморная пирамида со светильником. IV уч.

75. **Воронцов** Михаил Андреевич, св. кн. гр. Шувалов. Ум. 1903. Мраморная плита; рядом с отцом, гр. А. П. Шуваловым. 1817–1876. IV уч.

76. **Гавриил Георгиевич**, грузинский царевич. 1788–1812. Сын грузинского царя Георгия XII. Жертвенник со скульптурой «плакальщицы Трискорни»; стихотворная эпитафия. II уч.

77. **Галлер** Александр Карлович. 1789–1850. Статский советник, обер-секретарь Сената. Мраморный обелиск-стела, однотипный с надгробием Н. С. Мордвинова. Мастер Е. М. Тропин (?). IV уч.

78. **Гедеонов** Степан Александрович. 1815–1878. Директор Императорских театров, первый директор Эрмитажа, историк, археолог.

Гедеонова Наталья Павловна (рожд. Шишкина). Ум. 1840.

Гранитный постамент. Неизв. мастер, 1840-е гг. III уч., Ломоносовская дор.

79. **Георгий Имеретинский**. 1780–1807. Грузинский царевич. Архитектурное надгробие. Арх. Л. Руска, ск. П. Мадерни, 1807 г. II уч., близ Лазаревской церкви.

80. **Гика** Смарагда Карловна. 1753–1818. Дочь молдавского господаря. Архитектурное надгробие. Мастер А. М. Пермагоров, кон. 1810-х гг.; стихотворная эпитафия на греческом и русском языках. XI уч., Мартосовская дор.

81. **Глинка** Александра. Ум. 1809. Грот из глыб со скульптурой плакальщицы. Памятник поставила мать, М. О. Глинка. IV уч.

82. **Голенищева-Кутузова** Софья Павловна, гр. 1811–1848. Чугунная капличка в готическом стиле. VI уч.

83. **Голиков** Иван Илларионович. 1729–1805. Курский купец, один из основателей Российско-Американской кампании. Полуколонна со светильником на постаменте; доска с эпитафией утрачена. VII уч., Дор. мастеров искусств.

84. **Голицын** Александр Николаевич, кн. 1822–1823. Сын кн. Н. Б. Голицына и Е. А. Салтыковой. Гранитная полуколонка со стихотворной эпитафией. II уч.

85. **Голицын** Борис Андреевич, кн. 1766–1822. Генерал-лейтенант, командующий Владимирским ополчением в Отечественную войну 1812 г. Гранитный жертвенник со стихотворной эпитафией. В 1938 г. памятник сдвинут влево с первоначального места. IV уч., Ломоносовская дор.

86. **Голицын** Михаил Михайлович, кн. 1793–1856. Генерал-майор Генерального штаба; был женат на внучке А. В. Суворова, Марии Аркадьевне. Мраморный саркофаг. IV уч.

87. **Голицын** Петр Александрович, кн. 1771–1827. Генерал-майор, командир Литовского уланского полка. Срезанная гранитная колонна; художественная ограда. XI уч.

88. **Голицына** Анна Григорьевна (рожд. кн. Чернышева). 1724–1770. Жена кн. Ф. С. Голицына, члена Ямской канцелярии. Гранитная плита с врезанной мраморной доской. I уч.

89. **Голицына** Дарья Калинична, кн. (рожд. Горемыкина). 1760–1836. Вторая жена обер-егермейстера кн. П. А. Голицына, брата кн. Д. А. Голицына, дипломата и ученого. Мраморная скульптура плакальщицы на гранитном постаменте. VI уч.

90. **Голицына** Елена Александровна (рожд. кн. Салтыкова). 1802–1828. Первая жена кн. Н. Б. Голицына, дипломата, музыкального деятеля, которому Л. Бетховен посвятил «Голицынские квартеты», мать музыкального деятеля Ю. Н. Голицына. Полуколонна на постаменте. II уч.

91. **Голицына** Мария Адамовна, кн. (рожд. гр. Олсуфьева). 1757–1820. Жена дипломата кн. Н. А. Голицына, владельца подмосковной усадьбы «Архангельское». Постамент; в одной ограде с памятником дочери, кн. М. Н. Голицыной. 1798–1812. IX уч.

92. **Голицына** Прасковья Андреевна, кн. (рожд. гр. Шувалова). 1767–1828. Дочь гр. А. П. Шувалова, жена шталмейстера кн. М. А. Голицына. Грот из глыб. II уч., в начале Ломоносовской дор.

93. **Голицына** Татьяна Кирилловна, кн. (рожд. Нарышкина). 1704–1757. Жена кн. М. М. Голицына «младшего», генерал-адмирала, президента Адмиралтейской коллегии. Плита из известняка; найдена в 1928 г. I уч.

94. **Головкина** Софья Александровна, гр. (рожд. Демидова). 1766–1831. Статс-дама; жена гр. П. Г. Головкина, известная своей благотворительностью. Гранитный саркофаг. VI уч.

95. **Горчаков** Алексей Иванович, кн. 1769–1817. Племянник А. В. Суворова; участник Итальянского похода, в 1812 г. управляющий Военным министерством. Гранитный постамент с барельефным портретом. VII уч.

96. **Гродницкий** Даниил Романович. Ум. 1808. Аптекарь. Пирамида из плит на постаменте, с аллегорическим рельефом и эпитафией. Памятник перенесен со Смоленского православного кл. в 1930-е гг. III уч.

97. **Гунаропуло** Прасковья Феопемтьевна (рожд. Попова). 1769–1795. Жена коллежского асессора А. Ю. Гунаропуло, дочь олонекского купца Ф. В. Попова (1726–1774). Мраморный пилон с барельефным портретом. Ск. И. Г. Остеррайх (?), 1790-е гг. IV уч.

98. **Гурко** Софья Владимировна. 1821–1841.

Гурко Татьяна Алексеевна (рожд. бар. Корф). 1794–1840. Сестра и мать генерал-фельдмаршала И. В. Гурко, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Мраморный саркофаг с барельефными портретами. Памятник перенесен с Тихвинского кл. в 1930-е гг. X уч.

99. **Гурьева** Татьяна Матвеевна. 1719–1783. Камер-фрау Плита со стихотворной эпитафией. V уч.

100. **Гуци** Мария Степановна. 1752–1817. Камер-фрейлина. Архитектурное надгробие с эпитафией на греческом языке. VIII уч.

101. **Давыдов** Владимир Васильевич. 1784–1799. Архитектурное надгробие со стихотворной эпитафией. Памятник поставлен матерью. II уч., близ вост. ограды.

102. **Дарья Ростомовна** (рожд. Эристова). 1779–1816. Грузинская царица. Стела из мрамора и шифера. В сев. стене Лазаревской церкви.

103. **Демидов** Александр Григорьевич. 1737–1803. Уральский заводчик; сын Г. А. Демидова; владелец поместья Тайцы под Петербургом. Грот из глыб; доска с эпитафией утрачена. На семейном месте Демидовых. VI уч.

104. **Демидов** Григорий Александрович. 1765–1827. Камергер; сын А. Г. Демидова. Мраморная скульптура плакальщицы на постаменте; стихотворная эпитафия. Рядом с памятником жене, Е. П. Демидовой (рожд. кн. Лопухиной). 1783–1830. VI уч.

105. **Демидов** Евдоким Никитич. 1713–1782. Уральский заводчик. Саркофаг в ограде с крышкой, однотипный с соседним памятником брату, Н. Н. Демидову 1728–1804. I уч., у зап. ограды.

106. **Демидов** Иван Васильевич. 1713–1792. Генерал-цейхмейстер. Сын кабинет-секретаря имп. Елизаветы Петровны В. Н. Демидова. Гранитный саркофаг. На семейном месте Демидовых. IV уч.

107. **Демидов** Петр Григорьевич. 1740–1826. Уральский заводчик; сын Г. А. Демидова, брат А. Г. Демидова; владелец поместья Сиворицы под Петербургом. Сень на полуарках, однотипная с соседним памятником жене, Е. А. Демидовой (рожд. Жеребцовой). 1748–1810. VI уч.

108. **Демидова** Анастасия Евдокимовна. 1754–1772. Дочь Е. Н. Демидова. Мраморная плита с рельефом – череп в венке из роз. I уч.

109. **Демидова** Прасковья Матвеевна (рожд. Олсуфьева). 1730–1813. Жена А. Г. Демидова. Мраморный жертвенник со скульптурой плакальщицы. Мастерская А. Трискорни (?), 1810-е гг. VI уч.

110. **Демидовы:** Александра (1796–1800) и Николай (1799–1800). Младенцы, дети Н. Н. Демидова, дипломата и филантропа, отца П. Н. Демидова, учредителя «Демидовских» премий Академии наук. Мраморная скульптура матери у ложа ребенка, на постаменте с барельефом младенца. Мастерская А. Трискорни (ск. П. Трискорни?), 1800 г. IV уч., Ломоносовская дор.

111. **Демчинская** Евдокия Алексеевна (рожд. Татищева). 1781–1807. Архитектурное надгробие с мраморным рельефом. Памятник перенесен со Смоленского православного кл. в 1931 г. VII уч.

112. **Державина** Екатерина Яковлевна (рожд. Бастидон). 1760–1794. Дочь камердинера имп. Петра III, первая жена Г. Р. Державина. Пилон с урной и рельефом. Ск. Гофман (?); стихотворная эпитафия Г. Р. Державина. I уч.

113. **Дмитриев** Григорий Дмитриевич. 1714–1746. Архитектор. Плита с эпитафией. V уч., Дор. мастеров искусств.

114. **Дмитриев** Симон. 1729–1799. Петербургский купец. Надгробие в виде гранитной барки. Памятник перенесен с Георгиевского кл. на Б. Охте в 1939 г. III уч. Ломоносовская дор.

115. **Дмитриева** Ольга Федоровна (рожд. гр. Толстая). 1848–1869. Дочь художника Ф. П. Толстого. Мраморный крест на постаменте. X уч., Бетанкуровская дор.

116. **Дмитрий**, грузинский царевич. 1727–1745.

Стефан, грузинский царевич. 1729–1744. Чугунная плита со стихотворной эпитафией; плита царевича Стефана утрачена. В сев. стене Лазаревской церкви.

117. **Долгоруков** Александр Васильевич, кн. 1839–1876. Сын кн. В. А. Долгорукова. Мраморный саркофаг с крестом на крышке. XI уч.

118. **Долгоруков** Василий Андреевич, кн. 1804–1868. Генерал-адъютант, шеф жандармов, начальник III Отделения.

Долгорукова Ольга Карловна, кн. (рожд. гр. Сен-При). Ум. 1853. Жена В. А. Долгорукова.

Архитектурное надгробие. Неизв. мастер, 1850-е гг. XI уч.

119. **Долгорукова** Елизавета Федоровна, кн. (рожд. Дубянская). 1741–1779. Дочь протоиерея Ф. Я. Дубянского, духовника имп. Елизаветы Петровны, жена кн. Я. П. Долгорукова.

Гранитная плита с врезанной мраморной доской, однотипная с соседним надгробием брата, Д. Ф. Дубянского (1771–1781); стихотворная эпитафия И. Слатвинского. II уч.

120. **Дубянский** Дмитрий Михайлович. 1768–1825. Внук протоиерея Ф. Я. Дубянского; директор Певческой капеллы. Гранитный жертвенник с урной. На семейном месте, рядом с мраморным обелиском брата, А. М. Дубянского. 1771–1843. IV уч.

121. **Дубянский** Петр Яковлевич. Ум. 1822. Коллежский советник. Полуколонна со скульптурой «плакальщицы Трискорни». IV уч.

122. **Дубянский** Федор Михайлович. 1760–1796. Советник правления Государственного заемного банка, композитор-любитель, автор романа «Стонет сизый голубочек». Гранитный жертвенник с урной, оплетенной змеей; доска с эпитафией утрачена. IV уч.

123. **Дурново** Никита Дмитриевич. 1795–1811. Мраморный пилон с рельефом плакальщицы; в ограде. Однотипный с соседним надгробием брата, С. Д. Дурново. 1796–1812. VII уч.

124. **Дьяков (Дьяконов)** Алексей Степанович. 1734–1789. Бригадир. Имел внебрачного сына, О. А. Кипренского (1782–1836). Известниковая плита. X уч.

125. **Еллинская** Мавра Ивановна. 1786–1817. Жена коллежского советника, лейб-хирурга М. Н. Еллинского. Архитектурное надгробие. IX уч., Петровская дор.

126. **Еропкин** Алексей Михайлович. 1716–1764. Действительный статский советник. Саркофаг из плит, однотипный с соседним памятником жене, А. В. Еропкиной. 1723–1782. IX уч.

127. **Ерофеев** Никифор Павлович. 1733–1786. Владелец стекольной фабрики. Плита из известняка. III уч.

128. **Жадимеровский** Алексей Петрович. 1758–1823. Купец 1-й гильдии. Гранитный портик с мраморным саркофагом. Мастер М. Абрамов; стихотворная эпитафия. Памятник, однотипный с соседним надгробием жены, А. Е. Жадимеровской. Ум. 1828. IX уч.

129. **Жадимеровская** Анна Дмитриевна (рожд. Рыбникова). 1797–1819. Дочь дорогобужского купца, жена И. А. Жадимеровского. Мраморный жертвенник с урной; стихотворная эпитафия. На семейном месте Жадимеровских. IX уч.

130. **Жадимеровская** Софья Ивановна. 1827–1832. Дочь И. А. Жадимеровского. Полуколонна с рельефом сломанного цветка и со стихотворной эпитафией. IX уч.

131. **Жандр** Александра Ивановна. 1804–1827. Мраморная полуколонна. VIII уч.

132. **Желтухина** Екатерина Дмитриевна (рожд. кн. Тенишева). 1790–1817. Жена генерал-майора С. Ф. Желтухина, с дочерью, Желтухиной Н. С. (1816–1825) и Каховской Н. А. (1786–1827). Мраморная полуколонна. VII уч.

133. **Жеребцов** Алексей Алексеевич. 1758–1819. Сенатор, сотенный начальник земского войска в Отечественную войну 1812 г. Полуколонна с вазой; в одной ограде с однотипными памятниками жене, А. А. Жеребцовой (рожд. Еропкиной), ум. 1825, и свояченице, П. А. Еропкиной, ум. 1817. VII уч., Мартосовская дор.

134. **Жуков** Михаил Михайлович. 1728–1803. Действительный тайный советник, литератор. Скульптура плакальщицы на постаменте. Памятник поставлен женой, А. В. Энгельгардт, в 1815 г., возобновлен В. В. Энгельгардтом в 1822 г. VI уч.

135. **Завадовский** Петр Васильевич, гр. 1739–1812. Государственный деятель, кабинет-секретарь имп. Екатерины II, министр народного просвещения. Портик-сень со скульптурной композицией. Ск. Ж. Камберлен, 1812 г. IV уч.

136. **Завалиевский** Александр Степанович. 1800–1830. Капитан лейб-гвардии Саперного батальона. Гранитный жертвенник с чугунной арматурой. Памятник перенесен со Смоленского православного кл. в 1931 г. IX уч., Петровская дор.

137. **Закревская** Ольга Арсентьевна, гр. Ум. 1833. Дочь А. Ф. Закревской (рожд. гр. Толстой), известной в истории русской литературы. Грот из глыб. II уч.

138. **Закурин** Федор Васильевич. 1793–1828. Сын петербургского купца В. М. Закурина. Мраморная полуколонна со скульптурой, символизирующей Веру. VIII уч., близ надгробия родителей, В. М. и П. И. Закуриных.

139. **Захаржевская** Елена Александровна (рожд. гр. Самойлова). Ум. 1843. Гранитный скульптурный саркофаг. Неизв. мастер, 1840-е гг. I уч., Петровская дор.

140. **Захаров** Андреян Дмитриевич. 1760–1811. Архитектор. Гранитный жертвенник на подиуме с урнами. Памятник общий с родителями, Д. В. Захаровым (1732–1810) и Е. В. Захаровой (1740–1830). Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1936 г. V уч., у пересечения Захаровской дор. и Дор. мастеров искусств.

141. **Земмельгак** Якоб. 1751–1812. Скульптор, автор надгробий в Некрополе XVIII в.

Вехтер Георг. 1726–1800. Медальер.

Мраморный пилон с эпитафиями на немецком языке. Памятник поставлен вдовой Г. Вехтера, бывшей замужем за Я. Земмельгаком. Прах и памятник перенесены со Смоленского лютеранского кл. в 1930-е гг. IV уч.

142. **Зимин** Гавриил Стефанович. 1748–1806. Петербургский купец; тесть М. С. Яковлева. Четырехгранная пирамида с барельефом-маской; рядом с надгробием жены, Л. Г. Зиминной. Ум. 1816. IX уч.

143. **Зиновьева** Варвара Михайловна (рожд. Дубянская). 1763–1803.

Зиновьев Иван Васильевич. Ум. 1816. Надворный советник. Архитектурный саркофаг. IV уч.

144. **Зоммер** Варвара Сергеевна (рожд. Шкурина). 1785–1817. Жена полковника Г. И. Зоммера. Гранитная сломанная колонна. I уч.

145. **Зотова** Варвара Ивановна. 1763–1813. Жена статского советника З. К. Зотова. Ум. 1802. Мраморная полуколонна с урной, на постаменте. На семейном месте Зотовых. III уч.

146. **Зотова** Софья Александровна (рожд. Михайлова). 1795–1827. Гранитный саркофаг с мраморным рельефом. XI уч.

147. **Зуев** Харитон Лукич. Ум. 1806. Действительный статский советник. Гранитная полуколонна с урной; на постаменте. VI уч.

148. **Измайлов** Иван Михайлович. 1724–1787. Сенатор, шеф Невского кирасирского полка, генерал-майор конной гвардии. Мраморный скульптурный жертвенник. Ск. И. Г. Остеррайх, конец 1780-х гг. IV уч., рядом с надгробием П. Ф. Гунаропуло.

149. **Измайлова** Александра Борисовна (рожд. кн. Юсупова). 1744–1791. Дочь директора Сухопутного шляхетского корпуса Б. Г. Юсупова, жена И. М. Измайлова. Мраморная ваза-светильник на усеченной полуколонне. Памятник поставлен дочерью, гр. Воронцовой. IV уч.

150. **Ильин** Василий Федорович. 1769–1821. Генерал-майор, в 1812 г. командующий артиллерией резервной армии. Постамент из мраморных блоков, с вензелем «ВФИ». При реставрации на памятнике ошибочно вырублена надпись «Иван Ильин». IV уч.

151. **Ильин** Иван Ильич «меньшой». 1720–1808. Петербургский купец. Гранитный саркофаг, рядом с однотипным надгробием жены, А. И. Ильиной. 1729–1789. VII уч.

152. **Исаев** Савва Исаевич. 1725–1799. Протопресвитер московского Благовещенского собора, императорский духовник. Саркофаг из плит. IV уч.

153. **Истров** Николай Николаевич, бар. 1805–1811. «Воспитанник» (внебрачный сын) гр. Н. П. Шереметева и Е. С. Казаковой. Саркофаг с крестом и эпитафией. I уч., близ Лазаревской церкви.

154. **Казадаева** Надежда Петровна (рожд. Резвая). 1775–1828. Жена сенатора А. В. Казадаева, командира Горного кадетского корпуса. Сень-портик с бюстом; на постаменте с эпитафией; отлиты из чугуна. Ск. А. И. Воронихин (?), кон. 1820-х гг. Памятник перенесен с Фарфоровского кл. в 1939 г. II уч., Ломоносовская дор.

155. **Калитина** Прасковья Федоровна. 1745–1792. Жена купца В. Е. Калитина. Гранитный саркофаг с мраморной доской; в художественной ограде. На семейном месте Калитиных. VII уч.

156. **Кандалинцев** Иван Федорович. 1782–1802. Мраморная полуколонна с гербом. Памятник перенесен со Смоленского православного кл. в 1930-е гг. IV уч.

157. **Кантакузина** Мария Матвеевна, кн. 1752–1808. Дочь (?) великого вестияра Матвея Кантакузина, приехавшего в Россию в 1791 г. Саркофаг из плит с мраморной доской на крышке. VII уч.

158. **Карачинская** Флена Владимировна. 1780–1822. Статская советница. Глыба с крестом и сломанным деревом. I уч.

159. **Карнеев** Захар Яковлевич. 1748–1828. Сенатор, член Государственного совета. Чугунная глыба. VIII уч.

160. **Карнеева** Елена Сергеевна (рожд. Лашкарева). 1786–1830. Жена сенатора, генерал-лейтенанта Корпуса горных инженеров Е. В. Карнеева. Скульптура гения с урной на постаменте, отлита из чугуна. Ск. И. П. Мартос, 1830-е гг. Памятник перенесен с Волковского православного кл. в 1930-е гг. III уч., Ломоносовская дор.

161. **Карпов** Евгений Никифорович. 1789–1806. Сын купца Н. К. Карпова, внук по матери генерал-цейхмейстера И. В. Демидова. Постамент с урной и рельефом; стихотворная эпитафия. Рядом с надгробием матери, М. И. Карповой. 1742–1776. II уч.

162. **Катакази** Гавриил Антонович. 1794–1867. Сенатор, действительный тайный советник, дипломат. Гранитная плита. XII уч., близ часовни М. Н. Муравьева.

163. **Кацарев** Иван Николаевич. 1715–1759. Правитель комнатной канцелярии и вотчинных дел вел. кн. Петра Федоровича. Мраморная плита с гербом. В зап. стене Лазаревской церкви.

164. **Кашкин** Евгений Петрович. 1737–1796. Генерал-аншеф, первый генерал-губернатор в Перми и Тобольске. Гранитный саркофаг; стихотворная эпитафия. III уч.

165. **Кваренги** Джакомо. 1744–1817. Архитектор. Полуколонна с урной на постаменте. Прах перенесен с Волковского лютеранского кл. в 1967 г.; памятник установлен музеем. VIII уч.

166. **Кетавана Константиновна**, грузинская царица (рожд. Багратион-Мухрани). 1744–1808. Жена царевича Вахтанга Ираклиевича. Архитектурное надгробие, однотипное с соседним памятником Георгию Имеретинскому Арх. Л. Руска (?). II уч., близ Лазаревской церкви.

167. **Киндяков** Петр Васильевич. 1768–1827. Генерал-майор; тесть А. Н. Раевского, знакомого А. С. Пушкина. Скульптура «Вера» на постаменте. Ск. П. Катоцци, 1828 г. Памятник перенесен со Смоленского православного кл. в 1931 г. V уч., близ памятника Л. Эйлеру

168. **Кирсанов** Исидор Фомич. 1738–1781. Полковник, начальник нерегулярных войск в Оренбургской и Иркутской губ. Гранитный саркофаг с мраморной плитой; стихотворная эпитафия В. Г. Рубана. V уч.

169. **Киселев** Дмитрий Григорьевич. 1785–1807. Полковник лейб-гвардии, штаб-ротмистр Гусарского полка. Мраморная полуколонна на постаменте с барельефом; в одной ограде с памятником матери, В. И. Киселевой (рожд. кн. Волховской). 1755–1807. IV уч.

170. **Киселева** Мария. 1839–1851. Мраморная сень в византийском стиле; в художественной ограде. X уч.

171. **Клементьев** Лев Михайлович. 1868–1910. Оперный певец. Плита с эпитафией в вост. ограде.

172. **Княжнин** Яков Борисович. 1742–1791. Драматург, поэт. Полуколонна с рустом, сооружена в 1832 г.; однотипна с соседним надгробием жены, Екатерины Александровны (рожд. Сумароковой). 1746–1797. Прах и памятники перенесены со Смоленского православного кл. в 1939 г. V уч.

173. **Кожевников** Максим Никитич. Ум. 1817. Калужский купец 1-й гильдии.
Артамонов Сила Стахиевич. Ум. 1833.

Гранитный портик на четырех колоннах. Неизв. мастер, 1810-е гг. Памятник перенесен с Большеохтинского единоверческого кл. в 1930-е гг. XII уч., в сев. – зап. углу некрополя.

174. **Кожина** Екатерина Михайловна (рожд. кн. Волконская). 1777–1834. Мраморная полуколонна с рустом и скульптурой, символизирующей Веру III уч.

175. **Козицкая** Екатерина Ивановна (рожд. Мясникова). 1746–1833. Вдова Г. В. Козицкого, статс-секретаря имп. Екатерины II, мать А. Г. Белосельской-Белозерской и А. Г. Лаваль. Мраморная усеченная колонна со стихотворной эпитафией кн. Эспера Белосельского-Белозерского. Памятник передвинут с первоначального места к западу У входа в Лазаревскую церковь.

176. **Козловская** Варвара Степановна (рожд. кн. Мещерская). 1804–1824. Тайная советница. Гранитный обелиск на постаменте-жертвеннике. Памятник перенесен с Тихвинского кл. в 1936 г. У зап. ограды.

177. **Козловская** Екатерина Михайловна. 1823–1824. Дочь В. С. Козловской. Трехгранный обелиск на полуколонне. Памятник перенесен с Тихвинского кл. в 1936 г. У зап. ограды.

178. **Козловский** Михаил Иванович. 1753–1802. Скульптор. Мраморный пилон с портретом и аллегорическим рельефом. Ск. В. И. Демут-Малиновский, 1803 г. Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1931 г. IV уч.

179. **Козодавлев** Осип Петрович. 1755–1819. Соученик А. Н. Радищева, друг Г. Р. Державина; писатель, с 1810 г. товарищ министра внутренних дел.

Козодавлева Анна Петровна (рожд. кн. Голицына). 1757–1820. Жена О. П. Козодавлева.

Толстая Анна Михайловна, гр. (рожд. кн. Хилкова). Ум. 1868. Воспитанница О. П. Козодавлева.

Гранитная глыба с крестом и мраморный саркофаг; в общей художественной ограде. Неизв. мастер, нач. 1820-х гг.; саркофаг - 1860-е гг. I уч.

180. **Кокоринова** Анастасия Александровна. 1763–1785. Дочь архитектора А. Ф. Кокоринова. Гранитный саркофаг с мраморной доской; близ надгробия матери, П. Г. Кокориновой (рожд. Демидовой). Ум. 1784. VIII уч.

181. **Кокошкин** Иван Алексеевич. 1765–1835. Скульптура молящейся у алтаря; на постаменте с эпитафией. XII уч.

182. **Кокошкина** Евдокия Ивановна. 1805–1813. Дочь И. А. Кокошкина. Полуколонна со светильником на постаменте; стихотворная эпитафия. Мастер Сергей Орлов, 1813 г. Памятник поставлен родителями рядом с однотипным надгробием брата, И. И. Кокошкина. IV уч.

183. **Кологривов** Дмитрий Михайлович. 1780–1830. Гофмейстер, камергер. Гранитный саркофаг на ножках-шарах.

184. **Колокольцев** Федор Михайлович. 1732–1818. Сенатор, фабрикант, основатель производства шалей. Гранитный постамент. Поставлен внуком, А. М. Челищевым, в 1897 г. рядом с памятником жене, Марии Ивановне (рожд. Аничковой). Ум. 1806. I уч.

185. **Колосов** Иван Петрович. 1774–1819. Действительный статский советник. Стела с рельефом плакальщицы. IX уч., Мартосовская дор.

186. **Колычев** Степан Алексеевич. 1746–1805. Камергер, дипломат. Мраморная полуколонна со светильником на постаменте с рельефом, однотипная с соседним памятником жене, Наталье Захаровне (рожд. Хитрово). 1774–1803. I уч.

187. **Колычев** Степан Степанович. 1758–1810. Гофмаршал, камергер. Мраморный жертвенник с вазой-светильником. I уч., Петровская дор.

188. **Колычева** Мария Петровна (рожд. кн. Волконская). 1755–1818. Дочь кн. П. А. Волконского, жена М. П. Колычева. Скульптура двух путти на постаменте-жертвеннике. Мастер-

ская А. Трискорни, кон. 1810-х гг. Памятник поставил сын, А. М. Колычев (1770–1859), похороненный рядом. I уч.

189. **Кондоиди** Григорий Павлович. 1754–1817. Сенатор; сын П. З. Кондоиди, учредителя акушерских заведений в России. Полуколонна с вазой; в художественной ограде; стихотворная эпитафия. VII уч.

190. **Константинова** Екатерина Алексеевна. 1774 (1771?)-1847. Внучка М. В. Ломоносова. Гранитная плита на саркофаге из плит. Дата рождения вырублена неверно. II уч., семейное место Ломоносовых.

191. **Константинова** Елена Михайловна (рожд. Ломоносова). 1749–1772. Дочь М. В. Ломоносова.

Константинов Алексей Алексеевич. 1728–1808. Коллежский советник; муж Е. М. Ломоносовой.

Стилизованная ваза-светильник на постаменте. Неизв. мастер, 1800-е гг. II уч.

192. **Коншин** Гавриил Пантелеевич. 1671–1725. Полковник. Плита найдена в 1929 г. I уч., у зап. стены Лазаревской церкви.

193. **Королев** Савва Максимович. 1761–1826. Петербургский купец 1-й гильдии. Сень-портник с урной на постаменте; стихотворная эпитафия. Мастер Абрамов, 1820-е гг. Памятник перенесен с Волковского православного кл. в 1930-х гг. VII уч.

194. **Корсакова** Наталья Александровна (рожд. Львова). 1832–1859. Внучка архитектора Н. А. Львова и адмирала Н. С. Мордвинова. Мраморный крест с гирляндой цветов. Сев. – вост. угол некрополя, семейное место Мордвиновых.

195. **Корф** Елизавета Андреевна, бар. 1804–1832.

Корф Ольга Сергеевна, бар. (рожд. Смирнова). 1780–1844. Сестра и мать бар. М. А. Корфа, соученика А. С. Пушкина по Лицею.

Мраморный жертвенник со стихотворной эпитафией. Неизв. мастер, 1830-е гг. I уч.

196. **Костливцев** Петр Антонович. 1724–1786. Вице-адмирал. Гранитная полуколонна с рустом. Памятник установлен дочерью в 1837 г. V уч.

197. **Костров** Андрей Иванович. 1758–1810. Купец 2-й гильдии. Гранитный саркофаг на постаменте. Мастер Пашков, 1857 г. III уч.

198. **Кочубей** Екатерина Аркадьевна, кн. (рожд. Столыпина). 1824–1852. Дочь А. А. Столыпина, двоюродная тетка М. Ю. Лермонтова, жена дипломата кн. Н. А. Кочубея. Похоронена с дочерью Верой. Скульптура ангела на постаменте-саркофаге с рельефами. Ск. А. Костоли (Флоренция), 1856 г. Сев. – вост. угол некрополя.

199. **Кошелев** Родион Александрович. 1749–1817. Обер-гофмейстер, председатель комиссии прошений; двоюродный дядя славянофила А. И. Кошелева. Саркофаг с рельефным крестом на мраморной крышке и со стихотворной эпитафией, однотипный с соседним памятником жене, Варваре Ивановне (рожд. Плещеевой). 1756–1809. VII уч.

200. **Красовский** Иван Иванович. 1746–1811. Протоиерей, член Российской Академии. Сломанная колонна на ступенчатом постаменте с эпитафией. Неизв. мастер, 1847 г. VIII уч.

201. **Крашенинников** Илья. Ум. 1830. Петербургский купец. Полуколонна с рустом и вазой. Неизв. мастер. 1833 г. VII уч.

202. **Крашенинников** Степан Петрович. 1711–1755. Академик, исследователь Камчатки. Прах перенесен с быв. кладбища у Благовещенской церкви на Васильевском острове в 1988 г. III уч.

203. **Крашенинников-Журавлев** Герасим Тихонович. 1723–1787. Полковник, лейт-компанец. Мраморная плита. X! уч.

204. **Курбатова** Мария Андреевна (рожд. Апаишикова). 1743–1783. Жена нарвского купца Александра Курбатова. Плита из известняка с эпитафией. VIII уч.

205. **Кусов** Василий Григорьевич. 1729–1788. Купец 1-й гильдии, основатель торговой фирмы.

Кусова Неонила Яковлевна. 1732–1791. Жена В. Г. Кусова.

Кусов Иван Васильевич. 1750–1819. Коммерции советник, заводчик, один из учредителей Российско-Американской компании.

Архитектурное надгробие по рис. Ф. П. Толстого, 1822 г. У зап. ограды.

206. **Кусова** Пелагея Ивановна (рожд. Кокушкина). 1759–1797. Жена И. В. Кусова.

Кокушкина Прасковья Ивановна (рожд. Раева). 1718–1797. Тетка П. И. Кусовой. Мраморный обелиск из плит на постаменте; в художественной ограде. X уч., Бетанкуровская дор.

207. **Кушелева** Любовь Ильинична, гр. (рожд. гр. Безбородко). Ум. 1808. Дочь гр. И. А. Безбородко, жена адмирала Г. Г. Кушелева, мать А. Г. Кушелева-Безбородко, основателя Лицея в Нежине. Мраморная полуколонна, рядом с памятником дочери, А. Г. Кушелевой. 1808–1813. II уч.

208. **Лаба** Николай Осипович. 1766–1816. Генерал-провиантмейстер в Отечественную войну 1812 г. Гранитная ваза. VI уч.

209. **Лаваль** Александра Григорьевна, гр. (рожд. Козицкая). 1772–1830. Жена гр. И. С. Лавалья (1761–1841), хозяйка литературного и политического салона, теща декабриста кн. С. С. Трубецкого. Мраморная плита с крестом. VIII уч.

210. **Лавинский** Александр Степанович. 1776–1844. Сенатор, член Государственного совета. Стела-капличка. Мастер Е. М. Тропин, 1840-е гг. XII уч.

211. **Ладунка** Наум Иванович. 1730–1782. Придворный уставщик и мундшенк. Плита с эпитафией. V уч.

212. **Лазарева** Мария Александровна (рожд. Бек). 1810–1834. Жена флигель-адъютанта, капитана I ранга А. П. Лазарева. Мраморный жертвенник; стихотворная эпитафия И. А. Крылова. В ограде семейного места Беков. V уч.

213. **Ланская** Наталья Николаевна (рожд. Гончарова, в первом браке Пушкина). 1812–1863.

Ланской Петр Петрович. 1799–1877. Генерал-адъютант, муж Н. Н. Ланской. Гранитный саркофаг. У сев. ограды, рядом с надгробием брата, П. П. Ланского. 1791–1873.

214. **Ланской** Петр Сергеевич. Ум. 1805.

Ланской Сергей Сергеевич. 1761–1814.

Две полуколонны с вазами; в общей ограде; стихотворные эпитафии. III уч.

215. **Ласкари** Агафья (рожд. Карабузина). 1753–1772.

Ласкари Агафья Ивановна (рожд. Городецкая). Жены гр. Карбури (де Ласкари), авантюриста греческого происхождения.

Гранитная плита с мраморной доской; эпитафия на французском языке. Неизв. мастер, 1770-е гг. I уч.

216. **Ласкари** Елена Юрьевна (рожд. Хрисоскулева). 1759–1773. Третья жена гр. Карбури (де Ласкари). Гранитная плита с мраморной доской. I уч.

216. **Ласунский** Павел Михайлович. 1777–1829. Гофмаршал. Гранитная колонна с урной; рядом с памятником брату, А. М. Ласунскому 1773–1821. I уч.

217. **Лау**, фон, Николай Карлович. 1795–1819. Поручик Кавалергардского полка; покончил с собой из-за балерины Е. Асенковой. Скульптура «плакальщицы Трискорни»; на постаменте. VI уч.

218. **Лахутин** Яков Семенович. 1714–1743. «Города Балахны купец». Плита из известняка. Положена в 1788 г. На одном цоколе с памятником сенатору И. П. Лаврову. 1768–1836. VII уч.

219. **Лачинов** Петр Александрович. 1769–1792. Гвардии поручик. Гранитный саркофаг с эпитафией: «Читатель и ты умрешь». V уч.

220. **Левашева** Мария Васильевна. 1782–1825. Дочь обер-егермейстера В. И. Левашева. Мраморный жертвенник. Рядом с памятником отцу, В. И. Левашеву. Ум. 1804. II уч.

221. **Лизогуб** Яков Ефимович. 1675–1749. Генеральный обозный Запорожского войска. Плита из известняка; найдена при раскопках в 1929–1931 гг. У зап. стены Лазаревской церкви.

222. **Литвинова** Татьяна Афанасьевна. Ум. 1727. Мать комиссара Невской канцелярии В. П. Литвинова. Плита из известняка; найдена при раскопках в 1929 г. У зап. стены Лазаревской церкви.

223. **Литке** Анна-Доротея (рожд. Энгель). 1767–1797. Жена Петра-Августа Литке, мать ученого и путешественника Ф. П. Литке. Мраморный обелиск, эпитафия на немецком языке. Памятник перенесен с Волковского лютеранского кл. в 1940 г. VIII уч., Мартосовская дор.

224. **Лобанов-Ростовский** Александр Яковлевич, кн. 1789–1866. Коллекционер, основатель Петербургского яхт-клуба. Гранитный обелиск. VI уч.

225. **Лобанова-Ростовская** Клеопатра Ильинична, кн. (рожд. гр. Безбородко). Ум. 1840. Дочь гр. И. А. Безбородко, «самая богатая невеста России», первая жена кн. А. Я. Лобанова-Ростовского. Гранитный саркофаг. I уч.

226. **Лобанова** Александра Антоновна. Ум. 1836. Писательница; жена библиографа М. Е. Лобанова. Мраморный жертвенник с барельефом и стихотворной эпитафией. Памятник перенесен с Тихвинского кл. в 1930-е гг. VII уч.

227. **Ломоносов** Михаил Васильевич. 1711–1765. Мраморная стела по эскизу Я. Штелина. Мастер Ф. Медико (Каррара), 1766 г. Памятник сооружен на средства гр. М. И. Воронцова, реставрирован в 1832 г. на средства гр. М. С. Воронцова, в 1887 г. – на средства Г. И. Ностицы. Эпитафия на латинском и русском языках; аллегорический рельеф. II уч., Ломоносовская дор.

228. **Лукин** Владимир Игнатьевич. 1731–1794. Переводчик, драматург. Гранитный саркофаг со стихотворной эпитафией. Рядом с однотипным памятником дочерям, Надежде (1771–1787) и Александре (1773–1786). V уч.

229. **Львов** Андрей Александрович, кн. 1840–1871. Мраморный скульптурный саркофаг. XI уч.

230. **Ляпунов** Яков Дмитриевич. 1799–1856. Поручик. Чугунная капличка со стихотворной эпитафией. VI уч.

231. **Магир** Адольф. 1807–1842. Доктор. Бронзовая скульптура. Ск. Ш. Лемольт, 1840-е гг. Памятник перенесен со Смоленского евангелического кл. в 1930-е гг. X уч., у зап. ограды.

232. **Малиновская** Анна Васильевна (рожд. Цыгорова). 1795–1822. Гранитный обелиск со стихотворной эпитафией; на одном подиуме с однотипным памятником сестре, П. В. Цыгоровой. 1788–1805. VI уч.

233. **Мамонтова** Евдокия Борисовна. Ум. 1822. Полуколонка, срезанная по вертикали; на призматическом постаменте; рядом с памятником мужу С. Т. Мамонтову Ум. 1843. XI уч.

234. **Марин** Сергей Никифорович. 1776–1813. Поэт, член «Беседы любителей русского слова». Мраморная полуколонна на постаменте, с портретным барельефом; стихотворная эпитафия. V уч.

235. **Мария Александровна**, грузинская царевна (рожд. Хилкова). 1788–1815. Дочь подполковника кн. А. Я. Хилкова, жена царевича Мириана Ираклиевича. Полуколонна со светильником на постаменте; эпитафия на русском и грузинском языках. II уч.

236. **Мартос** Иван Петрович. 1754–1835. Скульптор. Гранитный жертвенник. Арх. А. И. Мельников, 1836 г. Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1930-е гг. XI уч., Мартосовская дор.

237. **Мартьянова** Мария. 1762–1789. Гранитный саркофаг с мраморной доской со стихотворной эпитафией. VIII уч.

238. **Маруцци** Паоло. 1730–1799. Итальянский аристократ, воспитатель сыновей имп. Павла I – Александра и Константина. Гранитный обелиск-пирамида, однотипный с соседним памятником Е. А. Черткову. Неизв. мастер, 1800-е гг. XI уч.

239. **Мелентьев** Михаил. 1727–1797. «Архитекторский помощник», один из строителей ансамбля Александро-Невской лавры. Гранитный саркофаг, однотипный с соседним памятником жене, Евдокии Семеновне. Ум. 1794. III уч., близ вост. ограды.

240. **Мельгунов** Петр Наумович. 1685–1751. Петербургский вице-губернатор. Чугунная плита с гербом, однотипная с соседним надгробием жены, Ефимии Васильевны (рожд. Корсаковой). 1705–1762. Плиты обнаружены при раскопках 1929–1931 гг. I уч.

241. **Меншиков** Николай Дмитриевич. 1747–1813. Коммерции советник, петербургский городской голова. Мраморный жертвенник, однотипный с соседним памятником сыну Н. Н. Меншикову. 1784–1815. VII уч.

242. **Меншиков** Петр Александрович, светл. кн. 1743–1781. Гвардии капитан; внук светл. кн. А. Д. Меншикова. Плита из известняка. V уч.

243. **Мещерский** Александр Иванович, кн. 1730–1779. В связи с его кончиной написана ода Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского». Мраморный саркофаг со стихотворной эпитафией. IV уч., за памятником Рейсигов.

244. **Мещерский** Алексей Васильевич, кн. 1720–1782. Действительный тайный советник. Мраморная пирамида с бюстом. Ск. Я. Земмельгак, 1782 г. Утраченный бюст воссоздан по фотографии ск. Г. С. Ястребенским в 1965 г. V уч.

245. **Мещерский** Сергей Васильевич, кн. 1737–1781. Советник канцелярии при Коллегии иностранных дел. Мраморный пилон с рельефом плакальщицы; стихотворная эпитафия В. Г. Рубана. IV уч.

246. **Мещерский** Семен Федорович, кн. 1668–1732. Генерал-лейтенант. Чугунная плита с гербом. I уч.

247. **Мижужева** Екатерина. 1763–1806. Жена петрозаводского купца К. Е. Мижужева. Гранитный саркофаг с мраморной скульптурой плакальщицы. Рядом с памятником К. Е. Мижужеву. 1753–1827. VIII уч.

248. **Милославский** Федор Сергеевич, кн. 1709–1783. Вице-адмирал; последний представитель рода Милославских. Постамент в ограде; эпитафия не сохранилась. VII уч.

249. **Миних** Сергей Христофорович. 1773–1809. Полковник, адъютант вел. кн. Константина Павловича; внук фельдмаршала Б. Х. Миниха. Мраморный обелиск из плит; в художественной ограде; аналогичен надгробию П. И. Кусовой и П. И. Кокушкиной. Рядом с надгробием матери, Анны Андреевны (рожд. гр. Ефимовской). 1751–1824. II уч.

250. **Митусов** Григорий Петрович. 1795–1871. Гранитная полуколонна. V уч.

251. **Михайловский-Данилевский** Иван Лукьянович. Ум. 1807. Действительный статский советник; отец военного историка А. И. Михайловского-Данилевского. Мраморный пилон на постаменте с латинской эпитафией. Памятник поставлен сыном в 1807 г. XI уч.

252. **Мордвинов** Александр Николаевич, гр. 1799–1858. Художник-любитель; сын гр. Н. С. Мордвинова.

Мордвинова Александра Петровна, гр. (рожд. гр. Толстая). 1807–1890. Вторая жена гр. А. Н. Мордвинова.

Имеретинский Александр Константинович, светл. кн. 1837–1900. Варшавский генерал-губернатор; зять А. Н. и А. П. Мордвиновых.

Декоративная мраморная стенка; газон; алтарь с крестом. Неизв. мастер, кон. XIX в. Сев. – вост. угол некрополя. Семейное место Мордвиновых.

253. **Мордвинов** Михаил Иванович. 1725–1782. Генерал-инженер, управляющий инженерной частью, сухопутными и водными сообщениями России. Мраморный постамент с вазой. Рядом с надгробием жены, Екатерины Александровны (рожд. Саблуковой). Ум. 1823. V уч.

254. **Мордвинов** Николай Александрович, гр. 1830–1846. Сын гр. А. Н. Мордвинова от первого брака с А. А. Яковлевой. Мраморный саркофаг на постаменте. Неизв. мастер (Каррара?), 1847 г. Семейное место Мордвиновых. III уч.

255. **Мордвинов** Николай Семенович, гр. 1754–1845. Адмирал, государственный и общественный деятель. Мраморный обелиск-стела. Мастер Е. М. Тропин, 1840-е гг. III уч., Ломоносовская дор.

256. **Мордвинов** Семен Иванович. 1700–1777. Адмирал, член Адмиралтейской коллегии; отец Н. С. Мордвинова.

Мордвинова Наталья Ивановна (рожд. Еремеева). 1733–1795. Жена С. И. Мордвинова, двоюродная сестра фельдмаршала П. А. Румянцева. Гранитный жертвенник. Неизв. мастер, 1820-е гг. IV уч.

257. **Морков** Аркадий Иванович, гр. 1747–1827. Член коллегии иностранных дел, русский посол в Париже, член Государственного совета. Медный скульптурный жертвенник; в художественной ограде; стихотворная эпитафия. XI уч.

258. **Морсочников** Иван Михайлович. 1717–1785. Статс-секретарь Екатерины II. Гранитный саркофаг с мраморной доской со стихотворной эпитафией В. Г. Рубана. IX уч.

259. **Муравьев** Михаил Никитич. 1757–1807. Литератор, государственный деятель; отец декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых. Мраморный жертвенник с рельефами; стихотворная эпитафия Г. Р. Державина. Ск. М. Г. Крылов (?), кон. 1800-х гг. VI уч., Ломоносовская дор.

260. **Муравьев** Михаил Николаевич, гр. 1796–1866. Государственный деятель (Муравьев-«вешатель»), военный губернатор Польши. Часовня-усыпальница в русском стиле. Арх. А. И. Резанов, 1868 г. Близ сев. ограды.

261. **Муравьев** Никита Артамонович. 1721–1799. Сенатор; отец М. Н. Муравьева. Постамент с урной и барельефным портретом; стихотворная эпитафия М. Н. Муравьева (?). III уч., Ломоносовская дор.

262. **Муравьева** Екатерина Николаевна (рожд. Мордвинова). 1791–1819. Внучка М. И. Мордвинова, жена Н. Н. Муравьева, сенатора и писателя. Обелиск из плит. VI уч.

263. **Мусин-Пушкин** Иван, гр. Ум. 1859, семи дней. Бронзовый крест на постаменте из лабрадорита. Памятник перенесен с Тихвинского кл. в 1930-е гг. IV уч., Россиевская дор.

264. **Мусина-Пушкина** Мария Андреевна (рожд. Чагина). 1777–1799. Полковница. Постамент с вазой. IV уч.

265. **Надаржинский** Алексей Филиппович. 1747–1799. Харьковский помещик, сенатор. Саркофаг со стихотворной эпитафией. Поставлен женой, Анастасией Николаевной (рожд. Тютчевой), теткой Ф. И. Тютчева. V уч.

266. **Нартов** Андрей Константинович. 1693–1756. Механик, изобретатель. Саркофаг – копия найденного в 1956 г. на быв. кладбище у Благовещенской церкви на Васильевском острове. Прах перенесен оттуда же в 1956 г. Дата рождения на памятнике ошибочна. II уч., близ памятника М. В. Ломоносову.

267. **Нартова** Елизавета Петровна (рожд. кн. Мещерская). 1744–1779. Жена А. А. Нартова, академика, сына А. К. Нартова. Постамент с урной; стихотворная эпитафия. IV уч., слева от Ломоносовской дор.

268. **Нарышкин** Семен Васильевич. 1731–1770-е гг. Вице-президент Берг-коллегии, литератор; был женат на сестре фельдмаршала кн. Н. И. Салтыкова. Саркофаг со стихотворной эпитафией. V уч.

269. **Нарышкина** Мария Павловна (рожд. Балк-Полева). 1728–1793. Жена обер-егермейстера С. К. Нарышкина, изобретателя роговой музыки. Мраморная полуколонна с вазой-светильником, однотипная с соседним памятником Е. Л. Нарышкиной (1770–1795), дочери Л. А. Нарышкина. I уч., Петровская дор., рядом с надгробием сына, К. С. Нарышкина. 1761–1770.

270. **Неклюдов** Петр Васильевич. 1745–1797. Председатель Петербургской палаты гражданского и уголовного суда, позднее обер-прокурор Сената; друг Г. Р. Державина. Постамент с полуколонкой; стихотворная эпитафия Г. Р. Державина; однотипный с соседним памятником жене, Елизавете Ивановне (рожд. Левашевой). 1755–1799. II уч.

271. **Несвицкий** Василий Федорович, кн. 1704–1771. Вице-адмирал. Плита на участке семейных памятников Несвицких. I уч., близ зап. ограды.

272. **Нефедьев** Павел Ильич. 1781–1806. Штаб-ротмистр лейб-гвардейского Конного полка; двоюродный брат литератора А. И. Тургенева. Полуколонна с вазой-светильником. VI уч.

273. **Новосильцев** Петр Иванович. 1745–1805. Сенатор.

Новосильцев Василий Петрович. 1789–1805. Прапорщик лейб-гвардии, «скончался от ран на сражение полученных».

Стилизованная ваза-светильник на постаменте; аналогична надгробию А. А. и Е. М. Константиновых. V уч., в начале Дор. мастеров искусств.

274. **Огарев** Николай Александрович. 1811–1867. Генерал-адъютант. Стилизованный крест на постаменте. Памятник перенесен с Тихвинского кл. в 1930-е гг. XI уч.

275. **Огарева** Вера. Ум. 1809.

Огарева Варвара. Ум. 1811.

Огарев Петр. Ум. 1812. Дети П. Б. и Е. И. Огаревых, сестры и брат поэта Н. П. Огарева. Колонка на постаменте. X уч.

276. **Огарева** Елизавета Ивановна (рожд. Баскакова). 1784–1815. Жена статского советника П. Б. Огарева, мать поэта Н. П. Огарева. Полуколонна с рустом; на постаменте. XI уч.

277. **Одоевская** Прасковья Александровна, кн. 1770–1820. Жена генерал-майора И. С. Одоевского, мать поэта-декабриста А. И. Одоевского. Ваза с рельефом на рустованной полуколонне. Памятник поставлен мужем и сыном. IX уч., Бетанкуровская дор.

278. **Одоевский** Александр Иванович, кн. 1738–1798. Плита известняковая с гербом, аналогичная соседней, жены, кн. Марии Федоровны (рожд. Вадковской). 1751–1786. IX уч.

279. **Олешев** Алексей Васильевич. 1724–1788. Писатель, член Вольного экономического общества; был женат на М. В. Суворовой, младшей сестре полководца. Мраморный саркофаг со стихотворной эпитафией В. Г. Рубана. VII уч.

280. **Олсуфьев** Адам Васильевич. 1721–1784. Дипломат, председатель театрального комитета, статс-секретарь Екатерины II. Мраморный саркофаг. Семейное место Олсуфьевых. IX уч.

281. **Олсуфьев** Сергей Адамович. 1755–1818. Генерал-майор, сын А. В. Олсуфьева. Чугунная ограда на гранитных столбах (по рисунку А. Н. Вороникина?). IX уч.

282. **Олсуфьева** Екатерина Ивановна (рожд. Молчанова). 1758–1809. Жена С. А. Олсуфьева, воспитанница Смольного института, изображенная на портрете Д. Г. Левицкого. Чугунная ограда, аналогичная памятнику С. А. Олсуфьева. IX уч.

283. **Олсуфьева** Елизавета Сергеевна. 1782–1799. Фрейлина, дочь С. А. и Е. И. Олсуфьевых. Мраморный пилон с рельефом сломанного цветка. IX уч.

284. **Ольхин** Александр Васильевич. 1771–1815. Президент коммерц-коллегии, член правления Александровской мануфактуры; сын уральского заводчика В. Е. Ольхина. Скульптура плакальщицы у алтаря. Мастер А. Трискорни, 1810-е гг. I уч., близ входа в некрополь.

285. **Ольхина** Елена Ивановна (рожд. Кокушкина). Ум. 1773.

Ольхин Василий Васильевич. Ум. 1791. Петербургский купец. Мраморная пирамида на саркофаге с вазами-светильниками. Неизв. мастер, 1790-е гг. I уч., в начале Петровской дор.

286. **Орлов-Денисов** Василий Васильевич, гр. 1810–1827. Португей-юнкер Артиллерийского училища; сын генерал-майора В. В. Орлова-Денисова, командира Казачьего полка.

Саркофаг на ножках-лапах; на постаменте; с курьезной эпитафией. X уч., близ Бетанкуровской дор.

287. **Осокин** Иван Петрович. 1745–1808. Коллежский советник. Гранитный саркофаг с мраморными рельефами и стихотворной эпитафией. Арх. Ж. Тома де Томон (?). X уч., Мартосовская дор.

288. **Остерман** Иван Андреевич. 1725–1811. Главнначальствующий над коллегией инстранных дел, государственный канцлер (в 1796 г.). Сын дипломата А. И. Остермана.

Остерман Александра Ивановна, гр. (рожд. Талызина). 1755–1793. Супруга И. А. Остермана. Два саркофага в общей ограде. V уч.

289. **Охотников** Алексей Яковлевич. 1781–1807. Штаб-ротмистр кавалергардского полка; фаворит имп. Елизаветы Алексеевны. Художественное надгробие – грот со скульптурой плакальщицы у сломанного дерева. Мастер Ф. Тибо, 1807 г. Рядом с памятником брату, П. Я. Охотникову 1776–1801. V уч.

290. **Панфилов** Иоанн Иоаннович. 1724–1794. Протоиерей московского Благовещенского собора, член Российской Академии, императорский духовник.

Панфилова Лукия Васильевна. Ум. 1772. Жена И. И. Панфилова. Гранитный саркофаг с мраморной крышкой. I уч.

291. **Паской** Иван Тимофеевич. 1740–1810. Петербургский купец. Мраморный пилон с крестом. Семейное место Паских. II уч.

292. **Пассек** Петр Богданович. 1736–1804. Генерал-аншеф, участник дворцового переворота 1762 г.

Пассек Мария Сергеевна (рожд. Волчкова). 1752–1805. Жена П. Б. Пассека. Саркофаг в художественной ограде. III уч., у вост. стены.

293. **Перекусихина** Мария Саввична. 1739–1824. Камер-юнгфера Екатерины II. Мраморный постамент; доска с эпитафией утрачена. VII уч., справа от Мартосовской дор.

294. **Плавов** Петр Сергеевич. 1794–1864. Архитектор. Саркофаг с эмблемами архитектуры. I уч., близ зап. стены Лазаревской церкви.

295. **Плещеева** Наталья Федотовна (рожд. Веригина). 1768–1855. Статс-дама; фаворитка Павла I. Гранитный саркофаг. XII уч.

296. **Полетика** Михаил Иванович. 1768–1824. Литератор, секретарь имп. Марии Федоровны.

Полетика Елизавета Михайловна (рожд. Мордвинова). 1776–1802. Дочь М. И. Мордвинова, жена М. И. Полетики.

Гранитный жертвенник. VI уч.

297. **Поликарпов** Александр Васильевич. 1753–1811. Сенатор, участник взятия крепости Анапа в 1791 г. Постамент со светильником. Рядом с аналогичным надгробием жены, Елизаветы Павловны, рожд. кн. Щербатовой. 1758–1822. VII уч.

298. **Политковская** Александра Григорьевна (рожд. Шелехова). 1788–1816. Дочь Г. И. Шелехова, основателя Российско-Американской кампании, жена Г. Г. Политковского, сенатора, литератора, члена «Беседы любителей русского слова».

Резанова Анна Григорьевна (рожд. Шелехова). 1780–1802. Сестра А. Г. Политковской, жена Н. П. Резанова, обер-прокурора Сената, путешественника, уполномоченного Российско-Американской кампании. Колонка на постаменте. II уч.

299. **Полторацкая** Агафоклея Дмитриевна. 1797–1815. Внучка М. Ф. Полторацкого и П. К. Хлебникова. Мраморный жертвенник с рельефами и эпитафией В. А. Жуковского; в одной ограде с памятником П. К. Хлебникову I уч.

300. **Полторацкая** Софья Алексеевна (рожд. Щепотеева). 1790–1810. Жена А. М. Полторацкого. Гранитный саркофаг с рельефом. IX уч.

301. **Полторацкий** Марк Федорович. 1729–1795. Управляющий Придворной певческой капеллой. Гранитная ваза на ступенчатом постаменте. IX уч., Радищевская дор.

302. **Полубояринов** Абрам Петрович. 1705–1735. Секретарь имп. Анны Иоанновны. Плита из известняка. I уч.

303. **Полянская** Елизавета Ивановна (рожд. Рибопьер). 1781–1847. Вдова сенатора А. А. Полянского. Чугунный саркофаг с рельефами; однотипный с памятником А. А. Полянскому. Неизв. мастер, 1840-е гг. VII уч.

304. **Полянская** Елизавета Романовна (рожд. гр. Воронцова). 1742–1792. Дочь генерал-аншефа гр. Р. И. Воронцова, сестра Е. Р. Дашковой, жена А. И. Полянского, фаворитка имп. Петра III. Урна на постаменте. IV уч.

305. **Полянский** Александр Александрович. 1774–1818. Сенатор. Чугунный саркофаг с рельефами. Неизв. мастер, 1840-е гг. V уч., слева от Петровской дор.

306. **Полянский** Александр Иванович. 1721–1818. Статский советник; муж Е. Р. Воронцовой. Обелиск из плит. V уч.

307. **Полянский** Петр Андреевич. 1729–1782. Бригадир, служил при Адмиралтействе. Мраморный саркофаг на ножках-волютах; однотипный с соседним памятником сестре, Е. А. Полянской. 1744–1781. VII уч.

308. **Потапов** Василий Иванович. 1774–1821. Гранитный жертвенник со стихотворной эпитафией, аналогичный памятнику Б. А. Голицына. Надгробие поставлено женой. X уч., близ Мартосовской дор.

309. **Потемкина** Александра Яковлевна. Ум. 1830. Дочь генерал-лейтенанта Я. А. Потемкина, командира Семеновского полка. Миниатюрная сень над саркофагом. III уч., у вост. стены.

310. **Потемкина** Варвара Ивановна (рожд. Сафонова). 1786–1810. Жена Я. А. Потемкина. Сень на четырех каннелированных колоннах над саркофагом; эпитафия с французскими стихами. Неизв. мастер, 1830-е гг. (?). III уч., рядом с А. Я. Потемкиной.

311. **Потемкина** Прасковья Андреевна, гр. (рожд. Закревская). 1763–1816. Дочь директора Академии художеств А. О. Закревского, жена дипломата гр. П. С. Потемкина, участника суворовских походов; фаворитка Г. А. Потемкина. Мраморный мавзолей с рельефами «Вера», «Надежда» и «Любовь». Мастерская И. П. Мартоса, 1810-е гг. VI уч.

312. **Похотин** Николай Иванович. 1765–1822. Петербургский 2-й гильдии купец. Гранитный саркофаг на ножках-шарах; стихотворная эпитафия со стихами св. Дмитрия Ростовского. VII уч.

313. **Пуколов** Иван Антонович. Синодский обер-секретарь.

Пуколов Николай Иванович. Сын И. А. Пуколова.

Гранитный жертвенник с чугунными рельефами аллегорического содержания; стихотворная эпитафия. Неизв. мастер, 1820-е гг. Памятник перенесен с Волковского православного кл. в 1930-е гг. I уч., у входа в некрополь.

314. **Радищева** Анна Васильевна (рожд. Рубановская). Ум. 1783. Жена А. Н. Радищева. VIII уч., у пересечения Мартосовской и Радищевской дор.

315. **Разумовская** Софья Степановна, гр. (рожд. Ушакова). 1746–1803. В первом браке Чарторыйская, во втором – жена гр. П. К. Разумовского; фаворитка вел. кн. Павла Петровича. Мраморная скульптура плакальщицы на постаменте, стихотворная эпитафия. Неизв. мастер, 1800-е гг. II уч.

316. **Разумовский** Петр Кириллович, гр. 1751–1823. Обер-камергер; сын гр. К. Г. Разумовского. Скульптура плакальщицы на постаменте-жертвеннике; в художественной ограде, общей с памятником С. С. Разумовской. Неизв. мастер, 1820-е гг. II уч., близ сев. стены Лазаревской усыпальницы.

317. **Рамбург** Александр Иванович. 1758–1826. Генерал-майор; сын корабельного мастера И. С. Рамбурга, сподвижник Петра I. Постамент со скульптурой ангела и рельефом; стихотворная эпитафия. Семейное место Рамбургов. VIII уч.

318. **Ранцова** Елизавета Алексеевна (рожд. Дубенская). 1766–1808. Жена коллежского советника. Мраморный саркофаг с рельефом. Арх. Тома де Томон, 1808 г. XI уч., слева от Мартосовской дор.

319. **Расторгуев** Михаил Дмитриевич. 1728–1767. Архитекторский ученик, принимал участие в строительстве Александро-Невской лавры. Мраморная плита (расколота); эпитафия стерта. IX уч.

320. **Ратков** Абрам Петрович. Ум. 1829. Генерал-майор. Скульптура молящейся у алтаря; на постаменте. VIII уч., к югу от Россиевской дор.

321. **Ратманов** Макар Иванович. 1772–1833. Вице-адмирал, дежурный генерал Главного морского штаба. Мраморный обелиск на чугунных ножках; стихотворная эпитафия. Памятник перенесен с кл. Троице-Сергиевой пустыни в 1931 г. IX уч.

322. **Ратьков-Рожнов** Алексей Александрович. 1829–1909. Тайный советник.

Ратьков-Рожнов Владимир Александрович. 1834–1912. Действительный тайный советник, сенатор, петербургский городской голова, владелец крупнейшей в России Громовской лесной биржи.

Ратьков-Рожнов Илья Владимирович. Ум. 1907.

Часовня-усыпальница в византийском стиле. 1910-е гг. Сев. – зап. угол некрополя.

323. **Резанова** Варвара Федоровна (рожд. Безобразова). 1773–1820. Жена сенатора Д. И. Резанова. Обелиск-жертвенник; стихотворная эпитафия. В одной ограде с памятником дочери, А. Д. Сушковой. 1792–1823. XI уч. Мартосовская дор.

324. **Рейссиг** Карл Иоганн Христиан. 1809–1839. Штабс-капитан Семеновского полка.

Рейссиг Корнелий Август. 1781–1860. Действительный статский советник, астроном.

Рейсиг Кристиана. 1784–1855. Супруга К. А. Рейсига.

Чугунная скульптура спящего офицера в форме Семеновского полка; на постаменте; эпитафия на немецком языке. Ск. А. И. Штрейхенберг, 1839 г. Памятник отлит на Александровском заводе в 1840 г. Перенесен с Волковского лютеранского кл. в 1930-е гг. IV уч., Ломоносовская дор.

325. **Ренни** Мария Ивановна (рожд. Бек). 1781–1816. Дочь лейб-медика И. Ф. Бека, жена участника Отечественной войны 1812 г. генерал-майора Р. Е. Ренни. Полуколонна с рустом. V уч.

326. **Репнин** Иван Николаевич, кн. 1765–1774. Сын генерал-аншефа кн. Н. В. Репнина. Чугунная плита. Найдена при раскопках у зап. стены Лазаревской церкви в 1929–1931 гг. I уч.

327. **Ржевский** Алексей Андреевич. 1737–1804. Литератор, вице-директор Академии наук, масон. Урна, оплетенная змеей; на постаменте; доска со стихотворной эпитафией утрачена. II уч., у сев. стены Лазаревской церкви.

328. **Ржевский** Алексей Алексеевич. 1791–1799. Сын А. А. Ржевского от второго брака с Г. И. Алымовой. Гранитный саркофаг с мраморной плитой с гербом и стихотворной эпитафией. I уч., у сев. стены Лазаревской церкви.

329. **Рибопьер** Аграфена Александровна (рожд. Бибикова). 1755–1812. Дочь генерал-аншефа А. И. Бибикова, вдова И. С. Рибопьера, адъютанта светл. кн. Г. А. Потемкина. Гранитный трехгранный жертвенник с рельефами; в чугунной ограде. Семейное место Рибопьеров. IX уч.

330. **Росси** Карл Иванович. 1775–1849. Архитектор. Гранитная стела, общая с Леонтиной Росси (1800–1846); надпись по-французски. Прах и памятник перенесены с Волковского лютеранского кл. в 1939 г. VI уч., Россиевская дор.

331. **Ростовцев** Илья Иванович. 1797–1828. Полковник Финляндского полка, член Союза благоденствия; брат Я. И. Ростовцева, деятеля крестьянских реформ.

Ростовцева Александра Михайловна (рожд. Цветкова). 1807–1829. Жена И. И. Ростовцева.

Ростовцева Александра Ивановна (рожд. Кусова). 1778–1843. Жена И. И. Ростовцева, директора училищ Петербургской губернии, мать И. И. и Я. И. Ростовцевых. Архитектурное надгробие. Неизв. арх., 1820-е гг. IX уч., слева от входа в некрополь.

332. **Саблуков** Александр Александрович. 1749–1828. Сенатор, член Государственного совета, председатель Опекунского совета. Гранитный саркофаг. IV уч.

333. **Саблуков** Николай Александрович. 1776–1844. Генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., мемуарист; сын А. А. Саблукова. Чугунная стела. Прах и памятник перенесены с Фарфоровского кл. в 1930-е гг. V уч.

334. **Сакер** Павел Павлович. 1752–1822. Статский советник. Горка, увенчанная сломанным деревом; доска со стихотворной эпитафией утрачена. VIII уч.

335. **Салагов** Семен Иванович, кн. 1756–1820. Генерал-лейтенант, сенатор. Скульптура молящейся перед алтарем; в одной ограде с памятником жене, кн. Марфе Федоровне. Ум. 1824. IX уч., в начале Мартосовской дор.

336. **Салтыкова** Анна Николаевна, гр. (рожд. Леонтьева). 1776–1810. Жена камергера гр. Д. Н. Салтыкова (1767–1826), сына фельдмаршала Н. И. Салтыкова, воспитателя вел. кн. Александра и Константина Павловичей. Ограда с плитами надгробий: А. Н. Салтыковой, ее мужа, Д. Н. Салтыкова, и дочери, М. Д. Долгоруковой. 1795–1823. Неизв. мастер, 1810-е гг. VII уч., Петровская дор.

337. **Салтыкова** Елизавета Павловна, кн. (рожд. гр. Строганова). 1802–1865. Дочь П. А. Строганова, жена кн. И. Д. Салтыкова (1797–1832), похороненного рядом. Мраморный портал. IV уч., Петровская дор.

338. **Самойлов** Николай Александрович, гр. Ум. 1842. Флигель-адъютант Александра I, капитан Преображенского полка; близкий знакомый А. П. Ермолова, двоюродный брат генерала Н. Н. Раевского, муж Ю. П. фон Пален, приятельницы К. П. Брюллова (разошелся с ней через год после свадьбы). Мраморный саркофаг. IV уч.

339. **Сафонов** Николай Иванович. 1789–1807. Грот из глыб с портиком. X уч., близ надгробия А. И. Васильева.

340. **Свечина** Екатерина Васильевна (рожд. Энгельгардт). 1798–1818. Воспитанница сенатора В. В. Энгельгардта, получившая его фамилию, жена генерал-майора Н. М. Свечина, военного губернатора Петербурга. Мраморный жертвенник с рельефами; стихотворная эпитафия. V уч.

341. **Свистунов** Степан Васильевич. 1674–1746. «Города Великих Лук Великолукской провинции помещик». Плита с эпитафией, найдена при раскопках 1929–1931 гг. XII уч., близ сев. ограды некрополя.

342. **Северина** Елена Скарлатовна (рожд. Стурдза). 1795–1818. Сестра А. С. Стурдзы, приближенного имп. Павла I, жена дипломата Д. П. Северина, члена литературного общества «Арзамас». Саркофаг в чугунной ограде (по рис. А. Н. Воронихина?). VII уч.

343. **Селиванов** Федор Михайлович. 1700–1782. Вице-адмирал. Чугунная плита с рельефом. I уч.

344. **Скобелцын** Матвей Егорович. 1737–1773. Капитан лейб-гвардии Измайловского полка. Мраморная плита с рельефом – череп в венке из роз. I уч., близ зап. стены.

345. **Скотти** Пьетро. 1768–1838. Художник-орнаменталист. Гранитный саркофаг. Прах и памятник перенесены со Смоленского лютеранского кл. в 1940 г. VI уч.

346. **Скрыпцын** Алексей Васильевич. Ум. 1815. Бригадир. Урна из порфира и мрамора на постаменте; в чугунной ограде с венками. VII уч., Дор. мастеров искусств.

347. **Скрыпицын** Федор Алексеевич. Ум. 1849. Действительный статский советник; сын А. В. Скрыпицына. Гранитная колонна с медальоном; однотипна с надгробием вдовы, М. Я. Скрыпицыной. Ум. 1857. VII уч.
348. **Смирнов** Владимир Осипович. 1796–1815. Подпоручик Семеновского полка. Глыба с крестом; стихотворная эпитафия П. А. Вяземского. VII уч.
349. **Смирнов** Мардарий Васильевич. 1756–1834. Мраморная колонна с медальоном. VII уч.
350. **Смирнов** Николай Васильевич. 1746–1822. Статский советник. Гранитный саркофаг с мраморными рельефами. VII уч.
351. **Смирнова** Мария Васильевна. 1763–1790. Дочь полковника В. Д. Смирнова. Мраморный саркофаг со стихотворной эпитафией. VII уч.
352. **Снегирев** Иван Михайлович. 1793–1868. Профессор, этнограф и фольклорист. Гранитная плита. III уч., за памятником Рейсигов.
353. **Соллогуб** Аполлинария Владимировна. 1849–1850. Дочь писателя В. А. Соллогуба. Гранитный саркофаг с бронзовым крестом; однотипный с соседними памятниками детей Веневитиновых и Соллогубов. XI уч.
354. **Соллогуб** Наталья Львовна, гр. (рожд. Нарышкина). Ум. 1819. Дочь обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина, жена генерал-майора гр. И. А. Соллогуба, бабушка писателя В. А. Соллогуба. Гранитная плита в ограде. IX уч.
355. **Соловцов** Николай Петрович. 1812–1887. Гранитная каплица с крестом. Мастер А. К. Томсон, 1880-е гг. III уч.
356. **Старов** Иван Егорович. 1745–1808. Архитектор. Полуколонна с урной с вензелем; на постаменте; в кованой ограде. VI уч., в конце Старовской дор.
357. **Старова** Елизавета Петровна. Ум. 1811. Младенец, дочь П. И. Старова, внучка И. Е. Старова. Стела с полуциркульным завершением. Арх. П. И. Старов (?), 1810-е гг. VI уч.
358. **Старова** Наталья Григорьевна (рожд. Демидова). 1748–1832. Вдова И. Е. Старова, дочь Г. А. Демидова. Гранитная полуколонна на постаменте. IV уч.
359. **Стефан**, поп. 1726–1768. Священник при Благовещенской церкви Невского монастыря. Плита со стихотворной эпитафией. Вмурована в юж. ограду I уч.
360. **Столыпин** Алексей Аркадьевич. 1816–1858. Двоюродный дядя и ближайший друг М. Ю. Лермонтова. Гранитный жертвенник. IV уч., близ семейного места Мордвиновых.
361. **Столыпин** Аркадий Алексеевич. 1778–1825. Сенатор; родной брат Е. А. Арсеньевой, бабушки М. Ю. Лермонтова. Гранитный жертвенник; стихотворная эпитафия (А. С. Грибоедов?). IV уч., Ломоносовская дор.
362. **Столыпина** Вера Николаевна (рожд. гр. Мордвинова). 1790–1834. Дочь адмирала Н. С. Мордвинова, жена А. А. Столыпина. Гранитный жертвенник, однотипный с памятниками Столыпиных и Мордвиновых. Рядом с мужем. VI уч.
363. **Стрекалов** Степан Федорович. 1731–1805. Сенатор, член Государственного совета. Гранитный обелиск. I уч.
364. **Стрекалова** Екатерина Васильевна (рожд. Давыдова). 1793–1823. Жена генерал-майора С. С. Стрекалова. Мраморная ваза на постаменте. I уч.
365. **Строганов** Александр Сергеевич, бар. 1771–1815. Сын бар. С. Н. Строганова, племянник кн. А. М. Белосельского-Белозерского; гофмаршал при дворе вел. кн. Александра Павловича. Сломанная колонна с прислоненным крестом; стихотворная эпитафия. Рядом с памятником жене, С. А. Строгановой. IV уч.
366. **Строганов** Павел Александрович, гр. 1774–1817. Сын гр. А. С. Строганова; генерал-адъютант, член «Негласного комитета» при Александре I, участник Отечественной войны 1812 г.

Строганов Александр Павлович, гр. 1794–1814. Сын гр. П. А. Строганова от брака с кн. С. В. Голицыной; в 1813 г. отправился в действующую армию, погиб под Красным. Гранитный саркофаг с мраморной плитой; на общем основании с памятником С. Г. и А. С. Строгановым. II уч.

367. **Строганов** Сергей Григорьевич, бар. 1707–1756. Камергер; отец А. С. Строганова.

Строганов Александр Сергеевич, гр. 1734–1811. Обер-камергер, сенатор, президент Академии художеств, главный директор Императорских библиотек, петербургский предводитель дворянства.

Гранитный саркофаг с мраморной плитой; на общем основании с памятником П. А. и А. П. Строгановым. II уч.

368. **Строганова** Мария Артемьевна, бар. (рожд. Загряжская). 1722–1787. Жена бар. А. Г. Строганова, в первом браке Исленьева. Постамент с урной; латинская эпитафия. IX уч.

369. **Строганова** Софья Александровна, бар. (рожд. кн. Урусова). 1779–1801. Дочь генерал-майора кн. А. В. Урусова, жена бар. А. С. Строганова. Умерла при родах, похоронена с дочерью Верой, жившей 7 дней.

Архитектурное надгробие с мраморным барельефом и скульптурой. Ск. М. И. Козловский, 1802 г. Скульптурные группы перенесены в Лазаревскую усыпальницу. Утраченный барельеф воссоздан – ск. И. В. Крестовский, 1969 г. IV уч., Дор. мастеров искусств.

370. **Строганова** Юлия Петровна, гр. (рожд. Альмейда-Ойенгаузен). 1782–1864. Дочь португальского графа Карла-Августа д'Ойенгаузена и поэтессы Леоноры д'Альмейда, в первом браке жена португальского посланника в Мадриде гр. д'Ега; последовала в Россию за дипломатом Г. А. Строгановым и в 1826 г. стала его женой; мать Идалии Полетика (1807–1890).

Мраморный портал в сев. стене Лазаревской усыпальницы. Памятник перенесен из костела в Царском Селе (г. Пушкин).

371. **Струговщиков** Степан Борисович. 1738–1804. Действительный статский советник. Мраморная полуколонна с муфтой; в одной ограде с памятником дочери, А. С. Струговщико-вой. 1790–1806. V уч.

372. **Сукин** Яков Иванович. 1710–1778. Действительный статский советник. Литая чугунная плита; рядом с однотипным памятником жене, И. Ф. Сукиной (рожд. Нееловой). 1728–1778. IV уч., Ломоносовская дор.

373. **Сухозанет** Рейна Ивановна (рожд. Гедымин Бялосор). 1789–1823. Жена И. О. Сухо-занета, начальника гвардейского артиллерийского корпуса. Чугунный литой орнаментированный саркофаг в ограде. Памятник перенесен со Смоленского лютеранского кл. в 1931 г. К уч.

374. **Сыренков** Петр Васильевич. 1737–1809. Петербургский именитый гражданин. Архитектурный памятник, однотипный с соседним памятником П. А. Нефедова; стихотворная эпитафия. VII уч.

375. **Сыренков** Петр Петрович. 1783–1837. Сын П. В. Сыренкова; купец. Каннелированная колонна со скульптурой «Вера», однотипная с соседним памятником брату П. П. Сырен-кову 1780–1832. VII уч.

376. **Таирова** Марфа Савельевна (рожд. Королева). 1792–1810. Жена петербургского купца Л. Таирова. Мраморная скульптура «плакальщицы Трискорни» на постаменте; стихотворная эпитафия. Первый известный образец широко тиражировавшейся скульптурной композиции, вышедшей из мастерской А. Трискорни. Памятник перенесен в некрополь с Волковского православного кл. в 1939 г. Скульптура перенесена в 1954 г. в здание быв. Благовещенской церкви. VII уч.

377. **Талызин** Петр Александрович. 1760–1801. Генерал-лейтенант, командир Преобра-женского полка, участник заговора против Павла I. Архитектурное надгробие: сень на четырех колоннах с фигурой плакальщицы над саркофагом. Арх. А. Н. Воронихин, 1803 г. V уч.

378. **Татаринов** Валериан Алексеевич. 1816–1871. Государственный контролер, статс-секретарь. Мраморный постамент. II уч.

379. **Титов** Николай Васильевич. Ум. 1809. Полковник Кавалергардского полка. Пилон с каннелированной полуколонной и рельефом «Вера». VIII уч.

380. **Тишевский** Сергей Андреевич. 1777–1806. Камер-юнкер. Полуколонна с урной на постаменте и эпитафией. VI уч.

381. **Толстая** Анна Федоровна, гр. 1792–1835. Чугунный саркофаг с рельефами. Перенесен со Смоленского православного кл. в 1931 г. X уч.

382. **Толстой** Матвей Федорович, гр. 1772–1815. Камергер; муж дочери полководца М. И. Голенищева-Кутузова, Прасковьи Михайловны. Обелиск-пирамида на постаменте, с урнами и рельефом плакальщицы. VI уч.

383. **Толстой** Федор Петрович, гр. 1783–1873. Художник, скульптор, медальер. Мраморный крест на постаменте, однотипный с соседним памятником жене, Анастасии Ивановне. Ум. 1889. X уч., Бетанкуровская дор.

384. **Тома де Томон** Жан. 1760–1813. Архитектор.

Сент-Леже Клер (рожд. Томон). Ум. 1846. Дочь Ж. Тома де Томона. Гранитный жертвенник (по рис. Томона?). Прах и памятник перенесены со Смоленского лютеранского кл. в 1940 г. VIII уч.

385. **Томара** Василий Степанович. 1745–1819. Действительный тайный советник. Гранитный саркофаг с крестом в изголовье; стихотворная эпитафия. VII уч.

386. **Томилин** Петр Иванович. 1758–1808. Протоиерей Сергиевского всей артиллерии собора. Саркофаг из плит; стихотворная эпитафия. XI уч.

387. **Торсуков** Ардальон Александрович. 1754–1810. Обер-гофмейстер. Мраморный жертвенник с рельефами, в одной ограде с памятниками тестю, В. С. Перекусихину (1724–1788), и жене, Екатерине Васильевне (ум. 1842). VII уч., Мартосовская дор.

388. **Трискорни** Августин. 1761–1824. Скульптор. Владелец мастерской в Петербурге, изготовлявшей декоративную скульптуру и надгробные памятники. Гранитный обелиск. Прах и памятник перенесены в 1940 г. со Смоленского лютеранского кл. VII уч., пересечение Петровской и Мартосовской дор.

389. **Трубецкой** Петр Никитич, кн. 1724–1791. Сенатор, камергер; сын фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкого, племянник фельдмаршала И. Ю. Трубецкого, тесть гр. А. С. Строганова. Плита из известняка. X уч.

390. **Тулубьев** Афанасий Никитич. Ум. 1857. Действительный статский советник. Бронзовая скульптура молящейся перед алтарем; в художественной ограде. XII уч.

391. **Тургенев** Иван Петрович. 1752–1807. Действительный статский советник, литератор, директор Московского университета.

Тургенев Андрей Иванович. 1781–1803. Дипломат, поэт, друг В. А. Жуковского. Плита из известняка в ограде. V уч.

392. **Туркестанова** Варвара Ильинична, кн. 1775–1819. Фрейлина; фаворитка имп. Александра I. Постамент с урной, оплетенной змеей. VI уч.

393. **Турчанинов** Алексей Федорович. 1704–1787. Уральский заводчик. Скульптурное надгробие. Ск. И. П. Мартос, арх. Н. П. Давыдов, отливал Э. Гастклу, 1792 г. VIII уч., Мартосовская дор.

394. **Туфанов** Петр Яковлевич. 1761–1838. Петербургский купец. Гранитный саркофаг на ножках-шарах. Семейное место Туфановых. II уч.

395. **Тучков** Павел Алексеевич. 1775–1858. Участник Отечественной войны 1812 г., член Государственного совета. Мраморная плита в общей ограде с надгробиями жены и дочери. III уч.

396. **Тюльпин** Иван Михайлович. Ум. 1813. Статский советник. Архитектурное надгробие. VII уч.

397. **Урусова** Александра Ивановна, кн. 1785–1808. Мраморный жертвенник со стихотворной эпитафией. VII уч.

398. **Урусова** Ольга Петровна, кн. 1847–1852. Постамент с крестом и портретным барельефом. I уч., Петровская дор.

399. **Ушакова** Анна Илларионовна (рожд. Голенищева-Кутузова). 1745–1813. Сестра полководца М. И. Голенищева-Кутузова. Колонка на постаменте. VI уч.

400. **Фаминицына** Прасковья Ивановна. 1776–1809. Скульптура «Вера» на постаменте; стихотворная эпитафия. VI уч.

401. **Фонвизин** Денис Иванович. 1745–1792. Писатель. Гранитный саркофаг. Эпитафия на мраморной доске – копия, «снятая в точности» с оригинала. V уч., Фонвизинская дор.

402. **Фредерикс** Гедвига (рожд. бар. Мальтиц). 1761–1848.

Фредерикс Доротея. 1769–1779. Родственницы И. Ю. Фредерикса. Мраморный постамент с рельефом гения и с урной. Ск. Я. Земмельгак (?), 1780-е гг. IX уч., рядом с памятником И. Ю. Фредериксу

403. **Фредерикс** Иоганн (Иван Юрьевич), бар. 1723–1779. Придворный банкир. Мраморный обелиск с рельефом «Коммерция», ск. Я. Земмельгак, 1780-е гг. Вместе с предыдущим памятник перенесен в 1930-е гг. с Волковского лютеранского кл. IX уч., к югу от Радищевской дор.

404. **Ханыков** Петр Иванович. 1743–1812. Адмирал, участник Чесменского боя, командир Кронштадтского порта. Гранитный обелиск с мраморными рельефами и стихотворной эпитафией. VIII уч., Мартосовская дор.

405. **Хвостов** Александр Семенович. 1753–1820. Поэт-сатирик, член «Беседы любителей русского слова». Сломанная колонна на постаменте. Прах и памятник перенесены в 1930-е гг. со Смоленского православного кл. Эпитафия не сохранилась. II уч.

406. **Хитрово** Алексей Андреевич. 1700–1756. Генерал-лейтенант, действительный камергер. Мраморная доска в стене Лазаревской церкви. Восстановлена в 1803 г.

407. **Хитрово** Захар Алексеевич. 1746–1798. Действительный статский советник; отец государственного контролера А. З. Хитрово. Скульптура плакальщицы у саркофага; на мраморном постаменте; в ограде. Мастерская А. Трискорни (?), 1800-е гг. Памятник поставлен женой. I уч., у зап. стены Лазаревской усыпальницы, семейное место Хитрово.

408. **Хлебников** Петр Кириллович. 1734–1777. Владелец железных и игольных фабрик, известный библиофил. Мраморная полуколонна со светильником; стихотворная эпитафия. В общей ограде с памятником внучке, А. Д. Полторацкой. I уч.

409. **Хмельницкий** Иван Парфентьевич. 1742–1794. Литератор, переводчик «Света, зримого в лицах» Я. Коменского. Каннелированная полуколонна на постаменте; стихотворная эпитафия В. Г. Рубана. VI уч.

410. **Храповицкий** Александр Васильевич. 1749–1801. Статс-секретарь имп. Екатерины II. Саркофаг из плит; стихотворная эпитафия. II уч., близ Лазаревской церкви.

411. **Храповицкий** Платон Юрьевич. 1738–1794. Тайный советник. Мраморная полуколонна со светильником. Семейное место Храповицких. IX уч.

412. **Хрущов** Михаил Дмитриевич. Ум. 1808. Генерал-лейтенант, член Военной коллегии. Гранитный саркофаг. Ск. И. П. Прокофьев. VI уч., рядом с памятником И. Е. Старову. Скульптура плакальщицы перенесена в Лазаревскую усыпальницу.

413. **Цыгорова** Наталья Петровна (рожд. Ларина). 1772–1801. Жена коллежского асессора В. В. Цыгорова, дочь московского купца П. Д. Ларина, завещавшего свой капитал на благотворительные цели. Обелиск на постаменте, с барельефным портретом и гербом. VI уч.

414. **Чаплин** Степан Федорович. 1760–1843. Коммерции советник. Гранитный жертвенник с рельефом. Арх. А. И. Мельников, 1840-е гг. VI уч.

415. **Чекалевский** Петр Петрович. 1751–1817. Вице-президент Академии художеств, теоретик искусства. Глыба с барельефным портретом; стихотворная эпитафия. Ск. В. И. Демут-Малиновский, 1817 г. Барельеф находится в фондах музея. VI уч.

416. **Челищев** Петр Иванович. 1745–1811. Отставной майор; товарищ А. Н. Радищева по университету, известен тем, что, путешествуя по северу России, в 1791 г. воздвиг деревянный памятник на месте рождения М. В. Ломоносова. Пилон с вазой-светильником; рядом с памятником внебрачному сыну, П. П. Лищеву. 1782–1808. I уч., близ сторожки у юж. ограды.

417. **Черкасов** Иван Иванович, бар. 1732–1811. Вице-адмирал. Постамент с вазой. VIII уч., близ памятника Ханыкову

418. **Черкасская** Мария Юрьевна, кн. (рожд. кн. Трубецкая). 1696–1747. Вторая жена канцлера кн. А. М. Черкасского, сестра фельдмаршалов Н. Ю. и И. Ю. Трубецких, мать жены гр. П. Б. Шереметева. Гранитная плита с врезанной мраморной доской под фигурной решеткой. Неизв. мастер, 1785 г. I уч., между Петровской дор. и сев. стеной Лазаревской усыпальницы.

419. **Черкасский** Петр Дмитриевич, кн. 1799–1852. Камергер. Ажурная чугунная часовенка в готическом стиле. XII уч.

420. **Чернышев** Григорий Петрович, гр. 1672–1745. Генерал-аншеф, сенатор, участник Северной войны, был денщиком Петра I; отец фельдмаршала З. Г. Чернышева. Чугунная плита с гербом; найдена при раскопках у зап. стены Лазаревской усыпальницы в 1929–1931 гг. I уч.

421. **Чернышева** Евдокия Ивановна, гр. (рожд. Ржевская). 1693–1747. Статс-дама имп. Анны Иоанновны; жена гр. Г. П. Чернышева. Чугунная плита с гербом; соседняя с плитой мужа. I уч.

422. **Чертков** Евграф Александрович. Ум. 1797. Действительный тайный советник, участник дворцового переворота 1762 г. Гранитный обелиск, увенчанный шлемом, с нишей на фасаде; однотипный с надгробием П. Маруцци. X уч.

423. **Чертов** Иван Васильевич. 1722 (?)–1802. Бригадир. Мраморный постамент с гербом, увенчанный вазой. II уч., близ памятника А. В. Храповицкому

424. **Чичагов** Василий Яковлевич. 1726–1809. Адмирал. Гранитный жертвенник с барельефным портретом; эпитафия имп. Екатерины II. Арх. Тома де Томон (?), 1800-е гг. IV уч., Петровская дор.

425. **Чичерин** Александр Александрович. 1791–1808. Сын генерал-майора А. Н. Чичерина. Полуколонна с мраморным изваянием феникса; стихотворная эпитафия. Неизв. мастер, 1809 г. IV уч.

426. **Шаров** Ефрем Иванович. 1722–1792. Петербургский купец.

Шаров Андреян Ефремович. 1747–1779. Сын Е. И. Шарова.

Шарова Прасковья Васильевна. 1719–1779. Жена Е. И. Шарова. Гранитный саркофаг с филенками, типичный для памятников 1790-х гг. II уч.

427. **Шаховская** Анна Петровна, кн. 1807–1827. Фрейлина; сестра декабриста Ф. П. Шаховского. Мраморная плита в ограде. X уч.

428. **Шемякин** Александр Никитич. 1765–1807. Сын Н. Т. Шемякина. Мраморный портал с рельефом гения смерти. IX уч., близ зап. ограды.

429. **Шемякин** Никита Тимофеевич. 1727–1799. Петербургский купец, статский советник. Мраморная полуколонна. Семейное место Шемякиных и Апайщиковых. IX уч.

430. **Шеншин** Василий Никанорович. 1784–1831. Генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812 г.

Шеншина Варвара Петровна (рожд. Неклюдова). 1794–1827. Жена В. Н. Шеншина. Постамент с урной; в художественной ограде. II уч.

431. **Шепелев** Петр Амплиевич. 1737–1828. Гранитный жертвенник с накладными чугунными деталями. I уч.

432. **Шереметев** Василий Васильевич. 1794–1817. Кавалергард; погиб на дуэли с А. П. Завадовским из-за балерины А. И. Истоминой. Постамент с мраморной скульптурной композицией. Мастерская А. Трискорни, 1810-е гг. Рядом с памятником брату, П. В. Шереметеву, 1799–1837. V уч.

433. **Шешковский** Степан Иванович. 1720–1794. Обер-секретарь Тайной экспедиции, «кнутобоек». Гранитный саркофаг. Рядом с памятниками жене и сыну V уч.

434. **Шишмарева** Анна Сергеевна (рожд. Яковлева). 1800–1829. Дочь заводчика С. С. Яковлева, жена штабс-капитана гвардии А. Ф. Шишмарева, владельца дома, известного многим литераторам и художникам. Мраморная скульптура «плакальщицы Трискорни» на постаменте-жертвеннике. Мастерская А. Трискорни, 1820-е гг. IX уч.

435. **Шишова** Феодосия Илларионовна. 1768–1815. Жена статского советника Е. П. Шишова. Полуколонна с урной на постаменте; стихотворная эпитафия, подписанная «Маг. Вас. Раз...й». II уч.

436. **Шкурина** Анна Александровна. 1807–1808. Внучка камергера имп. Екатерины II В. Г. Шкурина. Художественное надгробие: скульптура путто на постаменте. I уч., Петровская дор.

437. **Шпигельберх** Авдотья Ильинична. Ум. 1837. Художественное надгробие: мраморный жертвенник с рельефом и стихотворной эпитафией. Памятник перенесен с Волковского православного кл. в 1930-е гг. XI уч., Мартоусовская дор.

438. **Штерич** Петр Иванович. 1768–1809. Статский советник; отец Е. П. Штерича, приятеля М. И. Глинки. Колонка на постаменте. IV уч.

439. **Шубин** Петр Иванович. Ум. 1810. Коллежский советник. Полуколонна с урной; в чугунной оgrade, общей с памятниками жене и дочери. VI уч.

440. **Шубин** Федот Иванович. 1740–1805. Скульптор. Мраморный жертвенник с барельефным портретом. Ск. И. П. Прокофьев (?), 1800-е гг. Стихотворная эпитафия. Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1935 г. VIII уч., близ Дор. мастеров искусств.

441. **Шувалов** Петр Андреевич, гр. 1771–1808. Генерал-лейтенант, камергер. Гранитный жертвенник с мраморным барельефным портретом. II уч., близ Лазаревской усыпальницы.

442. **Шувалов** Петр Иванович, гр. 1710–1762. Генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер, приближенный имп. Елизаветы Петровны. Полуколонна с урной на постаменте. Неизв. мастер, 1810-е гг. II уч.

443. **Шульгин** Дмитрий Иванович. 1784–1854. С.-Петербургский военный генерал-губернатор. Гранитный саркофаг. XII уч.

444. **Щедрин** Семен Федорович. 1745–1804. Художник-пейзажист. Гранитная полуарка. Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1939 г. III уч.

445. **Щедрин** Феодосий Федорович. 1751–1825. Скульптор; брат Сем. Ф. Щедрина, отец Сильвестра Ф. Щедрина.

Демут-Малиновская Елизавета Федосеевна. Ум. 1851. Дочь Ф. Ф. Щедрина, жена скульптора В. И. Демут-Малиновского.

Гранитная полуарка, однотипная с памятником С. Ф. Щедрину. Прах и памятник перенесены со Смоленского православного кл. в 1934 г. V уч., Дор. мастеров искусств.

446. **Щелин** Василий Васильевич. 1731–1784. Бригадир, главный командир Партикулярной верфи. Плита из известняка. Найдена при раскопках 1929–1931 гг. VIII уч.

447. **Щербинин** Григорий Александрович. 1784–1843. Обер-прокурор Сената. Срезанная гранитная полуколонна. Мастер Е. М. Тропин, 1840-е гг. VI уч.

448. **Эйлер** Леонард. 1707–1783. Математик, физик, астроном. Гранитный саркофаг. Неизв. мастер, 1837 г. Прах и памятник перенесены со Смоленского лютеранского кл. в 1950-е гг. V уч., Ломоносовская дор.

448. **Юматова** Мария Яковлевна. Ум. 1743. Плита из известняка. Найдена на территории Крестовоздвиженского Ямского кладбища и перенесена в некрополь в 1998 г. X уч.

450. **Якимов** Иван. 1780–1804. Воспитанник гр. Н. П. Шереметева. Медная плита с эпитафией. I уч., у сев. стены Лазаревской усыпальницы. Плита хранится в фонде музея.

451. **Яковлев** Михаил Саввич. 1742–1781. Старший сын С. Я. Яковлева, владелец Ярославской полотняной мануфактуры.

Яковлева Степанида Степановна (рожд. Зимина). 1738–1781. Жена М. С. Яковлева.

Мраморный постамент из блоков; в одной ограде с отцом и матерью. Семейное место Яковлевых. IX уч.

452. **Яковлев** Николай Михайлович. 1761–1813. Старший сын М. С. Яковлева, получивший в наследство Ярославскую мануфактуру; был женат на кн. Д. С. Баратовой. Скульптура «плакальщицы Трискорни» на постаменте-жертвеннике. IX уч., Петровская дор.

453. **Яковлев** Савва Яковлевич. 1712–1784. Выходец из осташковских крестьян, крупнейший русский заводчик XVIII в., откупщик. Мраморный саркофаг с рельефами и накладной медной позолоченной оковкой. Ск. Я. Земмельгак, 1785 г. В художественной ограде. Рядом с женой, М. И. Яковлевой (1720–1797), сыновьями, М. С. и П. С. Яковлевыми. Семейное место Яковлевых. Куч.

454. **Яковлев** Сергей Михайлович. 1767–1792. «Армии прапорщик»; сын М. С. Яковлева. Гранитный саркофаг с мраморным портретом. Ск. Я. Земмельгак (?). Портрет находится в фондах музея. IX уч., у зап. стены некрополя.

455. **Яковлев** Сергей Саввич. 1763–1818. Сын С. Я. Яковлева; владелец девяти заводов на Урале. Мраморный постамент с гербом и рельефом; стихотворная эпитафия. В одной ограде с памятником жене, М. Б. Яковлевой. IX уч.

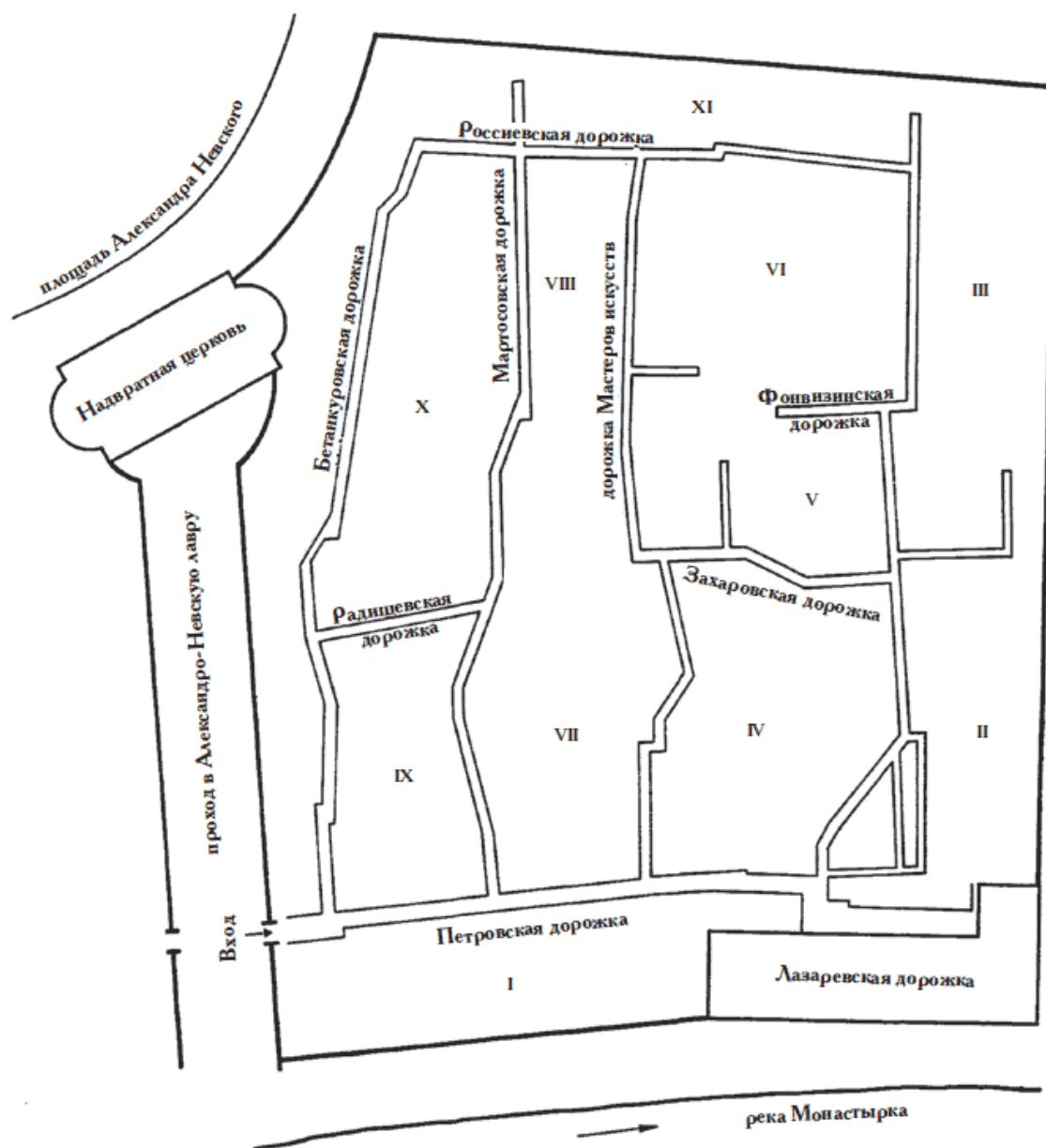
456. **Яковлев** Федор Андреевич. 1796–1837. Полковник Преображенского полка. Мраморная стела с рельефом военной armатуры. Памятник перенесен с кл. Сергиевой пустыни в 1931 г. X уч.

457. **Яковлева** Мавра Борисовна (рожд. Струговщикова). 1783–1805. Жена С. С. Яковлева, умерла, оставив семь дочерей. Художественное надгробие: мраморный постамент с рельефом гнезда с осиротевшими голубками; стихотворная эпитафия. В одной ограде с памятником мужу IX уч.

458. **Янкович де Мириево** Федор Иванович. 1741–1814. Член Российской Академии, основатель и первый директор народных училищ в России. Художественное надгробие: мраморный жертвенник, однотипный с соседним памятником жене, Юлиане Юрьевне. 1755–1818. VII уч., Мартосовская дор.

459. **Ярцов** Иван Васильевич. 1746–1809. Статский советник. Художественное надгробие: массивная гранитная урна на постаменте; в чугунной ограде. XI уч.

Некрополь XVIII века (Лазаревское кладбище)



Ю. М. Пириутко ЛАЗАРЕВСКАЯ УСЫПАЛЬНИЦА

На берегу реки Монастырки, как бы врасая в каменную ограду, протянулось длинное одноэтажное здание с невысоким куполом в восточной части – Лазаревская церковь. Освященная в память евангельского воскрешения Лазаря, церковь служила усыпальницей; по ее имени стало называться Лазаревским и кладбище – нынешний Некрополь XVIII века. Церковь эта несколько раз перестраивалась и свой современный облик получила в 1830-е гг. Однако в основе ее находится первая каменная постройка Александро-Невского монастыря.

25 марта 1713 г. был освящен первый монастырский храм – деревянная Благовещенская церковь на левом берегу Черной речки. Через четыре года возле ее алтаря возвели каменную «палатку», восьмигранную в плане, размером три на три сажени. «В монастыре строить начали палатку, где положено будет тело благородных государыни царевны Наталии Алексеевны; за олтарем и вскоре совершится»²⁵⁷, – сообщал архимандриту Феодосию 28 июня 1717 г. майор Г. И. Рубцов, надзиравший за монастырским строением.

Сестра Петра I скончалась в 1716 г., но тело ее оставалось, по повелению царя, непогребенным до возвращения Петра из продолжавшегося более года заграничного путешествия. Петр вернулся 10 октября 1717 г. Освящение Лазаревской церкви состоялось, вероятно, 17 октября, в празднование «перенесения мощей праведного Лазаря четверодневного».

Год спустя, 23 декабря 1718 г., в склепе Лазаревской церкви похоронили придворного медика Р. Арескина, а 26 апреля 1719 г. «в том же месте, где гроб царевны Наталии Алексеевны», был похоронен младенец царевич Петр Петрович, смерть которого потрясла царя, лишившегося сына-наследника²⁵⁸. В 1723 г. останки родственников Петра I перенесли в только что построенную на правом берегу Черной речки каменную Благовещенскую церковь.

В деревянной Благовещенской церкви происходили погребения некоторых выдающихся деятелей петровского времени. В 1719 г. для захоронения графа Бориса Петровича Шереметева к церкви пристроили особый притвор. Согласно монастырским описям, в церкви находились парсуны (портреты) фельдмаршала Б. П. Шереметева, генерала А. А. Вейде, полковника Преображенского полка А. М. Головина – «персоны», писанные «на китайке черной разными красками, с бахромой и кистями, на древце с копьём золоченым». Обычай помещать парсуну покойного в храме рядом с местом его погребения был характерен еще для Московской Руси.

К середине XVIII в. на территории Лазаревского кладбища существовало уже не менее полусотни захоронений. Старая Благовещенская церковь была разобрана, и несколько севернее прежнего места в 1756–1758 гг. сооружена новая, тоже деревянная. Она простояла до конца 1780-х гг., когда начались расширение и перестройка каменной Лазаревской церкви. К старой, начала XVIII в., части были пристроены небольшая ризница – с севера и трапезная – с запада²⁵⁹. Средства на расширение церкви дал известный деятель екатерининского времени И. П. Елагин, желавший быть погребенным «в церкви, со вкладом от него строенной»²⁶⁰. Расширенное здание все же не доставало четырех саженей до места, где находилось погребение Б. П. Шереметева и его внуков – Порфирия и Анны. Граф Н. П. Шереметев дал необходимые 1 600 руб., и в 1789 г. постройка была удлинена, приняв современные размеры²⁶¹. Некоторые захороне-

²⁵⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 2. Д. 52 (1717 г.).

²⁵⁸ Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913. С. 372.

²⁵⁹ Амвросий, архиепископ. История Российской Иерархии. Ч. 2. М., 1810. С. 219.

²⁶⁰ Студенкин Г. Иван Перфильевич Елагин // Рус. старина. 1887. Июль. С. 202.

²⁶¹ РГИА. Ф. 815. Оп. 7. Д. 23. Л. 3.

ния, прежде находившиеся вблизи Лазаревской усыпальницы, оказались теперь в ее стенах – например, архиепископа Феофилакта Лопатинского, фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого.

К 1810 г. в усыпальнице насчитывалось семнадцать захоронений. К старым шереметевским прибавились еще две гробницы. Лазаревская усыпальница стала местом погребения Параши Жемчуговой, жизнь которой овеяна романтической дымкой легенд. Вдохновенная актриса крепостного шереметевского театра, Прасковья Ивановна стала супругой графа Николая Петровича. Родив ему единственного сына Дмитрия, Прасковья Ивановна скончалась 23 февраля 1803 г. в «Фонтанном доме» Шереметевых. Похороны, устроенные с редкой пышностью, не собрали, однако, сиятельных знакомых графа, игнорировавших казавшийся невероятным брак Шереметева со своей крепостной актрисой. Николай Петрович, человек весьма набожный, несколько раз в год жертвовал огромные суммы на заупокойные службы по Прасковье Ивановне в Лазаревской церкви²⁶². Он пережил любимую жену на шесть лет и был похоронен, согласно завещанию, рядом с ней «в простом гробе», без торжественного обряда.

Хотя Шереметевы по традиции рассматривали Лазаревскую церковь как родовую усыпальницу, здесь были и другие захоронения. Близ северной стены был погребен граф А. П. Шувалов, принадлежавший к интимному кругу Екатерины II. У западной стены находился памятник княгини А. П. Гагариной (рожд. Лопухиной), фаворитки Павла I, там же был погребен основатель Херсона И. А. Ганнибал, двоюродный дед А. С. Пушкина.

В Лазаревской усыпальнице имеются своеобразные пристенные надгробия в форме пилястр, порталов, обелисков. Интересной особенностью ее убранства были вмурованные в стены бронзовые плиты, первоначально находившиеся в горизонтальном положении на местах захоронений, вошедших в пределы перестроенной церкви. Таковы, например, плиты князя И. Ю. Трубецкого и поэтессы А. Ф. Ржевской. На основе этой традиционной формы в конце XVIII в. в русской мемориальной скульптуре появился монументальный рельеф. В Лазаревской усыпальнице находится шедевр этого жанра – надгробие генерала П. И. Мелиссино, созданное в 1800 г. скульптором М. И. Козловским.

У наружной северной стены усыпальницы в 1810 г. сооружен массивный портал с аллегорической скульптурной композицией (архитектор Ж. Тома де Томон, скульптор Ж. Камберлен) – надгробие князя А. М. Белосельского-Белозерского, русского мыслителя, литератора, дипломата, коллекционера. В 1840-е гг. рядом появилось надгробие второй жены князя, Анны Григорьевны Белосельской-Белозерской, похороненной рядом с матерью, Е. И. Козицкой, и сестрой, А. Г. Лаваль. Монументальный горельеф этого надгробия у входа в Лазаревскую усыпальницу изваял И. П. Витали.

В 1835–1836 гг. происходила капитальная перестройка здания Лазаревской церкви. По заказу графа Д. Н. Шереметева архитектор Л. Я. Тиблен составил проект, который был утвержден, с некоторыми поправками, Комитетом для строений и гидравлических работ²⁶³.

Подряд на строительные работы взял купец 3-й гильдии А. А. Дорогулин. Договор предусматривал разборку кровли и перекрытий, ломку фундаментов и перекладку стен с увеличением их высоты. Полностью изменилось архитектурное решение алтарной части с купольным сводом²⁶⁴. По существу, в результате строительных работ, завершившихся в мае 1836 г., появилось новое здание, сохранившее лишь план предыдущей постройки. В дальнейшем, при ремонтных работах 1845 и 1867 гг., изменился иконостас, подновлялась роспись сводов²⁶⁵.

Захоронения в усыпальнице продолжались и во второй половине XIX в. В 1857 г. в полу была установлена великолепная надгробная плита гр. Л. А. Перовского, выполненная в технике

²⁶² Там же. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 70.

²⁶³ РГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1133-а.

²⁶⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1858.

²⁶⁵ Там же. Ф. 815. Оп. 9. Д. 100 (1867 г.).

флорентийской мозаики. Последней в усыпальнице была похоронена в 1890 г. вдова литератора и государственного деятеля пушкинского времени, «арзамасца» Д. В. Дашкова – Екатерина Васильевна.

С закрытием в 1923 г. Лазаревского кладбища усыпальница оказалась недоступна для посещения. Долгое время она служила складом различных памятников и деталей художественных надгробий, которые начиная с 1931 г. свозились сюда с других кладбищ города. В 1932 г., когда Лазаревская церковь вошла в состав Музея-некрополя, был переделан интерьер: разобрали иконостас, окрасили стены и потолок. Большинство исторических памятников остались на своих местах, но часть киотов и икон исчезла именно в это время.

В 1937 г. в Лазаревской усыпальнице пришлось разместить целый ряд новых памятников в связи с тем, что одна из наиболее значительных лаврских усыпальниц – Духовская церковь – была подвергнута вандалистскому разгрому. Несколько позже, в 1940 г., под полом Лазаревской церкви были преданы земле останки известных исторических деятелей, перенесенные из Духовской церкви. Среди них – грузинский энциклопедист Иоанн Багратиони, жена М. И. Кутузова Екатерина Ильинична, канцлер В. П. Кочубей, герой Отечественной войны 1812 г. Ф. П. Уваров, ряд друзей и знакомых А. С. Пушкина: Б. М. Хитрово, Н. К. Загряжская, Е. И. Голицына и др. Некоторые памятники в Лазаревскую усыпальницу перенесены из Федоровской лаврской церкви, Смоленской армянской, а также из католического костела в Царском Селе (г. Пушкин). Сюда был перезахоронен граф И. С. Лаваль (1761–1846), тесть декабриста князя С. П. Трубецкого, однако его надгробие так и не установили. Из восьмидесяти двух памятников, находящихся сейчас в Лазаревской усыпальнице, тридцать три перенесены из других мест.

В годы войны осколки снарядов повредили во многих местах кровлю здания²⁶⁶. Первые ремонтно-восстановительные работы начались уже в 1944 г., и через три года музейная экспозиция Лазаревской усыпальницы была впервые открыта для посещения. Исторически сложившийся к началу XX в. интерьер церкви-усыпальницы был утрачен безвозвратно. Здание приобрело иное назначение: музейного зала, в котором представлены образцы художественных надгробий XVIII–XIX вв.²⁶⁷ Однако существенно важным остается исторически присущее ему мемориальное значение церкви-усыпальницы²⁶⁸.

В перечень памятников, находящихся в Лазаревской церкви, включены шестьдесят семь надгробий, представляющих несомненный исторический интерес. За пределами списка остались безымянные надгробия, перенесенные сюда в 1930-е гг., а также несколько плит детских захоронений.

²⁶⁶ Пирютко Ю.М. Вновь открыты музеи // Возрождение. Л., 1977. С. 247.

²⁶⁷ В настоящее время в усыпальнице экспонируются перенесенные из Некрополя XVIII века скульптурные фрагменты надгробий: С. А. Строгановой (ск. М. И. Козловский, 1802 г.) и М. Д. Хрушова (ск. И. П. Прокофьев, ок. 1808 г.).

²⁶⁸ Пирютко Ю. М. Лазаревская усыпальница – памятник русской культуры XVIII–XIX вв. // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1989. С. 485–497.

Исторические захоронения в Лазаревской усыпальнице

1. Апраксин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.